٩٠٥

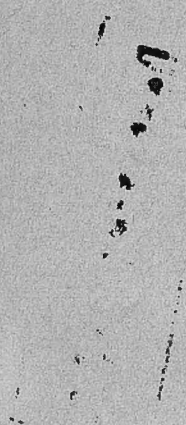
Шкафъ 1 3
Полка 3
№ 574
Проверено 1964 г.
-- МАЙ 2008

574

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

ИМПЕРАТОРСКАГО
ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ
С.-Петербургск. Университета

Шкафъ 1
Полка 3
№ 574



ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

ІЮНЬ.

МОСКВА.

1871.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стран.

I. Извлеченіе изъ протоколовъ Московскаго Юридическаго Общества. 3

II. Уголовные романы. *А. Д. Любавскаго* 19

III. Судебная практика. 42

IV. Юридическія замѣтки:

a) Смыслъ пословицы: вдова — мірской человѣкъ. *В. Н. Лешкова.* 106

b) Три вопроса изъ практики московской судебной палаты. *Д. П. Тихомирова.* 109

V. Новѣйшая адвокатура. Жюля Ле-Беркье. Пер. съ фран. *В. И. Кохнова.* (въ приложеніи) . . . . . III—XII

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

ІЮНЬ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1871.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

МАЙ.

МОСКВА.

1871

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

1869 г. 17 декабря. По вопросу, предложенному Н. Я. Березницкимъ. „Поручитель, заплатя долгъ по обязательству впослѣдствіи признанному, по суду *недѣйствительнымъ*, сохраняетъ ли за собою право обратнаго требованія по тому обязательству *съ заимодавца*?“

Н. Я. Березницкій. По 3 п. 1558 и 1561 ст. Том. X. Зак. Гражд. поручитель, удовлетворившій *кредитора*, имѣетъ право требовать отъ *должника* вознагражденія за понесенные имъ отъ того убытки, а равно и слѣдующіе ему съ заплаченной за него суммы денегъ проценты и заплатя долгъ по обязательству, участвуетъ въ конкурсной массѣ, *какъ обыкновенный кредиторъ* и удовлетворяется по соразмѣрности съ прочими. Изъ приведенныхъ узаконеній видно, что ими установлены юридическія послѣдствія удовлетворенія поручителемъ *заимодавца*, относящіяся, непосредственно, къ лицу *должника*. Указанный же вопросомъ случай не предусмотрѣнъ законами о поручительствѣ. Обращаясь затѣмъ къ разрѣшенію вопроса и принимая въ соображеніе, что по 1534 ст. том. X. Зак. Гражд. ч. I, поручительство составляетъ одинъ изъ видовъ обезпеченія договора и обязательствъ, полагалъ: что съ признаніемъ главнаго договора или обязательства *недѣйствительнымъ* падаетъ и условіе о поручительствѣ и затѣмъ для нарушителя возникаетъ и самое право обратнаго отъ заимодавца требованія полученнаго неправильно платежа.

Я. И. Любимцевъ. Въ данномъ случаѣ, весьма важно опредѣленіе причины, по которой договоръ или обязательство, по суду, признаются *недѣйствительными*. Въ гражданскихъ законахъ исчислены нѣкоторыя условія, при наличности

которыхъ, договоръ почитается *недѣйствительнымъ*, и обязательство *ничтожнымъ* (том. X, ч. I, ст. 700, 701—706, 728 (по прод. 63) 769, 770, 772, 773 (по прод. 63 г.) 778, 779, 784, 786, 788, 883, 884 и 1529). Этимъ перечнемъ узаконеній однако не исчерпываются всѣ случаи. Но изъ нихъ легко усмотрѣть, что поводомъ къ признанію договора *недѣйствительнымъ* и обязательства *ничтожнымъ* представляются причины, вытекающія изъ разныхъ основаній. Почему и находилъ, что предложенный г. Березницкимъ вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ въ столь общей формулѣ.

Б. У. Бениславскій, находилъ возможнымъ обсужденіе вопроса съ тѣмъ, чтобы въ отвѣтѣ были указаны, если это необходимо, и случаи, въ которыхъ недѣйствительность договора и обязательства должны имѣть своимъ послѣдствіемъ освобожденіе поручителя отъ его обязательства и обратное требованіе отъ заимодавца—полученнаго имъ неправильно удовлетворенія. По мнѣнію же его, кто принимаетъ на себя поручительство по обязательству, тотъ обязывается предъ *кредиторомъ* исполнить оное на случай или несостоятельности *должника* или если это обязательство не будетъ исполнено самимъ должникомъ, какъ напримѣръ въ поручительствѣ на *срокъ*; почему едвали возможно допустить отвѣтственность поручителя, вообще, по обязательству не имѣющему или утратившему *законную силу*.

А. И. Харламповичъ, полагалъ, что при разрѣшеніи настоящаго вопроса слѣдовало бы обратить вниманіе на различіе возраженій, по которымъ то или другое обязательство признано судебнымъ рѣшеніемъ недѣйствительнымъ—такъ, возраженія, вытекающія напр. изъ неправоспособности должника, и имѣющія своимъ послѣдствіемъ недѣйствительность его обязательства, кажется не могутъ быть распространяемы на поручителя, имѣвшаго законную правоспособность.

К. П. Полибинъ, поставлялъ на видъ, что поручительство не можетъ превышать того, къ чему обязанъ *должникъ*, почему при освобожденіи этого послѣдняго отъ выполненія принятаго имъ обязательства, поручительство должно раздѣлить ту же участь.

А. М. Фальковскій. Законы о поручительствѣ въ Св. Зак. Гражд. изложены въ немногихъ статьяхъ,—почему въ

практикѣ неминуемо должно возникать множество вопросовъ касающихся свойства и объема поручительства и отношеній между кредиторомъ и поручителемъ, между должникомъ и поручителемъ и относительно прекращенія самаго поручительства. Настоящій вопросъ затрогиваетъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ и спорныхъ моментовъ поручительства. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ *исполненномъ* поручителемъ обязательствѣ съ одной стороны и съ другой о признаніи судомъ этого обязательства *недѣйствительнымъ* по отношенію *къ должнику*. Практика Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената отчасти разрѣшила предложенный здѣсь г. Березницкимъ вопросъ. Такъ, по дѣлу мѣщанина Капранова (Касс. Рѣш. 14 и 21 мая сего 1869 г.) *) разсмотрѣнію Правительствующаго Сената подлежалъ вопросъ объ отвѣтственности поручителя по роспискѣ, не подписанной должницею. Приведемъ нѣкоторыя соображенія изъ этого рѣшенія, относящіяся къ обсуждаемому нами вопросу. Правительствующій Сенатъ нашелъ: „что поручительство, *какъ обязательство обезпечивающее*, мо„жетъ сопровождать всякій договоръ не только имуществен„ный, но и личный, и устанавливая юридическія отношенія „между данными лицами, представляетъ договоръ *дополнитель„ный, придаточный* въ отношеніи къ *главному самостоятельному* „договору, который онъ обезпечиваетъ. Отвѣтственность „по договору *поручительства* наступаетъ не прежде, какъ „по возникновеніи главнаго обязательства, такъ что, въ слу„чаѣ неосуществленія сего послѣдняго, *или признанія его не„дѣйствительнымъ*, поручительство, *какъ договоръ придаточный*, „дѣлается *недѣйствительнымъ*. Исключеніе изъ сего общаго „правила допускается только въ томъ случаѣ, когда пору„читель независимо отъ ручательства за исправность того, „за кого принимаетъ поруку, вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ „на себя отвѣтственность, положительно высказанную за „дѣйствительность и законность договора, такъ напр. въ „случаѣ ручательства, что договаривающійся достигъ со„вершеннолѣтія и т. п.“ Итакъ, намъ остается только разсмотрѣть, какое, въ подлежащемъ нашему обсужденію слу-

*) № 504. Ред.

чаѣ, должно имѣть вліяніе то обстоятельство, что поручитель *удовлетворивъ заимодавца по обязательству*, какъ бы самъ призналъ оное для себя обязательнымъ—наше законодательство не допускаетъ дѣленія обязательствъ, подобно римскому, на естественныя и гражданскія, изъ которыхъ, первыя могутъ имѣть силу посредствомъ *исключенія*, напримѣръ, если должникъ выполняетъ обязательство, то онъ не можетъ требовать возвращенія уступленныхъ имъ въ чужую пользу правъ, хотя бы сдѣлалъ это по ошибкѣ или по невѣдѣнію. Русское гражданское право знаетъ только фактическія, совершенныя обязательства, выполненіе которыхъ можетъ быть вынуждено закономъ (том. X. Зак. Гражд. ч. I, ст. 568—573, и рѣш. Гражд. Кас. Деп. Прав. Сенат. 14 декабря 1867 г. № 511). Самое же выполненіе обязательствъ поставлено въ зависимость *отъ правильнаго ихъ составленія* (том. X, ч. I, ст. 569), другими словами, оно обусловлено законностью юридической сдѣлки. Коль скоро эта послѣдняя по судебному рѣшенію, вошедшему въ законную силу, признана *недѣйствительною*, то и не можетъ имѣть никакой силы для участвовавшихъ въ ней лицъ; но при этомъ могутъ возникнуть новыя между ними юридическія отношенія, дающія право требованія, но *на иномъ основаніи*. При изложенномъ воззрѣніи высшей судебной практики на свойство и значеніе поручительства, слѣдуетъ признать, что поручитель, при условіяхъ, поставленныхъ вопросомъ г. Березницкаго, имѣлъ право обратнаго требованія отъ заимодавца.

Предсѣдатель В. Н. Лешковъ. Нельзя не обратить особеннаго вниманія на одно изъ положеній приведенныхъ соображеній Касс. Деп. Правительствующаго Сената, допускающаго возможность *поручительства за дѣйствительность и законность договора*. Однимъ изъ сочленовъ нашихъ точно опредѣлено свойство и объемъ поручительства. По закону, предметомъ договора, вообще, могутъ быть *или имущества или дѣйствія лицъ* (том. X, ч. I, ст. 1528). Вѣрнѣе бы сказать: *то, что договаривающаяся сторона обяжется дать, сдѣлать или не дѣлать*. Обязательство что-либо *сдѣлать*, вслучаѣ неисполненія, превращается въ обязательство вознаградить за вредъ и убытки;—*не дѣлать*, даже это—право въ силу самаго событія нарушенія. На основаніи всего этого едвали возможно поручительство *за дѣйствительность и законность договора*.

Оно выходитъ за предѣлы сущности поручительства, въ томъ видѣ какъ оно опредѣляется и самимъ Правительствующимъ Сенатомъ.

Большинство членовъ, бывшихъ въ засѣданіи, разрѣшило вопросъ согласно съ мнѣніемъ члена, предложившаго оный, но по желанію нѣкоторыхъ изъ членовъ Общества вопросъ оставленъ открытымъ.

1870 г. 20 апрѣля. По вопросу предложенному г. Предсѣдателемъ Общества В. Н. Лешковымъ. „Дѣйствителенъ ли договоръ, заключенный нѣсколькими владѣльцами о томъ, чтобы на земляхъ ихъ не имѣть кабаковъ?“

Новость, или необычность условія не должна мѣшать его признанію за обязательный гражданскій договоръ. Исторія права содержитъ въ себѣ исторію договоровъ, изъ которыхъ видно, что не всѣ договоры извѣстные нынѣ, существовали во времена древнѣйшія, и однакожъ чрезъ то не затрудняли и не затрудняютъ судовъ и судей въ признаніи за ними обязательности для заключавшихъ сторонъ. Договоры товарищества, компаній, страхованія, сравнительно съ договорами купли, продажи, займа, мѣны, весьма новы, но постоянно были защищаемы судебными учрежденіями. Думаю, что такимъ образомъ можно разсматривать вопросъ, относительно положительныхъ распоряженій закона, или Свода объ извѣстныхъ видахъ договоровъ. Не всѣ виды исчерпаны вычисленіемъ, и вычисленіе не имѣетъ того значенія, по которому договоръ, не попавшій въ это вычисленіе, не будетъ признанъ договоромъ, хотя жизнь того требуетъ. Отличіе гражд. законовъ отъ уголовныхъ между прочимъ состоитъ въ томъ, что уголовные предусматриваютъ извѣстныя противозаконныя дѣянія, или преступленія, гражданскіе же не предусматриваютъ дѣйствій и сдѣлокъ, а допуская все не запрещенное, только освѣщаютъ тѣ изъ созданныхъ жизнію, которыя могутъ быть признаны законными. Не то важно, при вопросѣ о законности сдѣлки, подходитъ ли она подъ тотъ или другой видъ договоровъ, положительно признанныхъ, а важно то, подходитъ ли спорная сдѣлка вообще подъ тѣ типическіе признаки, которые составляютъ характеръ договорной сдѣлки гражд. права. Если сдѣлка подходитъ подъ эти признаки, то судъ долженъ признать ее обязательной, по духу законодательства, или законовъ, хотя бы

онъ не находилъ положительнаго, буквальнаго указанія на то въ указахъ. Разумный приговоръ судебный послужитъ источникомъ для новаго указа о подобной сдѣлкѣ. Такъ творится право гражданское, чему служитъ доказательствомъ исторія гражданскаго права, всегда начинающаяся съ Судебниковъ, т.-е. вообще съ источниковъ процессуальныхъ.

Какіе же характерные признаки составляютъ сущность гражданской сдѣлки и договора? Прежде всего въ договорѣ необходимо присутствіе двухъ, или болѣе лицъ, субъектовъ, участвующихъ въ сдѣлкѣ; затѣмъ необходимо ихъ взаимное свободное согласіе, и втретьихъ необходимъ предметъ, или *объектъ*, которымъ можетъ быть только имущество, вещь, да дѣйствіе, или воздержаніе отъ дѣйствія, направленнаго на имущество, или, иначе, имѣющаго своимъ предметомъ имущество. Понятно, что договоръ немыслимъ, какъ гражданская сдѣлка, если предметомъ его служатъ чувства, напр. любви, дружбы, почтенія или вѣрованія, убѣжденія, или даже дѣйствія, съ имуществомъ ничего общаго не имѣющія, напр. совершеніе дѣлъ добрыхъ, или воздержаніе отъ дурныхъ и порочныхъ, равно какъ напр. прогулка, сидѣнье дома, или посѣщеніе сада, клуба, общества, даже засѣданія въ присутственномъ мѣстѣ и т. д. Наконецъ, поэтому же формально запрещаются условія, противныя вѣрѣ, морали, законамъ. Имущества и одни имущества, съ дѣйствіями на нихъ обращенными, составляютъ область для договоровъ, но за то всѣ имущества и все, входящее въ составъ имущества, и притомъ безпредѣльно, во всю ширину права лицъ на эти ихъ имущества. Все, что хозяинъ можетъ законно совершить съ своимъ имуществомъ, все это можетъ онъ уступить, передать и поручить другому для совершенія, безвозмездно или съ вознагражденіемъ, по своему усмотрѣнію. Область договоровъ равна всей области имущественнаго права страны, и предѣлы договоровъ необходимо находятся въ предѣлахъ нашего права на имущества. Ограниченная собственность, срочное владѣніе, стѣсненное такъ или иначе пользованіе и распоряженіе въ имуществахъ несомнѣнно должны отражаться въ той формѣ распоряженія имуществомъ, которая извѣстна подъ названіемъ договора. Именно, договоръ гражданскаго права есть только особая форма нашего имущественнаго права. Въ системѣ имуще-

ственнаго права вещи находятся, какъ бы въ покоѣ, а въ системѣ договорнаго, онѣ представляются въ движеніи, въ оборотѣ, но подъ условіемъ постоянно сохранять къ лицу и къ лицамъ то служебное значеніе, которое имѣютъ вещи въ системѣ имущественнаго права. Отсюда выводимъ еще одно слѣдствіе, по которому стороны договаривающіяся непремѣнно должны быть хозяевами вещей, въ томъ, или другомъ значеніи, и что взаимныя ихъ отношенія вообще выражаются тѣмъ, что одинъ изъ нихъ имѣетъ роль кредитора, а другой должника, для того, чтобы впослѣдствіи одинъ изъ нихъ на судѣ могъ играть роль истца, а другой роль отвѣтчика.

Кажется, этими общими положеніями можно удовольствоваться для порѣшенія предложеннаго вопроса о договорѣ сосѣдей не имѣть кабаковъ на ихъ землѣ. Каждый изъ этихъ сосѣдей, по землевладѣнію подобно тому, какъ и всякій изъ сосѣдей по домовладѣнію, имѣетъ право и открыть кабакъ, или отдать свое зданіе и свою землю внаймы подъ кабакъ, и не открывать кабака, или не допускать его открытія на своей землѣ, или въ своихъ зданіяхъ. Это — естественное слѣдствіе его права собственности въ его землѣ и въ его зданіи. Правда, въ то время, когда казна сама торговала виномъ, и даже тогда, когда дѣйствовала откупная система, бывали въ Россіи земли и мѣста, необходимо несшія повинность, по которой тамъ неизмѣнно бывали поддерживаемы и устрояемы кабаки. Никакая перемѣна въ лицѣ собственника, или въ свойствѣ права хозяина на землю и зданіе не могла имѣть вліяніе на существованіе, или закрытіе кабака. Обратное тому видѣли мы и видимъ до сихъ поръ на земляхъ архіерейскихъ домовъ, монастырей и церквей, гдѣ ни прежде, ни послѣ, не дозволялось и не дозволяется открывать кабаковъ. Итакъ, бывали, и теперь есть земли, которыя по указамъ несли и несутъ, такъ-сказать, кабацкую повинность положительную, или отрицательную; но не могутъ ли наши земли и зданія нести подобную повинность по договорамъ? Теперь продажа питей, открытіе и закрытіе кабаковъ содѣлалось предпріятіемъ частнымъ и промысломъ гражданскимъ, не казеннымъ и не указнымъ, такъ что кабатчикъ вездѣ можетъ открыть кабакъ, гдѣ тому не мѣшаетъ право собственности, право хозяина, или гдѣ онъ

съумѣетъ по договору получить на то разрѣшеніе и дозволеніе. Дѣло кабаковъ, какъ частное, гражданское, вошло въ систему частнаго права. Въ „Положеніи о крестьянахъ“ уже находимъ законъ, по которому землевладѣлецъ, или помѣщикъ имѣетъ власть и право дозволить, или запретить своимъ временно-обязаннымъ крестьянамъ открытіе кабака на земляхъ, поступившихъ къ нимъ въ надѣлъ отъ помѣщика; слѣд. вообще хозяинъ земли имѣетъ и право и власть открывать и дозволять кабаки на своихъ земляхъ, равно какъ закрывать и запрещать ихъ открытіе. Вошедши въ область частнаго имущественнаго права дѣло кабаковъ должно войти въ область договоровъ всѣми тѣми сторонами, которыми оно входитъ въ область частнаго имущественнаго права.

Такимъ образомъ, хозяинъ можетъ войти въ договорное соглашеніе съ кабатчикомъ относительно допущенія кабака на землѣ, или въ зданіи хозяина, а, по прекращеніи договора, можетъ воспретить кабатчику продажу питей въ предѣлахъ своей собственности. Далѣе, хозяинъ земли или зданія можетъ заключить договоръ съ своимъ сосѣдомъ не открывать у себя кабака, для выгодъ хозяина, за извѣстное вознагражденіе. Такъ же точно хозяинъ земли и зданія можетъ принять на себя обязанность предъ содержателемъ трактира на его землѣ, или въ его зданіи, чтобы не открывать тутъ кабака для пользъ трактирщика. Еще далѣе возможно, что хозяинъ земли и зданія обяжется предъ арендующимъ у него фабрику, или заводъ, не держать и не открывать на своей землѣ и въ своихъ зданіяхъ ни кабака, ни трактира, ни продажи питей. Но также мыслимо условіе двухъ, трехъ сосѣдей напр. о томъ, чтобы за извѣстную плату отъ третьяго, двое другихъ не допускали у себя кабака. Наконецъ, возможенъ экономическій, слѣд. имущественный разсчетъ этихъ двухъ—трехъ сосѣдей, состоящій въ томъ, что для всѣхъ ихъ вмѣстѣ и для каждаго порознь несравненно выгоднѣе пользоваться своими землями и зданіями посредствомъ всѣхъ другихъ законныхъ способовъ, кромѣ отдачи ихъ внаймы подъ кабакъ. Тѣмъ болѣе, что два, три и болѣе сосѣдей въ данномъ мѣстѣ, — случайность, которая можетъ не быть, если одинъ изъ нихъ скупитъ всѣ ихъ участки, и содѣлается единственнымъ хозяиномъ въ данномъ округѣ. Что справедливо для одного, то справедливо для каждаго и

для всѣхъ. Отсюда выходитъ нашъ вопросъ о договорѣ сосѣдей не имѣть кабаковъ на своихъ земляхъ. Очевидно, что и такой договоръ имѣетъ содержаніе имущественное, и, пока не выходитъ за предѣлы права хозяевъ, или участниковъ, несомнѣнно составляетъ договоръ гражд. права, можетъ быть совершенъ у нотаріуса и защищаемъ въ судѣ, по законамъ. Но, какъ сказано, пока этотъ договоръ не выходитъ за предѣлы права участвующихъ въ условіи, а выходитъ договоръ за эти предѣлы всякій разъ, когда или контрагенты не имѣютъ извѣстныхъ личныхъ къ тому требуемыхъ условій, или когда ихъ взаимныя соглашенія противны законамъ о договорахъ. Остановимся на послѣднемъ обстоятельствѣ, и спросимъ здѣсь, можетъ ли быть дѣйствительно предъ судомъ соглашеніе сосѣдей-землевладѣльцевъ, или домовладѣльцевъ, состоящее единственно во взаимномъ обязательствѣ не допускать кабаковъ на ихъ земляхъ и въ ихъ домахъ?

Противъ дѣйствительности такого соглашенія могутъ сказать, 1) что оно, имѣя цѣлію напр. безопасность, или спокойствіе и тишину или даже поддержаніе нравственности и противодѣйствіе пьянству, чрезъ то самое не есть обязательный договоръ гражданскій, а какое-то безформенное соглашеніе о безопасности, тишинѣ, порядкѣ, морали, и т. п. Возраженіе, очевидно, основано на произвольномъ толкованіи цѣли условія, которая точно также можетъ состоять въ экономическомъ разсчетѣ, а главное при этомъ заключается въ положеніи, что для сужденія о дѣйствительности договора судъ никогда не обращается къ вопросу объ его цѣли, за исключеніемъ именно въ законѣ указаннаго случая, гдѣ договоръ явно служитъ средствомъ для достиженія противозаконныхъ цѣлей. 2) Могутъ также возразить противъ нашего соглашенія ссылкою на то, что будто бы это соглашеніе противно казенному интересу. Кажется, тутъ слишкомъ большой просторъ дается казнѣ, и чрезъ то слишкомъ стѣсняется право собственниковъ. Можно было бы защищать это возраженіе въ случаѣ, когда бы цѣлый городъ и цѣлое село, города и уѣзды, столицы и области вступали въ подобныя соглашенія, потому что эти юридическія лица имѣютъ значеніе общественное, дѣйствуютъ посредствомъ приговоровъ, обязательныхъ для отдѣльныхъ лицъ, помимо ихъ воли, и потому подлежатъ извѣстному законному контролю

въ ихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ. Частныя лица, отдѣльные хозяева земель и домовъ несомнѣнно должны имѣть свободу и власть открывать и не открывать кабака въ ихъ земляхъ и домахъ, а потому должны имѣть и свободу и власть вступать во взаимныя между собою соглашенія объ этомъ предметѣ своего имущественнаго права. 3) Намъ могутъ еще указать, въ видѣ возраженія на то, что взаимный договоръ сосѣдей о томъ, чтобы кабаковъ не имѣть, составляетъ стачку, а стачки запрещены. Это возраженіе не уясняетъ различія между взаимными соглашеніями и стачками, а различіе существуетъ въ томъ, что наше соглашеніе: а) имѣетъ абсолютное, безусловное содержаніе кабаковъ не имѣть, тогда какъ стачка всегда предполагаетъ соглашеніе объ условіи, или подъ условіемъ: не быть тому-то, если не будетъ того-то, напр, не продавать товара, если извѣстной цѣны давать не будутъ, или: не работать, если извѣстной платы не предложатъ, и б) наше соглашеніе касается исключительно договаривающихся сторонъ и ихъ дѣлъ и интересовъ, а стачка имѣетъ въ виду третье лицо и постороннихъ, съ цѣлію принудить ихъ къ извѣстной, не желанной ими, сдѣлкѣ. 4) Наконецъ, могутъ сказать, что въ разбираемомъ условіи нѣтъ отдѣльно кредитора и должника, а впослѣдствіи истца и отвѣтчика, а потому это условіе не имѣетъ всѣхъ признаковъ гражданскаго договора. Правда ли это? Развѣ товарищества, общества, артели, складчины не могутъ образоваться по договорамъ, и развѣ иначе образуются, хотя въ товариществахъ, артеляхъ, складчинахъ, конечно, не такъ явны у контрагентовъ различія между кредиторами и должниками, какъ напр. въ договорахъ купли, займа, найма и т. п.? Но воспользуемся этимъ возраженіемъ для того, чтобы высказать наше мнѣніе о принадлежности разсматриваемаго условія о неимѣніи кабаковъ именно къ товариществу, хотя съ отрицательнымъ содержаніемъ. Думаемъ, что, если существуютъ товарищества и общества для совмѣстнаго дѣйствія, для пріобрѣтенія имуществъ, и для расширенія правъ надъ ними, то также могутъ существовать товарищества и общества для взаимнаго воздержанія отъ извѣстнаго дѣйствія, для ограниченія въ извѣстныхъ предѣлахъ своего права на имущества. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, собственно, нѣтъ ни кредиторовъ, ни должниковъ, но, въ случаѣ нарушенія усло-

вія, тамъ и здѣсь нарушитель—должникъ и отвѣтчикъ предъ остальными контрагентами,

Такимъ образомъ, условіе сосѣдей о томъ, чтобы кабаковъ не имѣть, мы относимъ къ типу тѣхъ договоровъ, которые носятъ названіе договоровъ о товариществѣ, складчинѣ, компаніи, только съ отрицательнымъ содержаніемъ. Отрицательность содержанія заключается въ томъ, что каждый изъ контрагентовъ взаимно обязуется предъ другими не извлекать изъ своего земельнаго права той пользы, которую можетъ дать ему кабакъ, располагая впрочемъ совершенно свободно своею землею во всѣхъ другихъ направленіяхъ владѣнія и пользованія. И это условіе могутъ контрагенты обезпечить разными неустойками и формальностями, а наконецъ судомъ. И вотъ въ какомъ видѣ могъ бы явиться у нотаріуса проэктъ означеннаго договора.

Мы нижеподписавшіеся А, Б и В, владѣльцы такихъ-то земель, или домовъ, по здравомъ разсужденіи нашихъ взаимныхъ пользъ, постановили съ нижеписаннаго числа впредь на столько-то лѣтъ, или пока всякій изъ насъ останется владѣльцемъ тѣхъ земель и домовъ, съ общаго согласія всѣхъ насъ вмѣстѣ и каждаго порознь, чтобы на этихъ земляхъ и и въ этихъ домахъ никому изъ насъ ни самому кабаковъ не заводить, ни постороннимъ лицамъ не дозволять на нашихъ земляхъ и въ нашихъ домахъ, по найму, или на арендѣ, таковыхъ ни устроять, ни содержать. Это условіе содержать ненарушимо; а, въ случаѣ нарушенія, виновный обязанъ уплатить остальнымъ N сумму, въ видѣ неустойки, и сверхъ того, такъ какъ нарушившій условіе открытіемъ кабака, воспользуется положеніемъ монополиста, онъ обязанъ уступить остальнымъ (двумъ) двѣ трети получаемой отъ кабака выгоды (цѣны). Условіе же должно дѣйствовать и затѣмъ, какъ бы нарушено не было. Въ чемъ и подпишемся: А. Б. В.

Въ заключеніе обращаю вниманіе на то, какому суду,—мировому, или окружному, должно подлежать разбирательство такого условія? Вопросъ о пользованіи имуществомъ можетъ быть рѣшенъ и тѣмъ и другимъ, а потому подсудность здѣсь опредѣляется цѣною иска.

А. М. Фальковскій. Договоръ есть соглашеніе, въ силу котораго одно или нѣсколько лицъ принимаютъ на себя по

отношенію къ одному или нѣсколькимъ лицамъ что-либо дать, сдѣлать, или чего-либо не дѣлать; излишне здѣсь перечислять различные виды договоровъ; гораздо важнѣе для правильнаго разрѣшенія предложеннаго намъ многоуважаемымъ нашимъ предсѣдателемъ вопроса, существенныя условія дѣйствительности договоровъ вообще и—въ частности договора, подлежащаго обсужденію. Для дѣйствительности всякаго договора законъ требуетъ: 1) Согласіе сторонъ, вступающихъ въ договоръ; 2) способность сторонъ вступать въ договоры; 3) опредѣленный предметъ, составляющій содержаніе принимаемыхъ сторонами обязательствъ; 4) отсутствіе законныхъ запрещеній и 5) дозволенное закономъ основаніе принимаемыхъ сторонами обязательствъ (Т. X. Зак. Гражд. ч. I. стр. 701, 768—797, 883—885, 968, 969, 996, 1008, 1381—1415, 1528 и 1529). Первыя два условія, въ данномъ случаѣ, предполагаются; относительно трехъ остальныхъ слѣдуетъ войти въ подробное обсужденіе. Предметомъ договора, по закону, могутъ быть или *имущества* или *дѣйствія лицъ;* законъ не исчисляетъ этихъ дѣйствій — да это и невозможно. Но, несмотря на это, въ гражданскомъ правѣ рѣчь можетъ идти только о дѣйствіяхъ, направленныхъ на имущество и о личныхъ, какъ-то разнаго рода услугахъ.—Въ обязательствахъ же *чего-либо не дѣлать*, также должно разумѣть воздержность отъ дѣйствій, имѣющихъ характеръ имущественный или личныхъ услугъ — вообще только имущества, состоящія въ гражданскомъ оборотѣ, могутъ быть предметомъ договора: поэтому и дѣйствія лицъ могутъ быть пріурочены только къ этимъ имуществамъ или къ личнымъ услугамъ, оцѣниваемымъ или гонораріемъ, или платою, или взаимностью услугъ.

Хотя въ положительномъ законѣ, въ обязательственномъ (облигаціонномъ правѣ) и не упоминается объ обязательствахъ *чего-либо не дѣлать*, но мы соглашаемся съ тѣмъ, что по духу и разуму приведенныхъ нами узаконеній и по разъясненію судебной практики, такія обязательства не воспрещены закономъ. Затѣмъ переходя къ условію нѣсколькихъ хозяевъ *не имѣть кабаковъ на ихъ земляхъ*, не легко опредѣлить въ чемъ же тутъ заключается *объектъ* юридической сдѣлки? Кажется, что въ этомъ случаѣ представляется добровольное ограниченіе права распоряженія своей собствен-

ностью, но въ чью же имущественную пользу? Далѣе, хотя и нельзя указать законнаго запрещенія къ такому ограниченію собственниками своихъ правъ, но гдѣ же основаніе принимаемыхъ контрагентами на себя обязательствъ—едвали возможно всякое соглашеніе двухъ или многихъ лицъ, не направленное къ имущественной цѣли или ради взаимности личныхъ услугъ, считать договоромъ. Если допустить законность подобныхъ соглашеній, то почему же отвергнуть напримѣръ такое: „не имѣть церквей на своихъ земляхъ"—мнѣ скажутъ это противно нравственности, „не имѣть овощныхъ лавокъ" и т. п.—тутъ, кажется это возраженіе невозможно. Наконецъ, въ подобнаго рода соглашеніяхъ нельзя не видѣть нарушенія правъ лицъ, не участвовавшихъ въ сдѣлкѣ. Я не стану отвергать право собственника, то или другое заведеніе не терпѣть на своей землѣ, но коллективное соглашеніе относительно предметовъ или дѣйствій, не входящихъ въ гражданскій оборотъ, едвали можно считать законнымъ. Въ заключеніе позволимъ себѣ напомнить распоряженіе Правительства объ обществахъ трезвости. Мы находимъ, что нравственныя цѣли достигаются совѣтомъ, проповѣдью, а болѣе всего хорошими примѣрами—право же имѣетъ другой характеръ и располагаетъ иными средствами — мораль и законъ не одно и тоже, хотя, въ принципѣ, представляется осуществленіемъ первой.

К. П. Полибинъ. Высказанныя здѣсь соображенія въ пользу отрицательнаго разрѣшенія вопроса могутъ быть подкрѣплены еще и тѣмъ, что обязательства тѣсно связаны съ имущественными правами вообще и представляются средствомъ для имущественныхъ оборотовъ. Въ каждомъ обязательствѣ представляются, какъ всѣмъ извѣстно, двѣ стороны: *вѣритель* (кредиторъ) и *должникъ*. Дѣйствіе или воздержаніе отъ извѣстнаго дѣйствія, требовать которыхъ имѣетъ право *вѣритель*, выраженное денежною стоимостью, имѣетъ своею цѣлью увеличеніе имущества вѣрителя. Въ данномъ случаѣ, въ соглашеніи нѣсколькихъ владѣльцевъ *не имѣть на земляхъ ихъ кабаковъ*, нѣтъ одного изъ существенныхъ условій договора, а именно имущественной цѣны, подобное обязательство не направлено ни на уплату денегъ, ни на предоставленіе другихъ цѣнностей, ни наконецъ, на дѣйствія, способныя доставить денежныя

выгоды вѣрителю, имѣющему на нихъ право. Однимъ словомъ *въ соглашеніи не имѣть кабаковъ*, нѣтъ объекта договорнаго права. Упоминаемое В. Н. Лешковымъ условіе о неустойкѣ и вообще объ обезпеченіи договора не измѣняетъ сущности послѣдняго, какъ дополнительный и придаточный договоръ, для дѣйствительности котораго прежде всего требуется законное основаніе главнаго договора. Нельзя, наконецъ, не обратить вниманія и на то, что въ подобномъ обсуждаемому нынѣ договорѣ, находятся данныя къ признанію его направленнымъ ко вреду государственной казны (5 п. 1529 ст. том. X. ч. I.).

А. И. Харламповичъ. Въ *соглашеніи не имѣть кабаковъ* положительно заключается и имущественный интересъ вступившихъ въ подобный договоръ. Не говоря объ устраненіи такимъ соглашеніемъ опасности, угрожающей имуществу владѣльцевъ, можно представить и экономическія выгоды, проистекающія для всѣхъ контрагентовъ такого договора. Бо̀льшая или мѐньшая близость кабаковъ къ центрамъ сельско-хозяйственной промышленности имѣетъ громадное вліяніе на людей, которыхъ трудъ составляетъ движущую все хозяйство силу; производительность труда обусловливается и нравственнымъ положеніемъ трудящихся. Повсемѣстно распространяющаяся наклонность къ злоупотребленіямъ спиртными напитками, вызвала въ обществѣ стремленіе уменьшить столь великое зло. И если правительство не признало возможнымъ допустить ассоціаціи съ цѣлью искорененія пьянства, развращающаго и разоряющаго народъ, то оно этимъ не лишило собственниковъ пользоваться своимъ правомъ не терпѣть того или другаго торговаго заведенія на ихъ земляхъ. Когда же отдѣльныя лица имѣютъ на то право, то на какомъ же основаніи можетъ быть то не воспрещено условливаться между собою по этому предмету? Прямого запрещенія въ законѣ на то нѣтъ. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ гражданскомъ правѣ на первомъ планѣ—свобода распоряжать своимъ имуществомъ и дѣйствіями; ограничить же ихъ можетъ только законодатель положительнымъ и яснымъ запрещеніемъ;—пока этого нѣтъ—нѣтъ и основанія отвергнуть дѣйствительность договора владѣльцевъ *не имѣть кабаковъ на ихъ земляхъ!*

Я. М. Любимцевъ. Хотя и справедливо то, что въ гражданскомъ правѣ наиболѣе все зависитъ отъ произвола хозяина имущества, но въ то же время гражданское право установило и способы пріобрѣтенія права на имущества, къ числу этихъ способовъ законъ относитъ и договоры и обязательства (Примѣч. I, къ 699 см. том. X. ч. I.). Гражданское право, болѣе чѣмъ какое-либо другое, формально.— Наши законы о договорахъ и обязательствахъ, также требуютъ наличности извѣстныхъ условій со стороны формы и содержанія для дѣйствительности юридической сдѣлки. Тѣ отдаленныя имущественныя выгоды соглашенія нѣсколькихъ владѣльцевъ *о неимѣніи кабаковъ на ихъ земляхъ*, не представляютъ собою имущественныхъ эквивалентовъ договора, на нихъ правильнѣе смотрѣть, какъ на послѣдствіе предпринятой нѣсколькими лицами мѣры въ видахъ достиженія извѣстныхъ цѣлей, хотя въ этомъ случаѣ для многихъ изъ условившихся скорѣе долженъ произойти имущественный убытокъ. Такое соглашеніе, только въ другой формѣ, представляется также частною ассоціаціею, для дѣйствительности которой, по закону, требуется утвержденіе Правительства.

М. Н. Алексѣевъ. *Безсодержательность* разсматриваемаго нами договора о неимѣніи кабаковъ тѣмъ болѣе становится очевидною, что въ немъ не выражается *опредѣленное дѣйствіе, услуга*, совершенія которыхъ вѣритель имѣетъ право требовать отъ своего должника. Одного соглашенія о чемъ бы то ни было недостаточно для бытія гражданскаго договора.

Н. Я. Березницкій. При столкновеніи права публичнаго и частнаго, послѣднее уступаетъ мѣсто первому. Въ данномъ случаѣ соглашеніе контрагентовъ вторгается въ чуждую частному праву сферу. Существованіе торговли, промышленности тѣсно связано не только съ бытомъ частныхъ лицъ, но и обществъ и государства. Въ такомъ дѣлѣ произволъ отдѣльныхъ лицъ становится въ разрѣзъ съ народными потребностями. — Осуществленіе подобныхъ цѣлей не можетъ быть предметомъ договора.

А. Хоткевичъ. Здѣсь ссылались въ защиту дѣйствительности обсуждаемаго нами договора о неимѣніи кабаковъ, на отмѣну откупной системы и на положеніе 19 февраля 1861

года. Но предоставленное этимъ положеніемъ право помѣщику нужно разсматривать какъ *привиллегію*, которой предѣлы не могутъ быть расширяемы по произволу отдѣльныхъ лицъ.

М. Я. Шиллингъ. Право торговли и промышленности свободно, и регулируется только полицейскими и торговыми уставами, но не можетъ быть, ко вреду третьихъ лицъ и государственныхъ потребностей, ограничиваемо путемъ договорныхъ соглашеній.

Послѣ обмѣна возраженій и продолжительныхъ оживленныхъ преній, резюмированныхъ г. предсѣдателемъ, большинство членовъ, бывшихъ въ засѣданіи, разрѣшило предложенный вопросъ отрицательно.

УГОЛОВНЫЕ РОМАНЫ.

Въ настоящихъ разсказахъ, заимствованныхъ изъ уголовныхъ дѣлъ, мы подвергнемъ разсмотрѣнію *преступленіе* какъ общественное явленіе, какъ продуктъ человѣческихъ страстей, условій жизненной обстановки. Мы постараемся по возможности разъяснить: самую личность преступника психологическія причины, побудившія его къ совершенію злодѣянія, участіе при этомъ его свободнаго произвола; его отношенія къ окружающимъ его лицамъ. Изучая преступника можно (говоря словами Шиллера) видѣть человѣка „въ самомъ загадочномъ положеніи, которое возбуждаетъ все наше вниманіе и котораго обсужденіе доставляетъ пріятное занятіе проницательному уму читателя. Сокровенная игра страстей выступаетъ передъ нашими глазами, и сквозь скрытыя интриги и лукавства духовнаго или свѣтскаго обмана, проникаетъ лучъ истины. Побудительныя причины дѣяній, недоступныя въ обыкновенной жизни для глазъ наблюдателя, выступаютъ яснѣе наружу тамъ, гдѣ ставятся на карту жизнь, свобода и собственность; такъ что является возможнымъ вникать въ человѣческое сердце.“ Съ этой точки зрѣнія изученіе *преступленія* необходимо не для однихъ юристовъ, (имѣющихъ своимъ назначеніемъ подвести извѣстное дѣяніе подъ соотвѣтствующій ему уголовный законъ), но и для всѣхъ образованныхъ людей, содѣйствуя распознанію законовъ души и тѣла человѣческаго и ихъ взаимнаго другъ на друга воздѣйствія

Убійцы по любви.

Любовь, то-есть основанное на взаимной симпатіи половое влеченіе другъ къ другу лицъ разнаго пола, составляетъ

одинъ изъ самыхъ сильныхъ двигателей человѣческихъ дѣяній; поэтому чувства неудовлетворенной или обманутой любви, ревности и мести нерѣдко производили страшныя преступленія.

Мы разскажемъ нѣсколько подобныхъ случаевъ.

I.

27 января 1865 года, въ 6 часовъ вечера, въ городѣ Пензѣ была назначена свадьба мѣщанки, дѣвицы *Татьяны Долгополовой* съ межевщикомъ пензенской палаты государственныхъ имуществъ, Степаномъ Косолаповымъ. Во время приготовленія къ свадебному обряду, ученикъ пензенской духовной семинаріи, *Василій Покровскій, нанесъ дѣвицѣ Долгополовой кинжаломъ въ бокъ рану.* Для осмотра раненой и оказанія пособія приглашенъ былъ пензенскій городовой врачъ Діатроптовъ. Василій Покровскій, по распоряженію полиціи, былъ арестованъ; при чемъ у него взяты кинжалъ и фотографическая карточка съ портретами его и Татьяны Долгополовой.

28 января, находившаяся въ больницѣ дѣвица Татьяна Долгополова (16 лѣтъ) показала, что она и Покровскій взаимно *любили* другъ друга, почему и сняли вмѣстѣ фотографическую карточку; Покровскій стоялъ на квартирѣ въ домѣ ея матери, гдѣ она его и узнала. На праздникъ Рождества Христова онъ уѣзжалъ изъ Пензы къ своимъ роднымъ и возвратился на святки; въ отсутствіе Покровскаго ее сосваталъ межевщикъ Косолаповъ и свадьба ихъ была назначена 27 января, почему Покровскому и было отказано отъ квартиры. Въ воскресенье (24 января) когда Покровскій узналъ, что она просватана за Косолапова, то сначала совѣтовалъ ей за него идти, а потомъ уговаривалъ не выходить, а подождать окончанія имъ, Покровскимъ курса ученія, на что она отвѣчала, что это воля ея родителей. Василій Покровскій на спросъ слѣдователя, 28 января, показалъ, что онъ квартировалъ въ домѣ мѣщанки Агаѳьи Долгополовой годъ и пять мѣсяцевъ и полюбилъ дочь хозяйки Татьяну, которая взаимно любила его; но короткихъ отношеній у него съ Татьяной *не* было. На праздникъ Рождества Христова онъ ѣздилъ въ отпускъ къ отцу своему, священнику, откуда

возвратился на святки и узналъ, что во время его отсутствія, Татьяна была помолвлена за квартирующаго у нихъ въ домѣ межевщика Степана Косолапова; посему онъ рѣшился открыть матери Татьяны, Агаѳьѣ Агаповой, любовь къ ея дочери, просилъ отказать жениху Косолапову и обѣщался жениться на Татьянѣ по окончаніи полнаго курса ученія въ семинаріи, на что Агаѳья Агапова не согласилась, ибо ей *не* было чѣмъ заплатить расходы жениха,—Косолапова; посему онъ, Покровскій, уговорилъ Татьяну идти въ монастырь, на что она и согласилась; но мать ея того не дозволяла; первоначально онъ Татьянѣ совѣтовалъ идти замужъ за Косолапова, но когда сей послѣдній назвалъ его, изъявившаго желаніе быть шафером, не шафером, а женихомъ Татьяны, изъ-за чего и вышла у нихъ ссора,—онъ уже не совѣтовалъ Татьянѣ идти за Косолапова, на что и она изъявила полное согласіе, но мать ея настаивала и рѣшилась выдать за Косолапова. Кто-то изъ дома Долгополовой ходилъ къ инспектору семинаріи просить объ удаленіи его, Покровскаго, съ квартиры отъ Долгополовыхъ, вслѣдствіе будто того, что онъ разстраивалъ свадьбу, почему 22 января инспекторъ приказалъ ему перемѣнить квартиру и онъ 24 января переѣхалъ на другую квартиру; послѣ сего Татьяна, подозрѣвая въ доносѣ на него Косолапова, рѣшилась не выходить за него, но мать ея окончательно рѣшилась выдать. Тогда Татьяна объявила ему, Покровскому, что она что-нибудь надъ собою сдѣлаетъ, только бы не выходить за Косолапова, о чемъ онъ передалъ ея матери; но послѣдняя, въ подтвержденіе его словъ, призвала его при дочери своей и просила при ней подтвердить переданныя слова, что онъ и исполнилъ; тогда мать, обращаясь къ дочери, начала укорять ее въ короткихъ будто бы отношеніяхъ съ нимъ; но таковыхъ никогда не было, почему Татьяна, заплакавъ, ушла въ другую комнату. Послѣ всего этого Татьяна не покидала мысли наложить на себя руки, почему онъ и предложилъ ей *погибнуть отъ его руки*, обѣщаясь ее заколоть, на что она согласилась первоначально съ тѣмъ, чтобы и онъ лишилъ себя жизни, но на это предложеніе онъ *не* согласился. Они съ Татьяной условились 27 января, непремѣнно часовъ въ 5½ вечера, выдти изъ жилаго флигеля на дворъ въ хлѣвъ, куда однакожъ Татьяна прин-

ла первая, а за нею и онъ, Покровскій, съ кинжаломъ, купленнымъ имъ того же дня въ лавкѣ часу въ третьемъ послѣ обѣда, на деньги, полученныя отъ священника Соколова, за двухъ его мальчиковъ, учившихся у него, Покровскаго; за кинжалъ онъ заплатилъ три рубля двадцать пять коп. Когда сошлись въ хлѣвѣ вдвоемъ, то Татьяна, замѣтивъ у него кинжалъ, скрытый подъ полой, сказала: „поскорѣй, скорѣй!“ Ощупавъ рукою бокъ Татьяны, такъ чтобы направить кинжалъ прямо въ мягкое мѣсто, онъ вонзилъ оный въ лѣвый бокъ; но смертельно ли подѣйствовалъ кинжалъ, или нѣтъ, ему неизвѣстно. Событіе это было такъ: запущенный имъ кинжалъ въ бокъ дѣвицы Татьяны, онъ нѣсколько времени изъ раны не вынималъ, а вынулъ оный тогда, когда сама Татьяна сказала, чтобы вынуть, и онъ тогда его вынулъ изъ раны. Послѣ сего на мѣсто преступленія вошла мать Татьяны и только-что она появилась, онъ, Покровскій, вышелъ изъ хлѣва и отправился въ комнаты, а Агаѳья вслѣдъ за нимъ привела свою дочь съ воплями и слезами. Бывшіе гости въ домѣ Долгополовыхъ, чиновничи Островидовъ и Артоболевскій, услышавъ о событіи, тотчасъ отправились въ комнату Татьяны, а онъ оставался съ братомъ, Андреемъ, которому и передалъ кинжалъ. Отобранный отъ него фотографическій портретъ снятъ имъ съ Татьяной недѣли за полторы до преступленія, у фотографа, при матери Татьяны. Преступленіе онъ рѣшился сдѣлать собственно изъ *горячей любви* къ Татьянѣ, которая все болѣе и болѣе увеличивалась и наконецъ развилась въ высшей степени во время послѣдняго его квартированія у Долгополовыхъ. Въ совершеніи преступленія съ нимъ никто не участвовалъ; въ какомъ платьѣ была Татьяна во время совершенія имъ преступленія, не помнитъ, но тогда онъ былъ трезвъ и въ здравомъ умѣ; разстройствомъ умственныхъ способностей онъ не страдалъ и никакими припадками одержимъ не былъ, но съ нѣкотораго времени, приблизительно около мѣсяца, онъ чувствовалъ разстройство всего организма, но какая именно у него болѣзнь, опредѣлить не можетъ.

Татьяна Долгополова присовокупила, что Покровскій закололъ ее кинжаломъ по предварительному ея согласію и обоюдному ихъ условію, потому собственно, что они были

другъ въ друга влюблены, а мать принуждала ее выдти замужъ за Косолапова противъ ея желанія; чтобы избѣжать этого замужества она рѣшилась, по совѣту Покровскаго, идти въ монастырь, о чемъ говорила и просила свою мать, но послѣдняя этого не дозволила. Покровскаго она не уговаривала, чтобы онъ самъ себя лишилъ жизни. Когда онъ, по ея желанію, закололъ ее кинжаломъ, то она просила вошедшую къ ней мать, чтобы простила какъ ее, такъ и Василія Алексѣевича. На вопросъ слѣдователя, не желаетъ ли она видѣть Покровскаго, Татьяна отвѣчала немного подумавъ: „я слаба", а на вопросъ находившейся тутъ же матери: „не желаетъ ли проститься съ Покровскимъ?" отвѣчала: „пожалуй, не надолго,—я слаба", и по слабости болѣе отвѣчать не могла.

Такимъ образомъ, сущность разсказаннаго нами преступленія состоитъ въ томъ, что влюбленные другъ въ друга Покровскій (20 лѣтъ) и Долгополова (16 лѣтъ), изъ которыхъ послѣднюю родители принуждали противъ воли выйдти замужъ за другаго,—рѣшились не допускать этого брака, который разлучалъ ихъ на всю жизнь. Покровскій предложилъ Долгополовой погибнуть отъ его руки и обѣщалъ ее заколоть; Долгополова на это согласилась. Замѣчательно, что молодые люди, прибѣгнувшіе къ столь отчаянному поступку, каково убійство, отличались *крайнею безхарактерностью*, именно: Покровскій: 1) совѣтовалъ Долгополовой выдти замужъ за другаго и, только поссорившись съ ея женихомъ, сталъ ее отговаривать отъ вступленія въ бракъ; 2) отказался лишить себя жизни въ одно время съ своею возлюбленною. — Долгополова, рѣшившаяся на самоубійство, не имѣла достаточно энергіи на сопротивленіе браку, ей ненавистному, или же на отказъ своему жениху. Сказанное убѣждаетъ насъ, что весьма часто люди прибѣгаютъ къ самоубійству и преступленію только потому, что у нихъ недостаетъ твердости характера, энергіи и умѣнья выдти изъ того затруднительнаго положенія, въ которое поставила ихъ судьба.

II.

Поручикъ *Домашневъ*, состоя на службѣ въ Бѣлостокскомъ пѣхотномъ полку и проживая въ м. Немировѣ (Подольской

губерніи, Брацлавскаго уѣзда), познакомился здѣсь съ дочерью Тульчинскаго однодворца, дѣвицею *Каролиною Яворскою*, жившею у родного своего брата, Франца Яворскаго. Въ январѣ 1839 года Домашневъ изъявилъ желаніе жениться на Каролинѣ Яворской и получивъ на сіе согласіе какъ ея, такъ и ея отца, подалъ о томъ 10 января рапортъ полковому командиру и въ то же время, по требованію послѣдняго, представилъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы. Подъ симъ условіемъ Домашневу разрѣшено было вступленіе въ бракъ. Вслѣдствіе сего Домашневъ, по совѣщаніи съ родственниками невѣсты, назначилъ день свадьбы 22 января, и въ этотъ день, когда все было приготовлено къ свадьбѣ и уже приглашенъ былъ полковой священникъ для совершенія обряда,—Домашневъ, *ушедши* изъ дома невѣсты подъ предлогомъ перемѣны мундира, не возвратился, а брату невѣсты, который приходилъ узнать о причинѣ замедленія, сказалъ, что боленъ и отлагаетъ свадьбу до весны. Въ тотъ же день Домашневъ съ двумя офицерами Бѣлостокскаго полка, явившись къ полковому командиру, генералъ-маіору Любавскому (какъ сей послѣдній увѣдомилъ,) со слезами говорилъ ему, что чрезвычайно *благодаренъ* своимъ товарищамъ, Калашникову и Рутецкому, что они отсовѣтовали ему жениться, и что онъ женитьбою погубилъ бы себя навсегда.

Но вскорѣ послѣ того, 27 января, Домашневъ опять былъ уже у Каролины Яворской, и съ того времени нѣсколько разъ посѣщалъ ее, отлучаясь для сего изъ м. Тульчина въ Немирово. Наконецъ 19 февраля вечеромъ пришедши къ Каролинѣ и найдя ее въ домѣ одну съ сестрою, Іозефиною, Домашневъ попросилъ послѣднюю принести ему воды; когда же Іозефина вышла для того въ кухню, онъ въ это время выстрѣлилъ въ дѣвицу Каролину изъ пистолета пулею, отъ чего она мгновенно *умерла*.

Послѣ сего оставивъ на мѣстѣ два пистолета, шапку и шинель, Домашневъ отправился прямо на квартиру къ своимъ товарищамъ, подпоручику Позднякову и прапорщику Гаврилову, самъ добровольно объявилъ имъ о сдѣланномъ убійствѣ и былъ арестованъ.

Сознаваясь въ убійствѣ дѣвицы Каролины Яворской, Домашневъ какъ при слѣдствіи, такъ и въ судѣ показалъ, что

онъ 22 января, не имѣвъ возможности вступить въ бракъ, рѣшился застрѣлить Каролину единственно *изъ любви къ ней* и въ удовлетвореніе собственнаго ея желанія по личнымъ неоднократнымъ ея убѣжденіямъ; Каролина Яворская, встрѣчая со стороны брата своего неудовольствія за ея любовь къ Домашневу и не имѣя силъ перенести ни разлуки съ нимъ, ни жестокости брата, неоднократно умоляла показателя умереть вмѣстѣ съ нею. Любя ее болѣе самого себя, онъ съ своей стороны убѣждалъ ее дождаться мясоѣда, когда онъ непремѣнно на ней женится, а до того времени, желая укрыть ее отъ брата, подговаривалъ ее къ побѣгу въ м. Тульчинъ, но она на это не рѣшилась. Хотя же онъ, Домашневъ, доведенный убѣжденіями и слезами ея до изступленія, далъ ей слово и клятву исполнить желанія ея, но потомъ одумался и хотѣлъ увезти ее, для чего и пріѣхалъ въ Немирово 17 февраля и пробылъ тамъ до 19 числа. Въ это время, видѣвши Каролину нѣсколько разъ, убѣждалъ ее къ побѣгу, а она, не рѣшаясь на это, настаивала, чтобы имъ умереть вмѣстѣ. Въ послѣдній разъ 19 февраля она довела его своими словами до совершеннаго сумасшествія, и онъ застрѣлилъ ее. Послѣ того, опамятовавшись, онъ прибѣжалъ къ товарищамъ своимъ и объявилъ о преступленіи своемъ, на которое посягнулъ, какъ уже объяснилъ, не съ порочнымъ какимъ-либо умысломъ или изъ видовъ корысти, но единственно отъ неограниченной любви, доведшей его до безумія.

О томъ, какъ онъ застрѣлилъ Каролину Яворскую, Домашневъ показалъ различно. На первомъ допросѣ онъ объяснилъ, что пистолеты были его собственные, и что изъ одного пистолета онъ рѣшился убить дѣвицу Каролину, а изъ другаго себя. На второмъ допросѣ Домашневъ изложилъ, что когда сестра Каролины, Іозефина, пошла по просьбѣ его принести воды, то Каролина вынувъ пистолеты изъ-подъ подушки, подала ему одинъ, говоря: „мы должны кончить нашу жизнь сейчасъ, благословляю тебя“, — и въ то же мгновеніе раздались выстрѣлы залпомъ, она выстрѣлила въ него, а онъ въ нее. Она отъ сдѣланнаго въ нее выстрѣла упала и въ то же время умерла, а онъ остался невредимъ, и послѣ того, опомнясь, не хотѣлъ уже посягнуть на собственную жизнь и быть преступникомъ вдвойнѣ, а положилъ

подвергнуть себя всей строгости закона. Пистолеты были точно его собственные, но оставлены у Каролины еще прежде 22 января. Кѣмъ они заряжены, не знаетъ, а полагаетъ, что Каролина сама ихъ зарядила, потому что у брата ея было нѣсколько ружей, и потому навѣрно у него были пули и порохъ.

Сестра убитой, *Іозефина Яворская* показала, что 19 февраля вечеромъ, когда она оставалась въ домѣ одна съ Каролиною, пришелъ къ нимъ Домашневъ. Принесъ ли онъ тогда съ собою пистолеты, она не видала, онъ говорилъ, что желаетъ въ тотъ вечеръ кончить все относительно свадьбы и непремѣнно видѣться съ братомъ ихъ, Францомъ. Обращаясь къ Каролинѣ, Домашневъ нѣсколько разъ сказалъ: „такъ Каролина! я сегодня конечно буду видѣться съ твоимъ братомъ и *все кончу*“. Къ чему слова сіи клонились, показательница предвидѣть тогда не могла. Каролина отвѣчала ему: „кончите, когда желаете, вамъ никто не препятствуетъ, но брата теперь дома нѣтъ и, быть можетъ, онъ придетъ не скоро; не лучше ли завтра съ нимъ видѣться?“— „Нѣтъ! нѣтъ! отвѣчалъ Домашневъ; сегодня я хочу его видѣть и сегодня все кончу“; послѣ сихъ словъ Домашневъ вышелъ изъ комнаты на дворъ, а чрезъ нѣсколько минутъ, возвратившись, остановился въ дверяхъ первой комнаты и просилъ подать ему водки; Іозефина сказала, что водки нѣтъ, и Домашневъ просилъ ее подать ему по крайней мѣрѣ воды. Она пошла въ людскую за стаканомъ, и, возвращаясь оттуда, увидѣла, что Домашневъ съ того мѣста, гдѣ стоялъ, выстрѣлилъ въ Каролину, сидѣвшую на стулѣ подлѣ окна. Бросивъ стаканъ, она, Іозефина, подбѣжавши къ Каролинѣ, схватила ее, не допуская упасть на землю. Тогда раздался другой выстрѣлъ, но въ кого онъ былъ направленъ, она, Іозефина, бывши тогда въ испугѣ, не видѣла. Послѣ втораго выстрѣла, она, опустивъ тѣло Каролины на полъ, выбѣжала на дворъ и кричала, прося помощи. Сестра ея, Каролина о смерти и о томъ, что желаетъ быть Домашневымъ убита, ей не говорила. Что именно заставило Домашнева убить сестру ея, она, Іозефина, не знаетъ и изъ разговоровъ ихъ, во всѣ ихъ свиданія, ничего не замѣтила.

Домашневъ противъ сего объяснилъ, что Іозефина во время разговора его съ Каролиною была въ другой комнатѣ и

вышла къ нимъ тогда только, когда онъ послалъ ее за водой. Убивъ Каролину, онъ хотѣлъ застрѣлить себя и для того сдѣлалъ другой выстрѣлъ.

Изъ переписки поручика Домашнева съ Каролиною Яворской и съ другими лицами оказалось слѣдующее: черезъ день послѣ несостоявшейся свадьбы Леонардъ Давыдовскій, 24 января писалъ Домашневу, что бывши у Яворскихъ, онъ слышалъ, что обязательство, данное Домашневымъ Каролинѣ Яворской на вступленіе съ нею въ бракъ, братъ ея хочетъ представить мимо ближайшихъ начальниковъ прямо къ корпусному командиру, только она не отдаетъ того обязательства прежде свиданія ея съ Домашневымъ и рѣшительнаго его отвѣта. Въ тотъ же день сама Каролина писала Домашневу, что она все его любитъ и онъ напрасно зоветъ ее *измѣнщицей*, что она умѣетъ прощать самыя жесточайшія обиды и не будучи преступницей предъ Богомъ, не будетъ отвѣчать за гнусные поступки и невѣрность.— Послѣ того Домашневъ писалъ и къ Каролинѣ и къ сестрѣ ея, Петронеллѣ (бывшей въ замужествѣ за Іосифомъ Давыдовскимъ). Въ этихъ письмахъ Домашневъ называя себя *преступникомъ* противъ Бога и Каролины, прибавляетъ, что сдѣлалъ ей обиду не по собственной волѣ, а по внушенію злыхъ своихъ товарищей, что чувства его къ ней нисколько *не* измѣнились, и что онъ готовъ вступить съ нею въ бракъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ просилъ дозволенія явиться къ нимъ; 29 января Домашневъ при письмѣ прислалъ Каролинѣ *патенты* свои на прапорщичій и подпоручичій чины въ доказательство того, что онъ не измѣнитъ даннаго ей слова. Каролина Яворская въ письмѣ отъ 30 января, увѣдомляя Домашнева о полученіи офицерскихъ его патентовъ и благодаря его за вѣрное исполненіе даннаго слова, упоминала вмѣстѣ съ тѣмъ, что *тоска сокрушила ея сердце, что она каждую минуту проклинаетъ день, который сдѣлалъ ее несчастною*, проклинаетъ и себя, что вѣрила словамъ его, что онъ поставилъ ее въ посмѣшище всему народу и подлымъ своимъ товарищамъ, что прежде клеветали на нее невинно, но настоящее ея положеніе ни съ чѣмъ не можетъ быть сравнено, потому что всѣ, кто только кипѣлъ къ ней ненавистью и злостію, открыто смѣются надъ ней. При всемъ томъ *она любитъ его, Домашнева*, и не забудетъ даннаго ему

слова, хотя на его сердце, привыкшее къ измѣнамъ, и не надѣется.

Изложенное преступленіе подобно предъидущему, совершено было подсудимымъ вслѣдствіе безхарактерности. Страстно влюбленный въ дочь бѣднаго одноДворца, Каролину Яворскую, подпоручикъ Домашневъ въ самый день свадьбы, уступилъ настояніямъ товарищей и за нѣсколько минутъ до совершенія брака *удалился* изъ дома невѣсты, такъ что свадьба не состоялась. Но затѣмъ Домашневъ скоро пришелъ въ себя и почувствовалъ, что онъ любитъ Яворскую, можетъ быть еще болѣе прежняго, потому что онъ незаслуженно оскорбилъ ее; черезъ нѣсколько дней онъ былъ уже снова въ домѣ Яворской и, при своей *безхарактерности*, очутился въ самомъ безвыходномъ положеніи: жениться на ней немедленно онъ не могъ, боясь огласки, насмѣшекъ товарищей и тайнаго сопротивленія ея родныхъ; прервать всякія отношенія съ Яворскою онъ также не имѣлъ силы по недостатку твердости характера, — и онъ рѣшился на самое безразсудное, отчаянное средство: убить любимую имъ женщину, чтобы по крайней мѣрѣ она не досталась никому другому.

III.

21 Іюня 1864 года горничной надворнаго совѣтника Безе *Прасковьѣ Григорьевой* нанесена была рана ножемъ въ грудь ея любовникомъ *Никитою Рябининымъ*.

Никита Рябининъ пріѣхалъ на дачу, занимаемую Безе, въ тотъ день въ три часа по-полудни, и пошелъ въ людскую, гдѣ находились: Григорьева и другая служанка, Прасковья Лукина; Рябининъ отдалъ Григорьевой привезенные ей гостинцы, потомъ они втроемъ пили кофе; затѣмъ Лукина уходила въ садъ, и когда вернулась, то нашла Григорьеву съ *ножемъ въ груди*, который Григорьева при ней вытащила изъ раны и бросила на полъ, прося о помощи, а Рябининъ объявилъ, что это его вина. Больная по прибытіи доктора, уже была въ агоніи и умерла минутъ чрезъ 10. Ножъ, вѣроятно, дошелъ до сердца и большихъ сосудовъ, произведя кровотеченіе.

При производствѣ формальнаго слѣдствія, подсудимый Ни-

кита Рябининъ показалъ, что онъ до 1852 года жилъ въ деревнѣ, а съ этого времени въ Петербургѣ; четвертый годъ тому назадъ онъ былъ вызванъ родителями въ деревню, *гдѣ былъ ими насильно женатъ на безпорядочной женщинѣ*, которая по выходѣ замужъ продолжала жить распутно; проживъ съ нею мѣсяцъ, онъ уѣхалъ въ Петербургъ и послѣдніе три года служилъ лакеемъ у г. Моховикова въ домѣ Жданова, на Фонтанкѣ. Тамъ, года полтора тому назадъ, онъ познакомился съ Прасковьею Григорьевою, жившею третій годъ въ услуженіи у г. Безе, на одномъ дворѣ съ нимъ; они полюбили другъ друга, а съ января 1864 года онъ вошелъ съ нею въ любовную связь; любовь свою они старались скрывать отъ людей, и въ особенности она—отъ своей матери и своихъ господъ; онъ имѣлъ намѣреніе хлопотать съ осени о разводѣ и жениться на Прасковьѣ Григорьевой. За нѣсколько недѣль до совершенія имъ преступленія, произошла между ними ссора вслѣдствіе того, что одна женщина старалась разстроить ихъ отношенія; тогда онъ купилъ ножъ, тотъ самый, которымъ послѣ совершилъ преступленіе, и угрожалъ имъ Григорьевой, но она въ тотъ разъ вырвала ножъ изъ его рукъ, они оба *кинулись другъ другу въ объятія* и помирились; послѣ того, она положила ножъ къ себѣ въ сундукъ, надъ нимъ, Рябининымъ, смѣялась, наконецъ отдала ему оный назадъ. 28 Мая по случаю переѣзда на дачу ея господъ, Григорьева при вещахъ была отправлена впередъ и показатель провожалъ ее 12 верстъ; въ это время они условились, что онъ пріѣдетъ къ ней въ воскресенье послѣ Троицы; воскресный день приходился на 14 іюня 1864 года; но такъ-какъ этого ему не удалось, то онъ послалъ ей письмо, но отвѣта отъ нея не получилъ. 18 Іюня онъ услышалъ отъ одной женщины, что пріѣхавшій въ тотъ день въ городъ сынъ Безе говорилъ ей, что Григорьевой хотятъ отказать отъ мѣста за то, что она завела какія-то знакомства. Это стало сильно тревожить его, и онъ въ слѣдующее воскресенье отправился на пароходѣ на дачу Безе; на пристани онъ ожидалъ увидѣть Прасковью, но она не встрѣтила его; придя на дачу Безе, онъ засталъ Прасковью *спящею* въ людской, и наклонился поцѣловать ее, но она отъ него отвернулась и, вставъ съ постели, спросила, зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Потомъ стала ему говорить, что господа ея и мать

узнали объ ея сношеніяхъ съ нимъ, что барыня, по пріѣздѣ на дачу, бранила ее за то, что она связалась съ *женатымъ* человѣкомъ, что ее стали притѣснять, и что она больше терпѣть этого не хочетъ и его больше любить не будетъ. Тогда онъ подумалъ, что вѣрно правда, что она завела какія-нибудь новыя знакомства; всѣмъ этимъ онъ былъ такъ разстроенъ, что не помнитъ что съ нимъ дѣлалось; наконецъ онъ предложилъ ей привезенные гостинцы: кофе и сахаръ, но она не взяла, и онъ съ досады бросилъ ихъ на полъ; послѣ того былъ сваренъ кофе и они пили вмѣстѣ. Въ это время онъ всячески старался уговорить ее продолжать ихъ любовь, *цѣловалъ у нея руки и ноги, плакалъ, умолялъ ее на колѣняхъ, напоминалъ ей условіе ихъ — не разлучаться никогда*, — клялся ей что ихъ никто не разлучитъ и что онъ ей никогда не измѣнитъ; но она не соглашалась и онъ сталъ ей угрожать, что ее зарѣжетъ. На это она ему отвѣчала: „дѣлай со мною, что хочешь, но между нами все кончено, пожалуй умремъ вмѣстѣ“; онъ отвѣтилъ ей, что убьетъ ее одну. Кухарка, Прасковья Лукина, которая все время была вмѣстѣ съ ними, сказала Прасковьѣ: „не бойся, ничего не будетъ, просто плюнетъ да и уйдетъ“, и предложила ему ножъ. Это его раздражило еще болѣе; онъ сказалъ кухаркѣ, что у него есть свой, и когда она вышла изъ людской, то онъ вынулъ изъ кармана визитки ножъ и сталъ просить у Григорьевой послѣдняго отвѣта; она стала вырывать отъ него ножъ и хотѣла закричать, но онъ сказалъ ей: „какъ ты вскрикнешь, такъ я вонжу“, наконецъ она сказала: „дѣлай со мною что хочешь: рѣжь меня, а потомъ самъ рѣжься“; затѣмъ вскрикнула,—*онъ вонзилъ ей въ грудь ножъ*. Выйдя въ кухню, въ которой никого не было, онъ сталъ кричать: „вяжите меня, я Пашу зарѣзалъ“; когда пришли господа, онъ сознался во всемъ. Убивъ Прасковью, онъ былъ совершенно спокоенъ, и готовъ на всякое наказаніе; ему было бы непріятно, еслибы ему сдѣлали какое-либо облегченіе; онъ желаетъ своими мученіями *искупить* вину, чтобы соединиться съ Пашею на томъ свѣтѣ. Взявъ съ собою ножъ, при отправленіи на дачу г. Безе, онъ *не* имѣлъ намѣренія убить Пашу, а думалъ только *пострашать* ее, какъ дѣлалъ и прежде.

Кухарка *Лукина* показала,—что возвращаясь изъ сада, она

вдругъ услышала крикъ Григорьевой и, войдя въ кухню, увидѣла на порогѣ въ ихъ комнату Прасковью съ ножемъ въ лѣвой груди; Прасковья взялась за ножъ, ножъ выпалъ, кровь хлынула фонтаномъ и она упала на полъ крича: „спасите меня“, но упавъ, она потеряла чувства; ее положили на кровать лицемъ вверхъ, обложили льдомъ и стали тереть спиртомъ,—тогда она открыла глаза и попросила пить; глотнувъ нѣсколько разъ, она застонала, говоря: „охъ, тошно мнѣ, смерть моя, дайте умереть мнѣ“; наконецъ, тяжело и продолжительно вздохнула, послѣ стала дышать тише и тише, и умерла. Рябининъ стоялъ надъ Григорьевою неподвижно, и когда пошелъ г. Безе, то Рябининъ объявилъ ему, что убійство совершилъ онъ, и что онъ предоставляетъ дѣлать съ собою, что угодно. Объ отношеніяхъ Рябинина къ Григорьевой *до совершенія имъ преступленія*, Лукина показала слѣдующее: Рябининъ ходилъ къ Григорьевой еще въ городѣ и назывался ея *братомъ*. Послѣ праздника Троицы, Григорьева получила въ четвергъ отъ него письмо, которое ей было прочитано другими, такъ-какъ сама она была неграмотная; прослушавъ письмо, она, Лукина, сказала Григорьевой, что Рябининъ ей не братъ; тогда Григорьева разсказала ей, что Рябининъ ухаживаетъ за нею уже одинадцать мѣсяцевъ, но что онъ человѣкъ женатый; была ли она съ нимъ въ связи, она не говорила. Когда Рябининъ въ день совершенія имъ убійства просилъ Григорьеву, чтобы она любила его какъ прежде, то она, Лукина, *отклоняла* отъ того Григорьеву, говорила Рябинину, что насильно заставить любить нельзя, и, когда онъ сталъ угрожать Григорьевой, что зарѣжетъ ее, то она въ шутку предлагала ему столовый ножъ, но не думала, чтобы онъ могъ исполнить свою угрозу; когда она ушла въ садъ, то ссоры между ними не было.

Коллежскій Ассесоръ *Павелъ Моховиковъ* показалъ судебному слѣдователю, что Рябининъ находился у него въ услуженіи около трехъ лѣтъ, и въ теченіи всего этого времени велъ себя безукоризненно во всѣхъ отношеніяхъ. Рябининъ недальняго ума, характера мягкаго, тихаго, но въ то же время сосредоточеннаго; онъ честенъ, добръ, очень самолюбивъ и чрезвычайно впечатлителенъ. По своему нравствен-

ному развитію, доходившему до экзальтаціи и идеализма, онъ стоялъ гораздо *выше* среды, къ которой принадлежалъ по происхожденію. А среда эта давала сильно себя чувствовать: отецъ эксплоатировалъ его, безпрерывно требуя денегъ для своихъ домашнихъ потребностей и издержекъ на содержаніе жены Рябинина; между-тѣмъ, жена эта, навязанная ему отцовскою волею чуть не въ дѣтскомъ возрастѣ, вела въ деревнѣ распутную жизнь. Сколько ему, Моховикову, извѣстно изъ разсказовъ самого Рябинина, онъ старался сблизиться съ нею подъ условіемъ перемѣны образа жизни, но попытка не удалась, и это повлекло за собою совершенное охлажденіе и даже враждебное чувство съ его стороны. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ кто-то намекнулъ ему о возможности *развода*, онъ ухватился за эту мысль съ лихорадочнымъ жаромъ и много усилій стоило показателю убѣдить Рябинина въ неосуществимости такого предположенія. Вина Рябининъ никогда не пилъ. Вообще показатель не слышалъ о подсудимомъ въ теченіи трехъ лѣтъ ничего, кромѣ самыхъ похвальныхъ отзывовъ. Въ свободное отъ своихъ обязанностей время Рябининъ читалъ газеты и книги, преимущественно *романы 30-хъ годовъ*, а въ послѣднее время стихотворенія Кольцова и Некрасова. Чтеніе это развивало въ немъ чувства и воображеніе безъ соотвѣтственнаго развитія ума. Въ послѣдніе три мѣсяца показатель не могъ не замѣтить въ Рябининѣ нѣкоторой перемѣны: въ немъ стала обнаруживаться задумчивость и какая-то растерянность; повременамъ онъ былъ какъ человѣкъ, внезапно пробужденный отъ глубокаго сна, или занятый какою-нибудь постоянною, неотступною мыслью. Въ прежнее время онъ спалъ очень чутко и необыкновенно мало (часовъ 5—6 въ сутки); теперь же приходилось возвращаясь почью, долго звонить, пока онъ проснется, несмотря на то, что звонокъ былъ, попрежнему, въ двухъ шагахъ отъ его кровати. Повременамъ обнаруживалась въ немъ небывалая раздражительность; онъ нетерпѣливо выслушивалъ и видимо оскорблялся самыми легкими замѣчаніями. Въ воскресенье, 21 іюня, утромъ Рябининъ спрашивалъ позволенія отправиться къ знакомымъ на дачу, но такъ-какъ показатель долженъ былъ оставаться дома, то сказалъ Ря-

бинину, что онъ можетъ отложить свою поѣздку до будущаго воскресенья. Рябининъ, какъ замѣтно было, не ожидалъ такого отвѣта, и поблѣднѣвъ, сказалъ: „какъ же это, я написалъ, что буду, меня ждутъ; мнѣ необходимо, непремѣнно нужно ѣхать.“ Онъ, Моховиковъ, посовѣтовалъ ему найдти кого-нибудь вмѣсто себя для услугъ. Онъ видимо обрадовался этой мысли: ушелъ въ сосѣднюю квартиру и, до крайности взволнованный, просилъ сосѣдняго лакея замѣнить его на тотъ день, обѣщая вернуться къ 10 часамъ вечера. Получивъ согласіе того лакея, Рябининъ немедленно ушелъ и съ той минуты онъ, Моховиковъ, не видалъ его больше. По совершеніи Рябининымъ преступленія, онъ, Моховиковъ, узналъ о любви Рябинина къ Григорьевой, и считаетъ себя вправѣ высказать свое искреннее и полное убѣжденіе, что побудительною причиною совершеннаго Рябининымъ преступленія была не злая и испорченная воля преступника, а страстная изступленная *любовь*, доведшая его, — при сильной впечатлительности и экзальтаціи, слабости воли и неразвитости ума, и при соединеніи многихъ противодѣйствовавшихъ обстоятельствъ,—наконецъ, быть можетъ, при продолжительномъ воздержаніи отъ половаго совокупленія, до состоянія однопредметнаго, временнаго помѣшательства“.

Съ своей стороны мы находимъ, что убійство Григорьевой вызвано было не нравственною испорченностью Рябинина, но той житейской обстановкой, въ которую онъ былъ поставленъ; онъ имѣлъ въ деревнѣ распутную жену, на которой родители женили его насильно; живя самъ въ Петербургѣ, онъ влюбился въ Прасковью Григорьеву и вступилъ съ нею въ любовную связь. Между тѣмъ, господа, у которыхъ находилась въ услуженіи Григорьева и ея мать, узнавъ, что она любовница женатаго человѣка, начали требовать, чтобы она прекратила эту связь. Тогда Рябининъ убилъ Григорьеву. Въ этомъ поступкѣ мы видимъ любовь, доведенную до страсти, чувство истинное, экзальтированное и соединенное съ значительною твердостію характера. Рябининъ поставилъ себѣ вопросъ такимъ образомъ, что ему въ тягость жить безъ любимой женщины, и когда онъ убѣдился, что теряетъ невозвратно Григорьеву,—онъ убилъ ее

IV.

Житель города Митавы девятнадцатилѣтній подмастерье *Карлъ Кампрадъ* въ октябрѣ мѣсяцѣ 1852 г. познакомился съ дѣвицею *Амаліею Іорданъ* и въ февралѣ слѣдующаго года былъ помолвленъ съ нею съ согласія ея матери, Елизаветы Іорданъ. Въ августѣ мѣсяцѣ Елизавета Іорданъ взяла назадъ свое слово и отказала Кампраду въ рукѣ дочери.

18 Августа квартальный надзиратель города Митавы былъ извѣщенъ о смертоубійствѣ, совершенномъ въ домѣ Елизаветы Іорданъ. Прибывъ туда, онъ нашелъ Амалію Іорданъ мертвою, а Кампрада раненымъ. Кампрадъ былъ отправленъ въ больницу, а по выздоровленіи въ городской тюремный замокъ.

19-го августа происходило вскрытіе трупа Амаліи Іорданъ; на лѣвой сторонѣ груди оказалась рана длиною въ $^1/_2$ дюйма, глубиною въ 4 дюйма. Рана эта проходила насквозь черезъ сердце, и по заключенію врача, имѣла послѣдствіемъ смерть Амаліи Іорданъ.

При допросѣ въ Управѣ Благочинія 16 сентября *Кампрадъ* показалъ, что онъ страстно любилъ свою невѣсту и Амалія Іорданъ также очень любила его. Елизавета Іорданъ сначала обращалась съ нимъ какъ съ сыномъ, но въ послѣднее время измѣнила свое обращеніе и наконецъ потребовала чтобы онъ отказался отъ руки ея дочери. Это требованіе, глубоко поразившее его,—ни днемъ, ни ночью не давало ему покоя. Незадолго до несчастнаго событія, Амалія, когда онъ засталъ ее одну дома, со слезами жаловалась ему, что мать принуждаетъ ее не выходить за него замужъ. Въ это время Елизавета Іорданъ возвратилась домой и онъ началъ умолять ее не разлучать ихъ и не дѣлать тѣмъ обоихъ несчастными, но всѣ просьбы его были тщетны. Въ отчаяніи онъ отправился домой и отъ волненія не могъ заснуть. На другое утро онъ сѣлъ работать, но почувствовалъ такую дрожь, что работа выпадала у него изъ рукъ. Въ этомъ тревожномъ состояніи рѣшился онъ отправиться еще разъ къ вдовѣ Іорданъ, возобновить свои просьбы, и если онѣ останутся безуспѣшными, то *умретъ* вмѣстѣ съ Амаліею. Для этого онъ взялъ употребляемый при перчаточной работѣ

остроконечный ножъ и придѣлалъ къ нему ручку. Придя къ Елизаветѣ Іорданъ, онъ убѣждалъ ее согласиться на его свадьбу съ Амаліей, но когда и на этотъ разъ всѣ старанія его остались напрасны, то потерявъ всякую надежду, безутѣшный, вышелъ изъ комнаты. Вызвавъ въ сѣни Амалію, онъ сказалъ ей, что такъ какъ имъ нѣтъ болѣе надежды жить вмѣстѣ, то не лучше ли имъ вмѣстѣ умереть? Амалія со слезами на глазахъ протянула ему руку; во взглядѣ ея онъ прочелъ ея согласіе и вонзилъ ей ножъ въ сердце (Произнося эти послѣднія слова Кампрадъ впалъ въ такое изнеможеніе, что продолженіе допроса было отложено Управою до другаго раза.)

Въ присутствіи Фохтейскаго суда, 2 октября *Кампрадъ* изъявилъ полное раскаяніе въ своемъ преступленіи, объясняя, что онъ не имѣлъ никакого основанія ревновать свою невѣсту. Ему казалось только, что и для невѣсты и для него самого—лучше умереть, нежели жить въ разлукѣ другъ съ другомъ, кромѣ того онъ опасался, что мать Амаліи принудитъ ее выдти замужъ за другаго, и онъ такимъ образомъ навсегда лишится ея (И на этотъ разъ допросъ былъ остановленъ вслѣдствіе душевнаго волненія и физическаго изнеможенія подсудимаго.). Далѣе Кампрадъ показалъ, что отецъ и мать его живутъ въ Варшавѣ, гдѣ и онъ находился постоянно до 1852 г. До тринадцати лѣтъ онъ посѣщалъ въ Варшавѣ уѣздное училище, обучался во всѣхъ классахъ его и былъ конфирмованъ по обряду лютеранскаго вѣроисповѣданія. Амалія Іорданъ при самомъ первомъ знакомствѣ произвела на него глубокое впечатлѣніе; онъ скоро почувствовалъ къ ней самую пламенную любовь и пришелъ къ убѣжденію, что разлука съ нею будетъ для него ужаснѣе смерти. Со времени помолвки съ Амаліею, онъ былъ совершенно счастливъ и никогда не имѣлъ причины быть ревнивымъ, такъ какъ Амалія искренно любила его.

Вдова Елизавета Іорданъ показала,—что дочь ея Амалія 1-го февраля 1853 года была помолвлена съ Кампрадомъ, который съ этого времени проводилъ у нихъ всѣ вечера и съ невѣстою никогда не ссорился. 17-го августа она вмѣстѣ съ дочерью была въ гостяхъ у своего сына, къ которому вскорѣ пришелъ и хозяинъ Кампрада Людвигъ. Людвигъ совѣтовалъ ей отказать Кампраду, такъ какъ онъ не

въ состояніи пропитать жену и вообще дурной человѣкъ. Возвращаясь домой, она убѣждала дочь свою прервать на время всѣ сношенія съ Кампрадомъ, пока послѣдній не пріобрѣтетъ достаточныхъ средствъ къ существованію. Дочь ея на это согласилась. Къ несчастію, Кампрадъ шелъ по улицѣ сзади ихъ, ими не замѣченный и слышалъ весь ихъ разговоръ. Когда Кампрадъ пришелъ къ нимъ на слѣдующій день, то она стала убѣждать его отложить свадьбу. Дочь ея просила Кампрада о томъ же, обѣщая ему выдти за него замужъ, какъ только обстоятельства его поправятся. Но Кампрадъ не довольствуясь этимъ, требовалъ отъ Амаліи клятвы въ вѣрности, на что Амалія не согласилась. Тогда Кампрадъ вышелъ въ сѣни и вызвалъ туда Амалію. Вслѣдъ затѣмъ Елизавета Іорданъ услышала крикъ, выбѣжала въ сѣни и, увидѣвъ Амалію всю въ крови, хотѣла звать на помощь, но Амалія просила ее не кричать. Въ ту же минуту она замѣтила, что Кампрадъ вонзилъ себѣ ножъ въ грудь; въ страхѣ она бросилась къ нему и выхватила ножъ изъ раны. Между тѣмъ дочь ея, дойдя до дивана, упала и умерла. Къ этому Елизавета Іорданъ добавила, что она обращенія своего съ Кампрадомъ никогда не перемѣняла, всегда была съ нимъ ласкова и готова была согласиться на свадьбу его съ Амаліею, какъ скоро только устроились бы денежныя обстоятельства его. Дочь ея любила Кампрада искреннею любовью и отнюдь не интересовалась другимъ мужчиною.

Случай этотъ однороденъ съ предыдущимъ по мотивамъ, внушившимъ преступленіе, и положенію преступника относительно любимой женщины; сверхъ того Кампрадъ имѣлъ настолько энергіи, что убивъ невѣсту, вслѣдъ затѣмъ нанесъ и себѣ въ грудь рану ножомъ съ намѣреніемъ лишить себя жизни.

V.

24 сентября 1862 года Илья Васильевъ нанесъ женѣ своей *Аннѣ Федоровой* ножемъ рану въ животъ.

Анна Федорова показала, что она постоянно проживаетъ въ деревнѣ Зелениной (Рязанскаго уѣзда), мужъ же ея Илья

Васильевъ, постоянно живетъ въ Москвѣ въ кучерахъ, и въ настоящее время нанятъ въ эту должность купцомъ Матвѣевымъ; назадъ тому четыре недѣли она пришла изъ деревни въ Москву для свиданія съ мужемъ и полученія отъ него *денегъ* въ семейство; по прибытіи въ Москву, она находилась то у мужа, то у родственницы своей Соломониды Аѳанасьевой; въ продолженіи пребыванія своего, въ Москвѣ она *настаивала*, чтобы мужъ далъ ей *денегъ* и отправилъ въ деревню, но онъ, не давая денегъ, все удерживалъ ее въ Москвѣ, обѣщаясь взять у хозяина денегъ и дать ей; 24 сентября утромъ она пришла къ мужу съ просьбою, чтобы онъ далъ ей денегъ и отпустилъ, а какъ онъ хотѣлъ уже это исполнить, то и пошелъ съ нею сначала къ Аѳанасьевой, а затѣмъ проводить ее Федорову. Такъ какъ ей слѣдовало идти къ Спасской заставѣ, а мужъ повелъ въ Лефортово, то она спросила его: зачѣмъ онъ ведетъ ее не туда, куда должно, на что мужъ отвѣтилъ, что тамъ они сходятъ въ трактиръ и простятся. Прошедши Лефортово, они вошли въ анненгофскую рощу, гдѣ мужъ предложилъ ей сѣсть отдохнуть, а когда она сѣла на землю, то онъ одной рукой зажалъ ей ротъ, а другой, поднявши платье, ткнулъ въ животъ, не знаетъ чѣмъ, по сему она сначала стала упрашивать, чтобы онъ отпустилъ, а потомъ высвободившись отъ него, убѣжала; мужъ же остался на мѣстѣ; кое-какъ она дошла до Аѳанасьевой. Въ замужествѣ она находится четвертый годъ, дѣтей не имѣетъ; мужъ ея до сего времени жестоко съ ней не обращался, жили они какъ должно; что же его побудило на этотъ поступокъ, совершенно не знаетъ; во время провожанія ея, мужъ былъ немного выпивши.

Мужъ Анны Федоровой, *Илья Васильевъ* (23 лѣтъ) не сознаваясь въ преступленіи, показалъ, что 24 Сентября онъ пошелъ съ женою сперва къ Соломонидѣ Аѳанасьевой, а оттуда проводить ее въ деревню, и не доходя до церкви Новоблагословенной, далъ ей кредитными билетами 16 руб., чтобы она отнесла домой.—25 Сентября, на очной ставкѣ съ женою Илья Васильевъ, *ставъ на колѣни* предъ женою, началъ у нея просить прощенія, а затѣмъ показалъ, что 24 Сентября, около обѣда, онъ пошелъ съ женою, чтобы ее проводить въ деревню, и дать денегъ; когда же они вышли

отъ Афанасьевой, то онъ предложилъ ей идти вмѣсто надлежащаго пути въ Лефортово, не для чего другаго, какъ только для того, чтобы съ нею тамъ *проститься;* жена согласилась, и они пошли мимо Разумовской больницы, на Салтыковскій мостъ, мимо Красныхъ казармъ и прямо въ анненгофскую рощу; здѣсь недалеко отъ берега они присѣли, потомъ *сдѣлали между собою coutie*, и за симъ, въ ту же минуту, незамѣтнымъ образомъ, вынувши изъ боковаго кармана жилета желѣзко безъ черенка, завернутое тряпкою, онъ острымъ концомъ желѣзка пырнулъ жену въ животъ, но для чего это сдѣлалъ, совершенно не понимаетъ, и что̀ съ нимъ случилось,—не знаетъ. Когда же жена отъ боли закричала, то онъ, испугавшись зажалъ ей ротъ, чтобы она болѣе не кричала, но она, также испугавшись, вскочила и убѣжала отъ него; оставшись одинъ въ рощѣ, въ какомъ-то испугѣ и безпамятствѣ, онъ не зналъ, что дѣлать, а потомъ, оставивъ на мѣстѣ ножикъ и мѣшокъ съ вещами, брошенный женою, побѣжалъ домой. Намѣренія лишить жену жизни онъ не имѣлъ, ибо не было къ тому со стороны ея никакого повода, и его къ этому никто не подстрекалъ и не училъ. Денегъ для доставленія въ семью онъ хотѣлъ дать женѣ 13 р., бывшіе у него въ жилетѣ; но этого сдѣлать не могъ по сказанному обстоятельству.

Съ своей стороны мы убѣждены, что покушеніе Ильи Васильева на убійство жены сдѣлано было имъ въ здравомъ умѣ и подлежитъ вмѣненію. Жена Васильева, которую онъ безъ сомнѣнія страстно любилъ, настаивала, чтобы онъ далъ ей *денегъ* и отправилъ ее *въ деревню.* Онъ долго этому противился, и съ трудомъ уступилъ ея просьбамъ, но затѣмъ пошелъ провожать жену и на прощаньи, подъ вліяніемъ горести, испытываемой имъ при разлукѣ съ женщиною, минутное обладаніе которою только распалило его страсти, ранилъ ее ножемъ. Если-же Илья Васильевъ объяснилъ, что не понимаетъ *для чего* пырнулъ жену въ животъ, то безъ сомнѣнія далъ невѣрное показаніе съ цѣлью избѣгнуть заслуженнаго наказанія.

VI.

25 Сентября 1848 года жена отставнаго поручика *Наталья Ломоносова* была въ гостяхъ у Надворной Совѣтницы Ели-

заветы Карауловой и въ полночь отправилась отъ нея домой, въ колискѣ, съ гувернанкою своего сына, дѣвицею Софьею Музель и Инженеръ-Капитаномъ Ѳедоромъ Карауловымъ. Когда коляска пріѣхала на дворъ Графини Санти, въ домѣ которой г-жа Ломоносова квартировала и подъѣхала къ крыльцу, Ломоносова замѣтила на крыльцѣ своего мужа, живущаго съ ней въ разводѣ. Испугавшись такой неожиданной встрѣчи и зная строптивый характеръ своего мужа, она приказала кучеру поворотить лошадей со двора, но въ то же мгновеніе мужъ ея, закричалъ: „держите лошадей!“ На этотъ крикъ вдругъ выскочили съ улицы два человѣка и схватили лошадей подъ уздцы, а мужъ ея выстрѣлилъ въ нее изъ пистолета, но не попалъ. Услышавъ выстрѣлъ Капитанъ Карауловъ выскочилъ изъ коляски, но запутался въ шинель, и *упалъ*. Тогда мужъ ея выстрѣлилъ въ Караулова, а потомъ еще разъ выстрѣлилъ въ нее, но также не попалъ.

Поручикъ Ломоносовъ на данные ему вопросные пункты показалъ, что въ 1833 году онъ женился на дѣвицѣ Натальѣ Панковой, съ которою сначала онъ жилъ счастливо, но три года тому назадъ принужденъ былъ съ нею разстаться вслѣдствіе ея предосудительнаго поведенія. Онъ однако продолжалъ страстно любить свою жену и всегда искалъ случая, гдѣ-либо съ нею встрѣтиться. Опасаясь подвергнуться нападенію со стороны любовника своей жены, Инженеръ-Капитана Караулова, или подговоренныхъ имъ лицъ, отъ которыхъ онъ по слабому своему здоровью не могъ себя защитить, онъ постоянно имѣлъ при себѣ не столько для обороны, сколько для наведенія страха, два маленькихъ карманныхъ *пистолета*, издавна, не помнитъ, чѣмъ заряженныхъ. — 24 Сентября, часу въ первомъ дня, онъ проходилъ мимо женниной квартиры и услыхалъ ея игру на фортепьяно. Эта игра, услаждавшая его семейную жизнь, напомнила ему счастливое прошедшее и его настоящее несчастное положеніе, отъ чего онъ пришелъ въ нервное разстройство, бѣжалъ отъ квартиры жены и не помнитъ, гдѣ ходилъ, что съ нимъ происходило и въ которомъ часу возвратился домой. Вечеромъ того же дня онъ вышелъ безсознательно изъ дому и, блуждая по улицамъ, опять очутился на дворѣ квартиры, занимаемой его женою. Спустя нѣсколько минутъ послѣ при-

хода его, въѣхала на дворъ коляска, въ которой онъ узналъ экипажъ своей жены, и остановилась у подъѣзда. Изъ коляски вышла гувернантка дѣвица Музель и прошла мимо его, а жена, увидѣвъ его, закричала кучеру, чтобы поворотилъ лошадей и ѣхалъ обратно со двора. Въ это время бывшій при коляскѣ лакей Петръ Ильинъ схватилъ его за лацканъ пальто, а изъ коляски раздались слова; „бей его", и онъ по голосу узналъ капитана Караулова. Услыхавъ такое оскорбленіе, приведшее его въ совершенное изступленіе, и опасаясь, чтобы Карауловъ, выскочившій уже изъ коляски, не напалъ на него вмѣстѣ съ Ильинымъ, онъ, Ломоносовъ, ударилъ сего послѣдняго въ лицо, а кучеру его жены закричалъ „держи", и, не прицѣливаясь *выстрѣлилъ* изъ обоихъ пистолетовъ. Онъ вовсе не имѣлъ намѣренія причинить кому-либо вредъ, но стрѣлялъ единственно для того, чтобы испугать пріѣхавшихъ и оградить себя отъ могшаго произойти на него нападенія. Еслибы онъ хотѣлъ убить кого-нибудь, то могъ бы сдѣлать это навѣрное, ибо стрѣлялъ такъ близко, что дуло пистолета касалось коляски. Послѣ того какъ жена его ушла въ комнаты, а Карауловъ скрылся, онъ оставался нѣсколько минутъ на дворѣ и спрашивалъ у встрѣченнаго имъ неизвѣстнаго человѣка „не ранилъ-ли онъ кого?" Въ это время подошли къ нему его крѣпостные люди, которые оказались на мѣстѣ происшествія случайно, бывши вѣроятно въ гостяхъ у людей его жены. Выстрѣловъ было сдѣлано только два, а не три.

Въ заключеніе мы приведемъ весьма интересный отрывокъ изъ одного находящагося при дѣлѣ письма Ломоносова, писаннаго имъ къ своей женѣ уже *послѣ* совершенія преступленія: „Вы не знали и не знаете, что такое ревность? Знаете ли, что ревность по моему мнѣнію, есть мѣрило любви, любви, говорю не романической, гдѣ все преувеличено и высоко-недосязаемой, но любви, которою любимъ мы, грѣшные, въ здѣшнемъ мірѣ; сила любви измѣряется силою ревности. Разсмотря это, и Вы сами со мною согласитесь. Напримѣръ: если въ васъ родится подозрѣніе, что любовь милаго вамъ человѣка ослабѣваетъ или,—что еще хуже, обращается къ другому, не страшно ли вамъ потерять ее? А чѣмъ болѣе страха, тѣмъ болѣе ревности, слѣдовательно тѣмъ сильнѣе любовь.—Прогрессія неоспорима. Этотъ страхъ такъ

затмѣваетъ иногда разсудокъ, что вмѣсто того, чтобы обратить любовь эту къ намъ, мы теряемся, дѣлаемъ промахи, безразсудства, совершенно уже уничтожающіе любовь, которую удержать старались; эти промахи были, кажется, отчасти моимъ удѣломъ, а потому будьте хоть въ *прошедшемъ* снисходительны къ припадкамъ моей ревности, Васъ окончательно отъ меня отвратившей; не презирайте меня, а жалѣйте обо мнѣ по человѣчеству."

А. Любавскій.

Шкаф
Полк
№

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

I.

23, 24 и 25 іюня въ Смоленскомъ Окружномъ Судѣ съ участіемъ присяжныхъ разсматривалось дѣло о канцелярскомъ служителѣ *Иванѣ Ивановѣ Высотскомъ*, обвинявшемся въ предумышленномъ убійствѣ своей жены. Составъ суда: предсѣдательствовалъ исправляющій должность предсѣдателя суда *Мордухай-Болтовскій*, члены: гг. *Дондуковъ-Корсаковъ* и *Красовскій*. Обвинялъ товарищъ прокурора *Товарковъ*, защищали: кандидатъ правъ *Шуфъ* и г. *Кичеевъ*. Въ составъ присяжныхъ вошли семь чиновниковъ, четыре купца и одинъ крестьянинъ. Обстоятельства этого дѣла, по обвинительному акту, слѣдующія: „9-го ноября 1869 года, въ первомъ часу дня смоленская полиція была извѣщена объ убійствѣ жены канцелярскаго служителя, Антонины Викентьевой Высотской. По прибытіи полиціи, вмѣстѣ съ судебнымъ слѣдователемъ и врачемъ на мѣсто происшествія, Высотская найдена въ квартирѣ своей безъ признаковъ жизни: трупъ былъ еще тепловатый, но біенія сердца и дыханія уже не было замѣтно. Высотская лежала въ спальнѣ на кровати, лицомъ къ стѣнѣ, одѣтая въ зеленую шерстяную юбку и такую же кофту. На кофтѣ въ разстояніи четырехъ дюймовъ отъ ворота оказалось отверстіе въ проходъ мизинца, съ довольно ровными краями. Соотвѣтственно этому отверстію, подобныя же отверстія, направляясь болѣе въ лѣвую сторону, имѣлись на холщевой кофтѣ и рубашкѣ, окровавленныхъ въ этомъ мѣстѣ на полъладони. На тѣлѣ Высотской въ лопаточной сторонѣ, дюйма на два отъ позвоночнаго столба, оказалось входное пулевое отверстіе, съ незначительнымъ кровянымъ подтекомъ. Спереди, на полъ дюйма ниже окончанія грудной кости подъ кожею ощущалось круглое инородное тѣло, при разрѣзѣ кожи, оказавшееся коническою револьверною пулею, довольно большаго калибра. Описанныя поврежденія, по заключенію врача и врачебнаго отдѣленія губернскаго правленія, признаны безусловно смертельными.

По осмотру квартиры Высотской, во второй комнатѣ отъ входа, найденъ былъ въ шкафѣ шестиствольный револьверъ съ четырьмя только зарядами. Въ этой же комнатѣ, на столѣ, лежала росписка, написанная на имя пристава 2-й части города Смоленска въ удостовѣреніе того, что Антонина Высотская 9-го ноября получила отъ мужа сполна всѣ вещи, требованныя ею объявленіемъ, поданнымъ въ Смоленское полицейское управленіе 6-го ноября. Подписи Высотской подъ распиской этой нѣтъ. Смоленская мѣщанка Лук. Ив. Богданова, находившаяся въ услуженіи у Высотской, объяснила при слѣдствіи, что утромъ 9-го ноября въ квартиру Высотской пришелъ какой-то письмоводитель и сказалъ ей, что мужъ ея, проживавшій у пристава 9-го стана въ качествѣ помощника, при смерти боленъ и проситъ его навѣстить. На это Высотская отвѣтила, что мужу ея гораздо лучше было бы лежать у себя въ домѣ, чѣмъ въ квартирѣ становаго. Послѣ этого письмоводитель ушелъ и черезъ нѣсколько времени явился самъ Высотскій.

Поздоровавшись съ женою, онъ сѣлъ за столъ во второй комнатѣ и началъ что-то писать. Въ это время она, свидѣтельница, выходила не надолго изъ квартиры и затѣмъ, вернувшись, застала, что Высотскій все еще продолжалъ писать, причемъ разговора между Высотскими не было. Выйдя за перегородку въ сосѣднюю комнату она, Богданова, услыхала въ смѣжной комнатѣ выстрѣлъ и вслѣдъ затѣмъ увидѣла бросившуюся къ наружной двери Высотскую. Едва она успѣла отворить Высотской дверь, какъ послышался другой выстрѣлъ, но не столь громкій, какъ первый. Въ ту же минуту Высотская безъ чувствъ упала на порогъ, произнеся слова: „Боже мой!“ Въ это время Высотскій, подбѣгая къ ней, закричалъ: „душка, прости меня.... скорѣе доктора!“ Эти послѣднія слова, сказанныя уже на лѣстницѣ, ведущей изъ квартиры на дворъ, слышала выбѣжавшая на шумъ хозяйка дома Марья Ивановна Грекова и проживающая въ ея домѣ дворянка Прасковья Павловна Эсмонтова. Послѣдняя, до прибытія полиціи переносила тѣло уже умершей Высотской съ того мѣста, гдѣ она упала, на постель. Найденный въ квартирѣ становаго пристава Высотскій на первоначальномъ допросѣ сознался слѣдователю въ умышленномъ убійствѣ жены, объяснивъ, что утромъ 9-го ноября онъ взялъ у Лебедева безъ спросу заряженный револьверъ и отправился къ женѣ, жившей отъ него отдѣльно, съ цѣлью убить ее. Въ квартирѣ у нея онъ засталъ мѣщанку Лук. Иванову и такъ какъ за нѣсколько дней передъ этимъ жена черезъ полицію требовала отъ него свои вещи, то онъ прежде всего предложилъ подписать ту росписку, которая впослѣдствіи была найдена на столѣ, а въ то время, какъ же-

Шкаф
Полка
№

на сѣла за столъ, чтобы подписаться подъ роспис憂, онъ не помнитъ уже какимъ образомъ выстрѣлилъ и убилъ ее. Въ послѣдующихъ письменныхъ заявленіяхъ слѣдователю Высотскій отказался отъ этого показанія, какъ даннаго, по его словамъ, въ болѣзненномъ состояніи и заявилъ, что любовь къ женѣ и возбуждаемая ея поведеніемъ ревность разочаровали его въ жизни и ему пришло на мысль застрѣлиться въ ея глазахъ, доказавъ тѣмъ всю силу своего чувства къ ней и съ этою именно цѣлью онъ пришелъ къ ней въ квартиру и не помнитъ уже какимъ образомъ убилъ жену вмѣсто себя, находясь въ это время въ болѣзненномъ состояніи. Полицеймейстеръ г. Смоленска Майдановичъ и помощникъ пристава Висковскій, находившіеся при первоначальномъ допросѣ обвиняемаго показали, что Высотскій былъ при этомъ въ совершенно нормальномъ состояніи и не уклоняясь, какъ они выразились, сознался въ убійствѣ жены. Кромѣ того Майдановичъ добавилъ, что за два дня до убійства Высотская жаловалась ему, что мужъ отобралъ у нея вещи и просила распоряженія объ истребованіи ихъ обратно. Приставъ 3-го стана Лебедевъ показалъ, что въ день убійства Высотскій, проживавшій у него на квартирѣ, какъ помощникъ по службѣ, попросилъ у него позволенія послать къ своей женѣ письмоводителя Лызлова сказать что-то о вещахъ. По уходѣ Лызлова черезъ нѣсколько времени и самъ Высотскій отправился изъ квартиры, отвѣтивъ ему совершенно спокойно, что скоро вернется. Черезъ часъ Высотскій возвратился назадъ и объявилъ, что убилъ жену. Револьверъ, найденный послѣ убійства въ квартирѣ Высотской былъ взятъ у него, Лебедева, безъ его вѣдома, онъ заряженъ былъ пятью пулями и лежалъ въ комнатѣ на этажеркѣ. Это показаніе отставной канцелярскій служитель Лызловъ дополнилъ тѣмъ, что по порученію Высотскаго онъ утромъ отправился съ письмомъ къ его женѣ. Высотская, прочитавъ письмо, поручила ему сказать мужу, что она только тогда вернется къ нему, когда онъ отдастъ ей половину взятыхъ имъ у нея вещей. Вслѣдствіе заявленія обвиняемаго о болѣзненномъ его состояніи, было произведено медицинское освидѣтельствованіе, по которому оказалось, что у Высотскаго учащенное сердцебіеніе, происходящее отъ увеличенія сердца въ объемѣ, но что душевное состояніе его не представляетъ уклоненій отъ нормы. Изъ вышеизложеннаго оказывается, что Высотскій, по собственному его сознанію, рѣшившись на убійство жены, взялъ для этого изъ квартиры Лебедева заряженный револьверъ и утромъ 9-го ноября отправился для исполненія задуманной цѣли. Придя къ женѣ, онъ прежде всего предложилъ ей подписать росписку въ полученіи отъ него вещей, захвачен-

ныхъ имъ до этого изъ ея квартиры, хотя на самомъ дѣлѣ вещи ея и не были имъ возвращаемы и въ то время, какъ Высотская сѣла къ столу, чтобы сдѣлать подпись, онъ выстрѣлилъ по ней изъ револьвера. Судя по направленію раны, выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ тотъ моментъ, когда Высотская не могла видѣть мужа, стоящаго позади ея. Сознательное состояніе обвиняемаго во время совершенія преступленія и при снятіи съ него допроса, кромѣ свидѣтельскихъ показаній, доказывается и росписью, которая вполнѣ удовлетворяетъ цѣли ея написанія, выказываетъ обдуманность въ дѣйствіяхъ Высотскаго и, судя по почерку ея, довольно твердому, нельзя заключить, чтобы оно писано было въ взволнованномъ состояніи. На вышеизложенныхъ основаніяхъ канцелярскій служитель Ив. Ив. Высотскій, 24 лѣтъ, обвиняется въ предумышленномъ убійствѣ своей жены, т.-е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ 1451 ст. Улож. о нак.“

Послѣ прочтенія обвинительнаго акта на вопросъ предсѣдателя: признаетъ ли себя подсудимый виновнымъ?—*Высотскій* отвѣчалъ: я признаю себя виновнымъ въ убійствѣ жены, но не признаю виновнымъ въ предумышленномъ убійствѣ.

Защитникъ подсудимаго, г. Шуфъ обратился къ суду съ заявленіемъ, что такъ какъ судъ предоставилъ ему, защитнику, право пригласить въ судъ психіатра доктора Беккера, которому необходимо произвести медицинскій осмотръ подсудимому, то онъ проситъ судъ о постановленіи произвести этотъ осмотръ въ отдѣльной комнатѣ.

Тов. прокурора далъ заключеніе, что если судъ уважитъ ходатайство защитника, то чтобы осмотръ происходилъ въ присутствіи суда, присяжныхъ и врачей, вызванныхъ въ качествѣ экспертовъ.

Г. Шуфъ возразилъ, что по принятому обычаю довольно присутствія при осмотрѣ прокурора и защитниковъ.

Судъ постановилъ, что примѣняясь къ 688 ст. Уст. Угол. Суд. ходатайство защитника признать справедливымъ и дозволить г. Беккеру освидѣтельствовать подсудимаго въ присутствіи прокурора и защитниковъ, если они пожелаютъ, и при четырехъ вызванныхъ экспертахъ, а на члена суда Дондукова-Корсакова возложить обязанность наблюдать, чтобы г. Беккеръ не говорилъ съ экспертами и не предлагалъ бы имъ вопросовъ, а равно то же самое наблюденіе имѣть и за гг. защитниками.

Послѣ освидѣтельствованія подсудимаго приступлено было къ спросу свидѣтелей.

Мѣщ. Богданова (служанка Высотской) показала: наканунѣ убійства Иванъ Ивановичъ былъ у насъ вечеромъ, а въ это время Антонина Викентьевна была въ маскарадѣ. Проспѣ онъ

Шкаф
Полка
№ .....

меня сходить за водкой, но я говорю ему, что не пойду, потому что у васъ и такъ біеніе сердца. Что ты боишься, говоритъ, я не украду у васъ ничего,—я посмѣялась этому. Онъ ушелъ потомъ куда-то, вѣроятно, выпить; вернувшись, опять уходилъ, затѣмъ свѣчку сталъ вставлять въ подсвѣчникъ и все дѣлалъ лѣвой рукой, а правую держалъ все время подъ шинелью, какъ будто что было въ ней. Я тутъ подумала, что не портретъ ли жены онъ взялъ. На другой день явился какой-то человѣкъ и говоритъ, что Иванъ Ивановичъ при смерти боленъ, а я и говорю, что вчера больно выпивши былъ, такъ можетъ оттого. Антонина Викентьевна говоритъ посланному, чтобы мужъ ѣхалъ къ ней и чтобъ вещи привезъ. Черезъ полчаса послѣ этого явился и самъ Иванъ Ивановичъ и говоритъ женѣ: ты, душечка, желала меня видѣть, вотъ я и пріѣхалъ, и пошелъ въ спальную и началъ писать что-то. Это я видѣла, потому что входила въ комнату за полотенцемъ, только что вышла, какъ онъ бацъ! она вскрикнула: ахъ, Боже мой! и выбѣжала, а онъ еще бацъ! Я закричала: ахъ, убилъ! Она упала ко мнѣ на плечо, а онъ подбѣжалъ и говоритъ: душечка, прости меня, и посылаетъ скорѣй бѣжать за докторомъ. Я вездѣ ихъ искала,—нигдѣ нѣтъ, встрѣтила наконецъ полицеймейстера и пріѣхала съ нимъ... Вещи я не припомню въ какой день онъ у жены взялъ — помню, что это было только въ пріѣздъ государыни и взялъ ихъ не при мнѣ, а при моей матери. Приносилъ ли онъ ей 9-го числа вещи —я не видала. Былъ онъ тогда въ шубѣ, кажется, становаго. Переѣхалъ Высотскій отъ жены, какъ обобралъ ее, и ссора у нихъ была изъ-за вещей (на вопросы защ. Шуфа). Визитку Щировскаго взяла я зашить, я ему и прежде носки вязала, онъ бывало когда гривенникъ, когда пятачекъ дастъ. Антонина Викентьевна тоже шила на Щировскаго рубашки. Она когда еще барышней была, то жила съ Щировскимъ, а какъ замужъ вышла, то онъ и не ходилъ къ намъ, развѣ только когда Иванъ Ивановичъ позоветъ, жилъ онъ недалеко отъ насъ и бралъ обѣдъ у насъ. Сперва они съ барыней три года жили на одной квартирѣ. 9-го числа мы съ барыней не испугались Высотскаго, какъ онъ вошелъ, а я больше испугалась его наканунѣ;—какъ отворила ему, такъ и обомлѣла, вѣрно сердце чувствовало. Антонина Викентьевна вернулась тогда изъ маскарада часа въ два, только, что онъ ушелъ. Доктора у него не бывало, но Высотскій все что-то пилъ отъ сердцебіенія, объ этомъ и жена его знала. Когда онъ переѣхалъ отъ жены, то она очень скучала.... объ вещахъ и говорила: Боже мой, что это онъ меня всю обобралъ.

По заявленію защитника Шуфа было прочтено показаніе Богдановой, данное ею на предварительномъ слѣдствіи, въ кото-

ромъ она между прочимъ показала, что Высотскій утромъ 9-го числа явился въ страшно взволнованномъ видѣ и жена и она его очень испугались, потому что онъ все въ жену всматривался. Что Высотскій очень любилъ жену и исполнялъ всѣ ея капризы и спускалъ ея дерзости. Что переѣхалъ онъ отъ нея по ея требованію.

Богданова далѣе показала, что она утверждаетъ свое показаніе, данное на предварительномъ слѣдствіи, но заявила, что она о страшномъ видѣ Высотскаго не говорила и слѣдователь ей не читалъ ея показанія. Что она не знаетъ почему Высотскій убилъ свою жену, но думаетъ, что не изъ ревности, потому что у него у самого была дѣвка и два ребенка отъ нея. Что вещей не видала у Высотской и не знаетъ, какія онъ у нея взялъ, знаетъ только, что онъ взялъ двѣ подушки и матрацъ и что Щировскаго послѣ убійства видѣла разъ 20 и онъ какъ-то около поста купилъ у нея, свидѣтельницы, тальму одной барынѣ, и за труды далъ ей 20 коп.

Подсудимый. Не говорилъ ли я вамъ, Богданова, что жена дурно со мной обращается и отталкиваетъ меня отъ себя, какъ мужа?

Богданова. Я этого не понимаю.

Предсѣдатель. Васъ подсудимый спрашиваетъ, что не говорилъ ли онъ вамъ, что жена его отталкиваетъ отъ себя?

Богданова. Я не видала, чтобы Антонина Викентьевна толкала Ивана Ивановича.

Предсѣдатель. Вамъ уже 40 лѣтъ и неужели вы не понимаете о чемъ васъ спрашиваютъ, что не отказывала ли Высотская своему мужу въ тѣхъ сношеніяхъ съ собою, отъ которыхъ бываютъ дѣти?

Богданова отвѣчала: я не понимаю такихъ сношеній.

Подсудимый. Я познакомился съ женою своею, когда мнѣ было лѣтъ 17—18, я былъ въ то время дома въ деревнѣ, на вакаціи. Я ею сильно заинтересовался, но потомъ потерялъ ее надолго изъ виду. Наконецъ я столкнулся съ нею въ Смоленскѣ, увлекся еще болѣе и женился. Она на бракъ была совершенно согласна. Знакомые мнѣ говорили тогда, что она недобропорядочнаго поведенія и что этою женитьбой я уроню себя въ глазахъ нашего общества, но я не обращалъ вниманія на эти совѣты. Она говорила мнѣ, что она несчастная женщина, что ведетъ подобную жизнь по необходимости, изъ-за того, что нечѣмъ жить. Что сначала она была жертвою игры какого-то гусара, и затѣмъ связь свою со Щировскимъ объясняла тѣмъ, что ей нечего было ѣсть. Она клялась мнѣ, что оставитъ преж-

Шкаф
Полка
№

нюю жизнь, Шировскій тоже мнѣ далъ слово, что между ними все будетъ кончено, что онъ даже уѣдетъ изъ Смоленска. Я Шировскаго до женитьбы хотя и видѣлъ всего раза два, но считалъ его за порядочнаго человѣка, и ему вѣрилъ. Я женился. Послѣ этого Шировскій ходилъ къ намъ недѣли двѣ каждый день, плакалъ и говорилъ, что ему очень скучно. Первое время я его самъ приглашалъ. Затѣмъ я сталъ узнавать отъ знакомыхъ, что отношенія между моею женою и Шировскимъ прежнія, но я на это не обращалъ вниманія, считая это сплетнями. Наконецъ и самъ сталъ замѣчать справедливость этихъ сообщеній. Она говорила мнѣ иногда, что сожалѣетъ, что утратила любовь Шировскаго и затѣмъ подозрѣнія мои подтвердились тѣмъ, что жена моя наняла квартиру рядомъ съ Шировскимъ, готовила ему кушанье, шила ему бѣлье и перешивала платье, она часто уходила къ нему на квартиру, не сказавъ мнѣ зачѣмъ идетъ. Я очень часто уѣзжалъ въ командировки и не могъ слѣдить за нею постоянно,—разъ, помню пріѣхалъ изъ одной командировки, она мнѣ и говоритъ: зачѣмъ вернулся такъ скоро, уѣзжай откуда пріѣхалъ, и наконецъ стала настаивать, чтобы я переѣхалъ отъ нея къ становому Лебедеву. Я вынужденъ былъ уѣхать, но отъѣхавъ немного, на меня напала тоска, я вернулся, сталъ ее уговаривать, говорилъ: извини, если я тебя чѣмъ оскорбилъ, но она хотя и сознавалась, что сплетни ей надоѣли, но настояла на своемъ. Такимъ образомъ, я два раза уѣзжалъ къ Лебедеву. Я узналъ также потомъ, что она ночевала у офицера Карицкаго и чтобы провѣрить это подозрѣніе, я самъ былъ тогда у него и убѣдился въ этомъ... Вещи у нея я не помню какъ захватилъ, они были въ одномъ сундукѣ съ моими. Я услыхалъ тогда, что она со Шировскимъ хочетъ куда-то уѣхать и вещи, сколько припоминаю, взялъ для того, чтобы она пришла ко мнѣ и чтобы я имѣлъ случай переговорить съ нею о нашихъ отношеніяхъ. Мнѣ думалось совершить самоубійство, чтобы показать ей, что причиною этого она. Я не думаю, чтобы она сама выдумала такія кляузы, какъ подать на меня заявленіе о захватѣ ея вещей, и вѣроятно это были происки кого-либо изъ ея фаворитовъ. Въ квартирѣ ея я даже опасался бывать, чтобы не получить отъ компаніи ея какого-либо оскорбленія. Вещи я послалъ къ ней съ Лызловымъ, а также и письмо, но не знаю отдалъ ли онъ ей письмо. Когда онъ вернулся и сказалъ, что она говоритъ, чтобы я самъ пришелъ къ ней, я схватилъ портфель съ бумагами, остальныя ея вещи и тутъ мнѣ попался на глаза револьверъ, я взялъ и его и побѣжалъ къ ней. Она жила отъ Лебедева всего въ пяти минутахъ разстоянія. Прибѣжавши къ ней я отдалъ ей вещи и спросилъ росписку—она говоритъ: напиши, я подпи-

шу. Я вынулъ бумагу изъ портфеля и началъ писать, писалъ я такъ, что не могъ связать двухъ словъ и все старался припомнить написанное. Я написалъ наконецъ росписку, но жена медлила ее подписать; въ это время я сталъ разсматривать комнаты и вдругъ въ спальнѣ увидалъ пиджакъ Щировскаго. Мнѣ показалось, что Щировскій въ спальнѣ. Я схватилъ револьверъ и бросился, но не могу дать отчета—кого я хотѣлъ убить: себя или ее. Сколько разъ я выстрѣлилъ — не помню. Не помню зачѣмъ я и револьверъ съ собой взялъ, но мысль о самоубійствѣ у меня зародилась еще задолго до этого дня, но времени опредѣлить не могу.... Въ послѣднее время жена не говорила со мною и двухъ словъ, я старался сколько разъ заговаривать съ нею, но это не помогало. Когда я вернулся послѣ убійства въ канцелярію становаго, то, встрѣтивъ знакомыя лица—Лебедева и письмоводителя, нѣсколько очувствовался и объявилъ объ убійствѣ жены... Боленъ я и сперва былъ, болѣзнь появилась мѣсяцевъ за семь до убійства, но грудь болѣла, когда я еще былъ въ семинаріи, пользовалъ меня докторъ Русановъ, прописывалъ мнѣ лѣкарства перемѣнныя, которыя я принималъ регулярно. Помню, разъ упадокъ силъ у меня былъ такъ великъ, что я не въ состояніи былъ ходить по комнатѣ. Женатъ я былъ три мѣсяца только, но расположеніемъ жены пользовался недѣли двѣ.

Мѣщанка Мар. Ив. Грекова показала: объ убійствѣ я ничего не знаю; видѣла только, какъ Антонина Викентьевна лежала на порогѣ, было это часу въ 11-мъ. Я жила въ одной половинѣ дома, а она въ другой. Услыхавши крикъ жившей у ней женщины, я вышла и увидала Антонину Викентьевну уже мертвою, около нея стояли Богданова и Высотскій, который, кажется, сказалъ, чтобы за докторомъ послать. Я сейчасъ же пошла и объявила полиціи. О личныхъ ихъ отношеніяхъ я ничего не знаю, о причинѣ убійства также не знаю, а равно какого поведенія была Высотская. Личность Щировскаго знаю, но не видала, чтобы онъ заходилъ къ Высотской.

По прочтеніи ея показанія, даннаго ею на предварительномъ слѣдствіи, въ которомъ между прочимъ она говоритъ, что Высотскій сказалъ женѣ: „душенька, прости меня..... скорѣе доктора!“ Грекова заявила, что она этихъ словъ не слыхала.

Становой приставъ Лебедевъ показалъ: при убійствѣ я не былъ. Высотскаго я знаю за человѣка хорошаго, скромнаго, но раздражительнаго. Жилъ онъ у меня два раза: прежде три года и затѣмъ незадолго до убійства. О причинѣ послѣдней переѣздки ко мнѣ Высотскій сказалъ мнѣ, что жена его неспокойнаго характера, не любитъ его и невѣрна ему. Ее же я видѣлъ всего раза два. Платилъ я ему холостому по 10 р. въ мѣсяцъ на мо-

Шкафъ
Полка
№

емъ столѣ, а когда женился онъ, то получалъ по 15 р. Высотскій очень часто жаловался мнѣ на сердцебіеніе и боль подъ ложечкой, въ это время онъ бывалъ блѣднѣе обыкновеннаго и у него являлась сильная раздражительность, доходившая до того, что онъ ударялъ иногда сотскихъ по лицу, но тотчасъ же самъ сознавался, что этого не слѣдовало дѣлать. Сотскіе никогда не жаловались на него, и въ двухъ станахъ, въ которыхъ онъ служилъ со мной, если сдѣлать повальный обыскъ, то объ немъ всѣ скажутъ только хорошее. Раздражительность его я относилъ и отношу къ болѣзненному его состоянію. Докторъ Русановъ пользовалъ его отъ сердцебіенія не менѣе года, я видѣлъ, что онъ пилъ лимонный сокъ. Высотскій иногда замѣнялъ меня, я поручалъ ему сборы денегъ и онъ всегда отличался честностью. Послѣ женитьбы я замѣчалъ въ немъ мрачность, апатію къ дѣлу, прежде же онъ былъ гораздо дѣятельнѣе и прилежнѣе къ службѣ. О вещахъ я знаю только то, что, кажется Новицкій, мнѣ говорилъ, что Высотскій захватилъ у жены вещи, потомъ говорилъ Лызловъ, что онъ относилъ вещи къ женѣ Высотскаго и затѣмъ Новицкій сказалъ мнѣ, что вещи были всѣ возвращены. До женитьбы у Высотскаго также были вещи, но послѣ женитьбы одѣваться онъ сталъ лучше и я видѣлъ у него золотые часы. Наканунѣ убійства я видѣлъ Высотскаго часовъ въ 9-ть вечера, но уходилъ ли онъ изъ дому,—не знаю, въ день же убійства онъ спросилъ у меня позволенія послать Лызлова къ своей женѣ, я позволилъ; вскорѣ я увидалъ, что и онъ уходитъ, я спросилъ его: куда,—онъ отвѣчалъ, что сейчасъ вернется. Въ это время я снималъ допросъ съ одного нѣмца и не замѣтилъ въ какомъ состояніи былъ Высотскій. Револьверъ до 5-го ноября лежалъ у меня въ портфелѣ, а потомъ на этажеркѣ, заряженъ онъ былъ пятью зарядами, шестой былъ пустой. Когда Высотскій возвратился, то сбросивъ шинель, неестественнымъ голосомъ—не сказалъ, а просто закричалъ: „убилъ жену!“ У меня даже руки опустились. Глаза его были нехороши, онъ былъ какъ помѣшанный, я не повѣрилъ ему и пригласилъ его ѣхать съ собой. Я постоянно не совѣтовалъ Высотскому жениться на бывшей его женѣ, потому что она не пользовалась по народной молвѣ хорошею репутаціею, вслѣдствіе этого онъ скрывалъ отъ меня намѣреніе жениться и женился, когда я уѣхалъ изъ города по одному дѣлу, а онъ ѣхать отказался. Самъ я объ ней ничего не могу сказать, но въ домъ бы къ себѣ не принялъ. (Предсѣдатель: почему-же?) Потому что.... она была другаго исповѣданія.

Предсѣдатель къ подсудимому: вы можете не отвѣчать на мой

вопросъ, если не хотите, но я желаю васъ спросить: имѣли ли вы женщину и двухъ дѣтей отъ нея?

Подсудимый: не желаю отвѣчать.

Канцеляр. служит. Лызловъ показалъ: въ день убійства Высотскій написалъ письмо къ своей женѣ и я съ дозволенія становаго пошелъ къ ней и понесъ также вещи, которыя онъ просилъ меня ей отдать. Я отдалъ ей письмо и вещи и сказалъ, что онъ боленъ, и проситъ ее пріѣхать. Она отвѣчала, что тогда только пойдетъ, когда онъ возвратитъ ей остальныя вещи. Кухарка ея была тутъ же, но видѣла ли она, какъ я передавалъ Высотской письмо и вещи,—не знаю. Вещи были завернуты въ бумагѣ, остались у Высотскаго вещи только въ коробочкахъ, которыя онъ потомъ понесъ ей самъ—они могли легко быть положены имъ въ портфель. Высотской я не говорилъ, что мужъ ея *при смерти* боленъ и не смѣялся при этомъ, а сказалъ просто, что боленъ. Дней за 5 или за 7 до убійства я ночью видѣлъ, какъ Высотскій просыпался, ходилъ по комнатѣ, тосковалъ, плакалъ и говорилъ, что лишитъ себя жизни; когда я спросилъ его что́ съ нимъ, онъ отвѣчалъ, что ему скучно, больно. Неоднократно также Высотскій безъ причины рвалъ бумагу, билъ посуду, плакалъ, былъ задумчивъ, жаловался на головную боль и боль подъ ложечкою. Когда за нѣсколько дней до происшествія жена его приходила къ нему и съ ругательствами брала у него вещи и рылась вездѣ, то онъ ей не препятствовалъ это дѣлать. Послѣ убійства Высотскій, возвратясь въ канцелярію, сказалъ *тихимъ* голосомъ, что убилъ жену.

На очной ставкѣ съ Богдановой, послѣдняя осталась при своемъ показаніи, что Лызловъ ни письма, ни вещей не приносилъ и говорилъ, что Высотскій боленъ при смерти и при этомъ, смѣялся. На очной ставкѣ съ Лебедевымъ Лызловъ объяснилъ что потому быть можетъ ему послышалось, что Высотскій сказалъ *тихимъ* голосомъ объ убійствѣ жены, что онъ былъ въ сосѣдней комнатѣ.

Помощ. частн. прист. Висковскій показалъ: узнавъ о происшествіи, я по пути заѣхалъ къ доктору Эрсу, но увидавъ, что Богданова и врачъ Тамаринъ съ полицеймейстеромъ ѣдутъ изъ полиціи, поѣхалъ за ними. Вещей мы сейчасъ не осматривали, а послали за слѣдователемъ. Слѣдователю Высотскій отвѣчалъ безъ остановочно, былъ въ спокойномъ состояніи и хладнокровно сказалъ, что убилъ. Когда же слѣдователь, обратясь къ Высотскому, сказалъ: не больны ли вы? Тогда онъ отвѣчалъ, что боленъ и просилъ отложить допросъ. Не помню говорилъ ли онъ о причинѣ убійства, но послѣ допроса говорилъ, что и теперь Щировскаго пиджакъ находится у его жены. Пиджакъ этотъ

Шкафъ
Полка
№

мы видѣли. О болѣзни Высотскій заявилъ спустя уже около часу.

Подсудимый. Слѣдователю прежде, чѣмъ онъ предложилъ мнѣ вопросъ о болѣзни, я сказалъ, чтобы меня привели въ болѣе нормальное состояніе и на меня первый обратилъ вниманіе Тамаринъ и, пощупавъ пульсъ, сказалъ, что я боленъ.

Бывшій полицеймейстеръ Майдановичъ показалъ: когда мнѣ донесли объ убійствѣ Высотской, я взялъ съ собой врача Тамарина, потому что думалъ, что она еще жива и поѣхалъ къ ней на квартиру. О вещахъ я не припомню—были ли онѣ у нея на квартирѣ, револьверъ лежалъ въ шкафу, на столѣ лежала росписка о принятіи вещей, писанная рукою Высотскаго. Рѣчь о пиджакѣ не заходила, а онъ слѣдователю сказалъ, что отвѣчать не можетъ, и просилъ отложить допросъ. При допросѣ я былъ все время, исключая только нѣсколькихъ минутъ, употребленныхъ мною на докладъ губернатору по этому дѣлу. До заявленія Высотскимъ о болѣзни прошло около часу. По пріѣздѣ на квартиру Высотской, я послалъ за Высотскимъ помощника пристава и Гуткова и они привезли его черезъ четверть часа. Высотскій былъ блѣденъ и взволнованъ. Въ частномъ разговорѣ онъ сказалъ мнѣ, что убилъ жену за ея невѣрность и сказалъ это убитымъ тономъ. Высотская жаловалась мнѣ, что мужъ ея взялъ у нея вещи и что она подала объ этомъ прошеніе. Исполненіе по этому дѣлу поручено было Приставу второй части, но отдалъ ли вещи Высотскій—этого не припомню. Объявленіе же ея, поданное ею въ полицію, найдено было у ней на столѣ. Высотская говорила мнѣ прежде, что вышла замужъ потому, что желала пристроиться. Вещи въ полицію попали послѣ составленія имъ описи по распоряженію слѣдователя.

Подсудимый. Объявленіе жены вручилъ мнѣ Частный Приставъ Новицкій, съ тѣмъ чтобы я представилъ отъ жены своей росписку въ полученіи вещей.

Дворянка Праск. Эсмонтова показала: услыхала я, что Высотская и кухарка ея бѣгутъ и кричатъ: убилъ. Я выскочила изъ комнаты (я жила въ томъ же домѣ) и вижу, что за ними бѣжитъ онъ съ пистолетомъ въ рукахъ. Когда она упала, онъ плакалъ, цѣловалъ ее, просилъ, чтобы она его простила. Потомъ предложилъ мнѣ отнести ее на кровать, мы и отнесли. Говорилъ, что Богъ его будетъ судить, повторялъ: прости Антониночка, скажи хоть одно слово, я тебя очень любилъ!

Купецъ Петръ Кондратьевъ Орловъ показалъ: съ Высотской я познакомился мѣсяца за два до происшествія; съ Щировскимъ я былъ болѣе знакомъ, чѣмъ съ Высотскимъ и совѣтовалъ ему не бывать у Высотскаго, на что мнѣ и Щировскій и Высотская

замѣтили, что прежнія отношенія между ними уже кончены. Высотскій же въ этотъ періодъ времени былъ жалокъ, говорилъ постоянно о религіи, объ обязанностяхъ, такъ что видно было, что онъ находится въ ненормальномъ состояніи. Высотскій мнѣ тоже говорилъ, что отношеній между его женою и Щировскимъ не существуетъ. Я зналъ, что Высотская очень капризна и характеръ у нея нехорошъ и слышалъ, что за капризы Щировскій ее сильно билъ. Впослѣдствіи я бывалъ у нея вмѣстѣ съ Щировскимъ. Въ день убійства ея я видѣлъ Высотскаго черезъ четверть часа въ лавочкѣ въ домѣ Грековой, гдѣ онъ находился подъ стражею. Ему безпрестанно дѣлалось дурно и его спасали только водой и давали въ носъ табаку.

Свидѣтельница Доброродова показала: дня за три до убійства Высотскій пришелъ ко мнѣ и такой былъ страшный, что напугалъ меня и я послала за одной знакомою женщиною. Онъ говорилъ тогда внѣ себя, что убьетъ жену и себя. Я знаю, что онъ пилъ лекарство, жаловался на головную боль и лилъ на голову воду, говорилъ также часто о боли подъ ложечкой, вскакивалъ иногда по ночамъ и рвалъ бумагу. Часто говорилъ, что желалъ бы умереть. Я ему жениться не совѣтовала и Высотская уже будучи невѣстой, недѣли за двѣ до свадьбы ѣздила съ Покровскимъ за Днѣпръ, потомъ ѣздила еще съ кѣмъ-то. Знали они другъ друга лѣтъ шесть и Антонина Викентьевна мнѣ говорила, что очень любитъ Высотскаго, но я этому никогда не вѣрила, видя ее поведеніе.

Свидѣтель Покровскій показалъ: знаю я Высотскаго года два и когда услыхалъ, что онъ хочетъ жениться, то отсовѣтывовалъ ему. Антонину Викентьевну тоже зналъ хорошо, а равно и поведеніе ея. Разъ какъ-то я зашелъ къ ней въ домъ и меня поразила въ спальнѣ ея мужская шапка и за ширмами сильное дыханіе спящаго человѣка. Я съ нею самъ катался какъ-то. Высотскій мнѣ говорилъ впослѣдствіи, что у него несчастная жизнь.

Свидѣтель Игнатьевъ показалъ: что разъ Высотская прибѣжала къ своему мужу, который только что переѣхалъ на квартиру къ Лебедеву, въ $10\frac{1}{2}$ часовъ вечера и какъ разъяренная гіена кинулась къ вещамъ Высотскаго, рылась въ нихъ и ругала мужа за то, что онъ взялъ ея вещи; что Высотскій отвѣчалъ ей на это: бери все, что тебѣ надо, и жена развязывала узлы и выбирала изъ нихъ вещи и удалилась лишь потому, что онъ, Игнатьевъ, замѣтилъ ей, чтобы она не шумѣла и кромѣ того было уже очень поздно. Далѣе свидѣтель показалъ, что въ послѣднее время здоровье Высотскаго дѣлалось все хуже и хуже и онъ не разъ высказывалъ, что порѣшитъ съ собою. Что по его, свидѣтеля, мнѣнію вещей было всего рублей на сто.

Шкафъ
Полка
№

Купецъ Матвѣй Орловъ показалъ: жену Высотскаго я зналъ очень хорошо, зналъ испорченный нравъ ея, зналъ ее какъ содержанку, какъ дѣвку, которая всѣхъ мущинъ принимала. Со мной она просиживала по цѣлымъ ночамъ, но я не соглашался заплатить ей деньги. Разъ я пріѣхалъ къ Щировскому, его не было дома, я поговорилъ съ ней въ пріемной, потомъ пошли въ спальную, стали разговаривать недалеко отъ кровати, она прилегла на нее, я снялъ сюртукъ и разстегнулъ жилетъ. На груди у меня былъ мѣшечекъ съ деньгами моего брата и когда она прижала меня къ себѣ, то почувствовала, что что-то ей мѣшаетъ. Она спросила: что это? Я отвѣчалъ, что деньги. Она проговорила: а, это очень хорошо, дай мнѣ 30 р. Я говорю: это деньги брата, не далъ ей и уѣхалъ. Случай этотъ былъ за недѣлю до свадьбы ихъ. Я убѣждалъ Высотскаго не жениться на ней, но онъ говорилъ, что любитъ Антонину и вѣритъ ей, что она пала при неблагопріятныхъ условіяхъ жизни, но что онъ вырветъ ее изъ этого омута и спасетъ. Послѣ этого я оставилъ свои убѣжденія. Послѣ женитьбы ихъ я бывалъ у Высотскаго, но Щировскаго онъ *при мнѣ* не приглашалъ къ себѣ. Въ одно изъ посѣщеній моихъ разъ Высотская такъ сильно ударила мужа по носу, что у него пошла кровь и также помню я, что дня за два до свадьбы ихъ я былъ у Щировскаго и нужно было подать закуску которой Антонина Викентьевна не подала. На это ей Щировскій замѣтилъ, что она такъ рада, что выходитъ замужъ, что забываетъ уже, что нужно сдѣлать. Она отвѣчала: если я и выхожу замужъ, но для тебя останусь всегда тѣмъ же. Что же касается до того, что она измѣняла и Щировскому, то это я тоже знаю. Сестра моя была знакома съ ней и не ночевала разъ дома. Матушка моя, зная ихъ знакомство, пошла къ Щировскому и увидала, что у Антонины Викентьевны, въ отсутствіе Щировскаго, лежитъ за ширмами на кровати мущина, а у кровати стоятъ военные сапоги. Сестра же моя спала въ другой комнатѣ на диванѣ. Послѣ этого матушка просила меня, чтобы я какънибудь отклонилъ знакомство сестры моей съ Антониной. Высотскій одно время жилъ у меня въ домѣ.

Вслѣдствіе нѣкотораго противорѣчія въ показаніи Орлова съ даннымъ на предварительномъ слѣдствіи, послѣднее было прочтено. Оно слѣдующаго содержанія: „Канцел. служителя Иван. Иванов. Высотскаго я узналъ за два или за три дня до его женитьбы на Антонинѣ Викентьевнѣ и зналъ, что онъ женится на содержанкѣ коллежск. регистрат. Апполона Васильева Щировскаго, о чемъ зналъ и Высотскій, который когда бралъ у меня платье къ свадьбѣ, то высказалъ, что онъ знастъ, что она содержанка Щировскаго. Что онъ знакомъ былъ съ нею прежде,

но хочетъ возвратить ее отъ заблужденія во что бы то ни стало, а потому изъ любви къ ней женится. Послѣ свадьбы я бывалъ у Высотскаго и замѣтилъ, что онъ доволенъ своею судьбой и даже счастливъ, а состояніе Антонины Викентьевны было наоборотъ—она оказывала неудовольствіе и прямое пренебреженіе къ мужу, но изъ-за чего это было мнѣ неизвѣстно и знать я не домогался. Бывалъ у нихъ вмѣстѣ и со Щировскимъ и при мнѣ Высотскій приглашалъ Щировскаго посѣщать ихъ какъ можно чаще и что онъ не подозрѣваетъ ихъ прежнихъ интимныхъ отношеній. Вообще Высотскій былъ человѣкъ скромный, добрый и снисходительный, а Антонина Викентьевна была характера вспыльчиваго и дерзкая. О посѣщеніяхъ Щировскаго квартиры Высотскихъ я могу сказать, что Щировскій у нихъ столовался (бралъ столъ), а потому бывалъ тамъ. Болѣе я ничего не знаю.

Свидѣтель Чеплевскій показалъ: былъ я разъ на квартирѣ Высотскихъ и видѣлъ между ними непріятность, которая вынуждена была его женою. Дѣло было такъ: посланъ я былъ на дѣло по распоряженію г. Лебедева, но очень загрязнился и заѣхалъ къ Высотскому обчиститься. Въ это время вошли къ нимъ въ квартиру двое, изъ которыхъ одинъ былъ Щировскій и попросили у Антонины Викентьевны двѣ простыни и мыла, чтобы идти въ баню. Высотская имъ тотчасъ же дала то и другое. Я хотѣлъ тогда взять Высотскаго съ собою и онъ попросилъ что-то у жены изъ бѣлья. Она отвѣчала, что нѣтъ. Высотскій вспыхнулъ и говоритъ, что же, для другихъ есть, а для меня нѣтъ? Съ этого и началась ссора. Высотскій порвалъ на себѣ галстухъ, сорочку и въ ноябрѣ мѣсяцѣ поѣхалъ со мной въ лѣтнемъ платьѣ и уже на дорогѣ взялъ его назадъ, встрѣтившійся съ нами Лебедевъ. Онъ всю дорогу молчалъ и былъ внѣ себя. Я счелъ это или за болѣзнь или за то, что жена постоянно его раздражаетъ.

Затѣмъ прочтенъ былъ судебно-медицинскій актъ слѣдующаго содержанія: 1871 года января 11 дня уѣздный врачъ Русановъ, помощникъ инспектора врачебной управы Севрюгъ и врачъ Смоленскаго тюремнаго замка Строгановъ въ присутствіи товарища прокурора Товаркова, судебнаго слѣдователя Завадовскаго и двухъ постороннихъ понятыхъ производили судебно-медицинское освидѣтельствованіе о состояніи здоровья Ив. Высотскаго и при этомъ оказалось, что онъ 25 лѣтъ отъ роду, тѣлосложенія средняго, имѣетъ черепъ правильно развитый, на покровахъ головы на лѣвой верхней затылочной части видѣнъ рубецъ давняго происхожденія, образовавшійся вслѣдствіе потери кожи во всю ея толщу, по словамъ Высотскаго—послѣ ушиба головы при паденіи въ дѣтствѣ.... Кромѣ того другой рубецъ

Шкафъ
Полка
№ 5

на лѣвой части лба въ полдюйма длиною... Глаза имѣетъ чистые, реакція зрачковъ нормальна, языкъ нормаленъ, оба легкихъ нормальны, пульсъ до 120 ударовъ въ минуту, замѣтно нервное раздраженіе, которое находится въ связи съ его болѣзнью сердца. Душевное состояніе въ настоящее время не представляетъ видимаго уклоненія отъ нормы.

Приступлено было къ спросу врачей экспертовъ.

Врачъ Русановъ показалъ: что онъ пользовалъ Высотскаго отъ 8 до 9 мѣсяцевъ и замѣтилъ органическій порокъ сердца и онъ жаловался также на сердцебіеніе, противъ чего онъ, Русановъ, прописывалъ ему успокоительныя капли. Что видѣлъ разъ, какъ съ Высотскимъ сдѣлался обморокъ, продолжавшійся съ полчаса, такъ что можно было опасаться за его жизнь. Что болѣзнь эта, по его, эксперта, мнѣнію, развилась давно и при немъ разъ было, что Высотскій ударилъ сотскаго и очевидно, что аффектъ этотъ возросъ на болѣзненной почвѣ. Что болѣзнь Высотскаго вообще можно называть душевной болѣзнью и на основаніи всѣхъ ея признаковъ назвать ее можно, какъ называетъ ее Крафтъ-Эббингъ, „психическою угнетенностью."

(Засѣданіе кончилось въ 2 часа ночи и возобновилось на другой день въ 11½ часовъ утра).

Врачъ Строгановъ на вопросы сторонъ высказалъ, что онъ на основаніи освидѣтельствованія подсудимаго и свидѣтельскихъ показаній пришелъ къ тому заключенію, что Высотскій страдалъ увеличеніемъ сердца въ объемѣ, органическимъ его порокомъ. Что у него было душевное разстройство, что онъ выводитъ изъ показаній тоже свидѣтелей, задолго еще до убійства своей жены и полагаетъ, что Высотскій совершилъ убійство въ моментъ психическаго аффекта. Что аффектъ боль психическая, тоже что обыкновенная боль въ отношеніи нервовъ. Онъ можетъ зависѣть и отъ другихъ болѣзней, но чаще всего проявляется отъ болѣзни сердца, которая вообще не можетъ остаться безъ послѣдствій. Что аффектъ бываетъ двухъ родовъ: возбуждающій и угнетенный. Первый изъ нихъ выражается повышеніемъ нервной раздражительности; второй—параличемъ. У Высотскаго же былъ аффектъ возбуждающій, но сколько ихъ было и когда—онъ, экспертъ, сказать не можетъ. Послѣдній же аффектъ былъ, вѣроятно, продолжителенъ, но сколько времени онъ продолжался, за отсутствіемъ данныхъ, сказать не можетъ. По его мнѣнію организмъ Высотскаго былъ очень удобною почвою, на которой аффектъ могъ проявиться каждую минуту. Что въ эту минуту, когда Высотскій говорилъ со становымъ или отдавалъ женѣ вещи, сознавалъ ли все это—онъ, эк-

спертъ, за отсутствіемъ данныхъ, опредѣлить нельзя. Но что подъ вліяніемъ аффекта субъектъ можетъ связно говорить и писать, хотя полнаго сознанія въ это время можетъ и не быть, то объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Что аффектъ можетъ парализовать волю, а вспыльчивость и раздражительность не всегда могутъ это сдѣлать. Если же человѣкъ боленъ душевно, то аффектъ всегда произведетъ парализованіе воли, точно также, какъ и въ настоящемъ дѣлѣ воля подсудимаго была парализована. Что хотя въ написаніи росписки и видно сознаніе, но нельзя одно это дѣйствіе подсудимаго разрывать съ остальными его дѣйствіями и кромѣ того нужно замѣтить, что душевно-больные пишутъ иногда цѣлые трактаты очень логично. Что хотя и бываютъ притворные больные, будто бы психическою болѣзнью, но при діагностическихъ средствахъ этотъ обманъ можетъ быть очень скоро открытъ. Насчетъ найденныхъ у подсудимаго на головѣ рубцевъ, экспертъ заявилъ, что въ актѣ осмотра они сказали, что только „*въ настоящее время*“ рубцы эти не имѣютъ значенія. Въ заключеніе экспертъ высказалъ, что у Высотскаго была *психическая угнетенность* (melancholia sine delirio).

Врачъ Севрюгъ. „Прежде всего я долженъ доложить суду, что медицинскія аналитическія данныя необходимыя для опредѣленія какъ соматическаго, такъ и душевнаго состоянія подсудимаго мнѣ мало или вовсе неизвѣстны, такъ что при моихъ выводахъ я долженъ ограничиться тѣмъ, что слышалъ вчера на судѣ о подсудимомъ отъ свидѣтелей и изъ его освидѣтельствованія, произведеннаго 11 января Коммиссіею, въ которой вмѣстѣ съ другими врачами участвовалъ и я, актъ котораго былъ прочитанъ вчера на судѣ. Въ этомъ актѣ выражено почти мое мнѣніе о состояніи подсудимаго. Я не вдаваясь въ „психологію“ и шаткіе ея выводы, долженъ ограничиться замѣченными мною болѣзненными явленіями у подсудимаго и на нихъ построить заключеніе о его состояніи. Итакъ, начиная съ головы и того, что говорилъ подсудимый на судѣ можно заключить, что функція мозга его нормальна, рѣчь его послѣдовательна, свободна, логична сверхъ ожиданія и доказываетъ, что умственная его сфера въ совершенно нормальномъ состояніи и не подвергнута уклоненіямъ. Относительно груди при освидѣтельствованіи оказалось, что кромѣ довольно слабой груди вообще сердце его не въ нормальномъ состояніи, а именно при изслѣдованіи этого органа обозначается нѣсколько увеличенный объемъ его, сопровождающійся ускореннымъ сердцебіеніемъ, учащеннымъ пульсомъ (120 ударовъ въ минуту), явленія, которыя при душевномъ аффектѣ, вѣроятно, усиливаются. Субъективное же, возможное при этихъ явленіяхъ есть только боль подъ ложечкою. Притомъ я

Шкафъ
Полка
№ 5

долженъ затѣтить, что опасныхъ органическихъ измѣненій въ клапанахъ, по моему мнѣнію, у него нѣтъ. При такомъ состояніи организма и при сильномъ, угнетающемъ душевномъ аффектѣ, проявляющаяся у него значительная раздражительность очень возможна и можетъ быть болѣе, чѣмъ у человѣка здороваго, но допустить, чтобы онъ дѣйствовалъ безъ сознанія—не могу. Полагаю между прочимъ, что организмъ Высотскаго скорѣе склоненъ къ активному дѣйствію." Далѣе экспертъ высказалъ, что если дѣйствія Высотскаго были логичны, то онъ не признаетъ, чтобы Высотскій дѣйствовалъ въ безсознательномъ состояніи, хотя и признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что сумасшедшій можетъ иногда дѣйствовать логично. Что психическая болѣзнь по мнѣнію его, эксперта, не есть еще сумасшествіе. Что наука психіатрія недавно только разработана и вѣрные отвѣты о состояніи душевно-больныхъ можетъ дать только спеціалистъ, онъ же, экспертъ, не психіатръ, а состоитъ помощникомъ инспектора врачебной управы.

Врачъ Дашкевичъ показалъ: чтобы дать въ данномъ случаѣ положительное сколько—нибудь мнѣніе, нужно произвести изслѣдованіе подсудимаго субъективное, онъ же, экспертъ, произвелъ только объективное, а потому и не можетъ дать положительнаго заключенія—въ какомъ состояніи находился подсудимый во время совершенія преступленія. Что кромѣ того нужно прослѣдить предшествующую жизнь больнаго, не былъ ли кто изъ его близкихъ родныхъ подверженъ той же болѣзни и пр. Теперь же можно только сказать, что у одного субъекта болѣзнь сердца можетъ имѣть вліяніе на духовную сторону, у другаго же вліянія этого не бываетъ. Затѣмъ экспертъ пришелъ къ тому заключенію, что подсудимый дѣйствовалъ въ сильно возбужденномъ состояніи, которое однако не привело его до потери воли. На судѣ подсудимаго вся обстановка должна была привести въ возбужденное состояніе, но однако этого незамѣтно и если онъ не находится въ такомъ состояніи, то стало быть не было причинъ, которыя бы на него такъ подѣйствовали. Прежде же могла вліять невѣрность жены, несчастная любовь и пр. Бываетъ иногда, что въ высшей степени сумасшедшіе совершаютъ преступленія очень послѣдовательно, иногда даже объявляютъ о совершеніи преступленія и отдаются въ руки правосудія и совершеніе преступленія нерѣдко освобождаетъ ихъ отъ прежняго сумасшествія, т.-е. совершеніе преступленія бываетъ какъ бы кризисомъ ихъ болѣзни. И настоящій случай съ подсудимымъ по мнѣнію его, эксперта, совершенно подходитъ подъ это. Что же касается до рубцевъ, найденныхъ на головѣ подсудимаго, то нужно знать: сопровождалось ли паденіе сотрясеніемъ

мозга или только произошли они отъ поверхностной раны, чтобы сказать о нихъ какое-либо мнѣніе. Ибо иногда самое незначительное паденіе, не оставляющее никакого рубца, но произведшее сотрясеніе мозга можетъ имѣть вліяніе на умственное состояніе субъекта даже черезъ 10 лѣтъ. Наружный же осмотръ еще ничего не значитъ, потому что можетъ страдать внутренняя оболочка мозга, могутъ быть наконецъ наросты, выпотѣнія и т. д.

Старшій ординаторъ Преображенской больницы въ Москвѣ, г. *Беккеръ* далъ слѣдующую экспертизу: призванный дать свое мнѣніе относительно душевнаго состоянія здоровья подсудимаго во время совершенія имъ преступленія, чтобы не казаться двусмысленнымъ, я долженъ сдѣлать нѣкоторыя оговорки и пояснить тѣ доводы, на которыхъ можетъ опираться заключеніе. Душевныя болѣзни составляютъ почти всегда признакъ, слѣдствіе, такъ-называемый припадокъ другихъ болѣзней; вѣдь душа по нашимъ понятіямъ неизмѣнна и безсмертна, а слѣдовательно ни заболѣвать, ни умирать не можетъ, т.-е. измѣненія въ проявленіи душевной дѣятельности тѣсно связаны съ разстройствами тѣла и головнаго мозга въ особенности. Отсюда понятно, почему болѣзни тѣлесныя пріобрѣтаютъ такое важное значеніе при разсматриваніи такъ-называемыхъ разстройствъ душевной жизни.

Изъ данныхъ, обнаруженныхъ на судебномъ слѣдствіи, изъ показаній свидѣтелей и моего собственнаго обслѣдованія подсудимаго видно, что онъ страдаетъ порокомъ сердца, непріятными ощущеніями въ подложечной области, имѣлъ неоднократныя головокруженія и отличался крайней нервной раздражительностью при слабомъ тѣлосложеніи и неоднократныхъ паденіяхъ на голову.

Связь между разстройствомъ дѣятельности сердца и проявленіемъ душевной жизни не должна казаться странной, если хоть принять во вниманіе, издавна приписываемое сердцу свойство общаго чувствилища, въ особенности состояній съ характеромъ болѣзненности, что̀ весьма часто и дѣлается въ обыкновенномъ разговорѣ. На многихъ языкахъ названіе сердца и боли поразительно сходны между собою и если языкъ считать не случайнымъ изобрѣтеніемъ, то совпаденіе должно имѣть нѣкоторый смыслъ. И дѣйствительно—связь между сердцемъ и мозгомъ, какъ органомъ душевной жизни, существуетъ самая тѣсная, на что̀ въ послѣднее время обратили вниманіе такіе ученые, какъ Льюисъ, Клодъ Бернаръ и др. Замѣчено, что болѣзни сердца нерѣдко встрѣчаются у страдающихъ мрачнымъ умопомѣшательствомъ и самоубійцъ, погибающихъ тоже, вѣроятно, не въ веселомъ настроеніи духа. Нервная раздражительность или свойство переходить въ дѣятельное состояніе отъ сравнительно ничтожныхъ причинъ

Шкафъ
Полка
№ 5

можетъ обнаруживаться въ сферѣ душевной жизни вслѣдствіе ненормальнаго состоянія завѣдующихъ его центровъ и вліять на характеръ и поступки человѣка. Головокруженіе и обморочныя состоянія имѣютъ также весьма важное значеніе какъ въ нервныхъ, такъ и въ душевныхъ болѣзняхъ. На такой-то болѣзненной почвѣ являлись приступы раздраженія, припадки томительнаго отчаянія съ предсердной тоской, измѣненіемъ характера, мрачнымъ настроеніемъ, отвращеніемъ къ жизни и мыслями о самоубійствѣ (что показываютъ единогласно свидѣтели и такъ немногословно описываетъ подсудимый), которыя могли только усилиться подъ вліяніемъ угнетающихъ страстей и тѣхъ условій, въ которыя былъ поставленъ подсудимый предъ совершеніемъ преступленія и вызвать послѣднее, какъ окончательное печальное проявленіе больной жизни его. Такое болѣзненное состояніе, извѣстное подъ именемъ угнетенія душевной дѣятельности съ приступами тоски, встрѣчаетъ не противорѣчія, а подтвержденія какъ въ формальной сторонѣ преступленія и послѣдующемъ поведеніи подсудимаго, такъ и въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, что̀ и заставляетъ признать, что подсудимый въ то время находился въ такомъ болѣзненномъ состояніи.

Защитникъ Кичеевъ. Въ концѣ концовъ признаете ли вы, что подсудимый совершилъ убійство въ томъ состояніи, которое на языкѣ юристовъ называется сумасшествіемъ, безумствомъ, однимъ словомъ—въ припадкѣ болѣзни?

Г. Беккеръ. Я уже высказалъ это.

Г. Кичеевъ. Можетъ ли человѣкъ, душевно разстроенный, говорить логично?

Г. Беккеръ. Можетъ.

Г. Кичеевъ. Можетъ и написать что нибудь?

Г. Беккеръ. Можетъ.

Г. Кичеевъ. Въ вашей практикѣ были случаи, что такой больной писалъ даже очень много?

Г. Беккеръ. Были.

Г. Кичеевъ. И было написано такъ, что нельзя узнать, что это писалъ человѣкъ разстроенный?

Г. Беккеръ. Бываетъ и такъ. Иногда же больные пишутъ съ пропусками буквъ и словъ, съ замѣной однихъ другими, а иногда и вовсе писать не могутъ.

Г. Кичеевъ. Можетъ ли учитель чистописанія, по предъявленной ему бумагѣ, опредѣлить то состояніе духа, въ которомъ находился человѣкъ, писавшій эту бумагу?

Г. Беккеръ. Мнѣ кажется, что это невозможно.

Защитникъ Шуфъ. Какъ вы слышали, подсудимый показалъ, что предъ тѣмъ моментомъ, когда онъ отправился къ своей же-

нѣ съ вещами, то имѣлъ намѣреніе лишить себя жизни, если вы припомните показанія свидѣтелей, то онъ и прежде высказывалъ такое желаніе, — не считаете ли вы это признакомъ болѣзненнаго состоянія?

Г. Беккеръ. Безъ всякаго сомнѣнія, если это только положительно доказано.

Г. Шуфъ. Свидѣтельница Доброродова, напримѣръ, показала, что онъ разъ у ней былъ въ такомъ состояніи, что она думала, что онъ съ ума сошелъ, показаніе Лызлова, что онъ ходилъ ночью по комнатѣ помраченный и въ сильномъ волненіи и высказывалъ ему намѣреніе лишить себя жизни—поэтому можно ли считать и его показаніе и желаніе убить себя справедливымъ?

Г. Беккеръ. Я думаю.

Товарищъ прокурора. Давно продолжается ваша практика?

Г. Беккеръ. Пятый годъ.

Товарищъ прокурора. Какой порядокъ существуетъ относительно пріема въ домъ умалишенныхъ? Если придетъ, напримѣръ, человѣкъ и скажетъ вамъ, что онъ сумасшедшій — вы его примете?

Г. Беккеръ. Съ большимъ удовольствіемъ, — если только родственники заявятъ желаніе помѣстить его.

Товарищъ прокурора. Потомъ черезъ сколько времени вы опредѣляете, что онъ лишенный ума?

Г. Беккеръ. Въ продолженіе каждаго мѣсяца, что̀ зависитъ отъ губернскаго присутствія.

Товарищъ прокурора. Еслибы напримѣръ Высотскій сказалъ, что онъ помѣшанъ, скоро ли вы могли опредѣлить его?

Г. Беккеръ. Иногда для этого достаточно нѣсколькихъ минутъ, иногда же долгое время.

Товарищъ прокурора. Ваша практика можетъ отвѣтить на то, что если человѣкъ приходитъ и заявляетъ о своемъ умопомѣшательствѣ, то это бываетъ притворство, какъ думаетъ психіатръ Гризингеръ?

Г. Беккеръ. Не всегда такъ, часто же они оказываются дѣйствительно больными.

Товарищъ прокурора. На вопросъ—вы высказали, что Высотскій былъ въ болѣзненномъ состояніи, но вѣдь болѣзненное состояніе можетъ быть различно?

Г. Беккеръ. Я сказалъ уже и могъ бы сказать многое, но было ли бы то справедливо, такъ какъ и наука не признаетъ строгаго разграниченія?

Товарищъ прокурора. Теперь Высотскаго вы признаете помѣшаннымъ?

Шкафъ
Полка
№

Г. Беккеръ. Не могу сказать положительно, потому что видѣлъ его только здѣсь на судѣ.

Товарищъ прокурора. Какое же ваше мнѣніе о немъ?

Г. Беккеръ. Я признаю, что онъ во время совершенія преступленія былъ душевно разстроенъ.

Предсѣдатель. Вы сказали, что человѣкъ можетъ быть душевно-боленъ, если даже сердце у него находится въ нормальномъ состояніи?

Г. Беккеръ. Я хотѣлъ сказать, что это даже часто бываетъ.

Предсѣдатель. Можетъ ли человѣкъ во время приступа сердцебіенія лишиться сознанія?

Г. Беккеръ. Не знаю навѣрное, но думаю, что можетъ.

Предсѣдатель. Или въ это время у него является чувство тоски и онъ рѣшается на какое-нибудь дѣйствіе?

Г. Беккеръ. Не знаю.

Предсѣдатель. Вы еще говорили, кажется, что наука мономаній не признаетъ?

Г. Беккеръ. Нѣтъ.

Предсѣдатель. Но вѣдь прежде признавала?

Г. Беккеръ. Признавала для удобства юристовъ.

Предсѣдатель Что наука ваша, достигла такого развитія, что не остается ничего желать, или она находится на такой степени, что не можетъ дать положительныхъ выводовъ?

Г. Беккеръ. Пока она будетъ въ рукахъ людей—желать всегда останется многаго. Теперь же она въ такомъ состояніи, что позволяетъ дѣлать положительные выводы.

Послѣ экспертизы врачей прочитана была росписка, написанная Высотскимъ, для подписи его жены; въ ней говорилось, что „я нижеподписавшаяся дала сію росписку въ томъ, что вещи отъ него (отъ кого—не сказано) получила и пр. Подписи подъ роспиской, какъ сказано было выше, не было.

Затѣмъ приглашены были по-одиночкѣ учителя чистописанія, вызванные обвинительною властію, для опредѣленія, по почерку росписки, въ какомъ настроеніи духа писалъ ее подсудимый, т.-е. въ спокойномъ или взволнованномъ.

Первымъ приглашенъ былъ учитель чистописанія *г. Ѳедотовъ*, который заявилъ на предложенный ему вопросъ товарищемъ прокурора, что, сличая два письма одного лица, можно замѣтить по разницѣ письма то настроеніе духа, при которыхъ они писаны.

Защитникъ Шуфъ. Скажите пожалуйста, что чистописаніе: наука или искусство?

Г. Ѳедотовъ. Искусство.

Г. Шуфъ. Скажите, что росписка эта писана въ тревожномъ состояніи или обыкновеннымъ почеркомъ писавшаго?

Г. Ѳедотовъ. Писана ближе къ обыкновенному.

Г. Шуфъ. Почему это вы опредѣляете?

Г. Ѳедотовъ. Да потому, что это написано, какъ обыкновенно всѣ дѣвицы или дамы пишутъ.

Г. Шуфъ. Такъ стало быть это по вашему дѣвица писала?

Г. Ѳедотовъ. Нѣтъ-съ, это писала дама. (громкій смѣхъ въ публикѣ).

Г. Шуфъ. Я удовлетворенъ этой экспертизой.

Учитель чистописанія г. *Филоновъ* высказалъ мнѣніе, что отличить мужской почеркъ отъ женскаго довольно трудно, что внѣшней связи въ буквахъ не можетъ быть у человѣка, писавшаго въ неспокойномъ состояніи, что предъявленная ему росписка скорѣе подходитъ къ мужскому почерку, чѣмъ къ женскому, но опредѣлить трудно въ какомъ состояніи духа она писана.

Прочтено было объявленіе г-жи Высотской, поданное ею въ полицію, гдѣ говорилось, что 3-го сентября мужъ ея пришелъ безъ нея къ ней въ квартиру и требовалъ у прислуги ключъ отъ сундука, но когда та сказала, что ключъ у нея, Высотской, то мужъ чѣмъ-то отомкнулъ сундукъ и вынулъ вещи, между которыми были: три нитки кораловъ, крестикъ изъ топаза, серьги золотыя съ бирюзой, золотая цѣпочка, двѣ брошки, одна была съ большимъ изумруднымъ камнемъ, другая съ мелкимъ яхонтомъ, три рубашки, одѣяло, матрацъ, но болѣе что было — припомнить не можетъ.

Затѣмъ приступлено было къ преніямъ сторонъ.

Товарищъ прокурора г. Товарковъ въ рѣчи своей высказалъ между прочимъ, что онъ желаетъ обратить вниманіе на три личности въ этомъ дѣлѣ: на Высотскаго, жену его и Щировскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснить, что̀ соединяло эти три личности. Затѣмъ коснулся того, почему же Высотскій пренебрегъ мнѣніемъ общества, женившись на содержанкѣ Щировскаго, а не предложилъ ей вступить въ бракъ 6 лѣтъ тому назадъ, когда въ первый разъ они встрѣтились, что̀ по мнѣнію его, обвинителя, остается тайной. Онъ указалъ затѣмъ присяжнымъ, что вѣроятной причиной этого было то, что Высотскій имѣлъ уже женщину и отъ нея двухъ дѣтей, о чемъ подсудимый на судѣ не пожелалъ даже дать отвѣта. Что по его, обвинителя, мнѣнію лучше было бы, конечно, жениться на этой женщинѣ, которую онъ не долженъ былъ оставлять и вѣроятно присяжные рѣшатъ, какъ долженъ бы былъ поступить Высотскій. Напомнилъ обвинитель гг. присяжнымъ тѣ грязныя сцены, которыя разыгрывались въ квартирѣ Щировскаго и тѣ циническіе разсказы о Высот-

Шкаф
Полка
№

ской, разсказанные друзьями Высотскаго и по его волѣ. Замѣтилъ, что также еслибы подсудимый любилъ свою жену, то постарался бы отклонить подобные разсказы, но онъ этого не сдѣлалъ. Обратившись къ жизни Высотскихъ, обвинитель напомнилъ, что Высотская высказывала свидѣтельницѣ Эсмонтовой, что она ненавидитъ Шировскаго и любитъ Высотскаго, а иначе какая же была ея цѣль выходить замужъ за человѣка, получающаго 10 р. въ мѣсяцъ жалованья, и если видно изъ послѣдующей ея жизни, что она была капризна, то это еще не составляетъ такого обстоятельства, чтобы ее стоило клеймить и кидать въ нее грязью— и изъ показаній свидѣтелей, что Высотская ѣздила съ какимъ-то офицеромъ несправедливо было бы составлять о ней опредѣленнаго понятія. Затѣмъ обвинитель указалъ на то, что Высотская до свадьбы имѣла лучшую обстановку, что̀ доказывается ее вещами; на то, что Высотскій вещи эти тайно у нея взялъ и перейдя къ факту убійства, подробно разсказалъ какъ приходъ Высотскаго къ женѣ наканунѣ убійства, такъ и самое совершеніе его. Обвинитель указалъ на то, что если и дѣлалось съ Высотскимъ послѣ убійства въ лавочкѣ дурно, то послѣ совершенія преступленія это, конечно, очень естественно, но что ни изъ чего не видно, чтобы подсудимый во время совершенія преступленія былъ въ ненормальномъ состояніи. Напротивъ, взятіе имъ револьвера, написанная имъ росписка и показанія врачей-экспертовъ доказываютъ, что онъ находился въ совершенно нормальномъ состояніи. Обвинитель указалъ на то, что Высотскій нанося побои сотскимъ, никогда не наносилъ ихъ своей женѣ, изъ чего можно заключить, что онъ въ извѣстныхъ случаяхъ умѣлъ сдерживаться и непреодолимаго влеченія къ извѣстнымъ дѣйствіямъ стало быть у него не было. Кромѣ того обвинитель указалъ на то, что истинно душевно-больные никогда не замѣчаютъ своей болѣзни и не только не вѣрятъ другимъ, но сердятся даже, если имъ говорятъ объ этомъ. Въ заключеніе онъ высказалъ надежду, что присяжные своимъ приговоромъ не позволятъ такъ самоуправно обращаться съ женами.

Защитникъ, кандидатъ правъ Шуфъ. Гг. судьи! Гг. присяжные засѣдатели! Несомнѣнно, что самая важная часть уголовнаго процесса, это — судебное слѣдствіе, ибо оно раскрываетъ намъ сущность дѣла, всѣ обстоятельства и условія, среди которыхъ совершилось преступное дѣяніе. Разсказъ Высотскаго, показанія свидѣтелей, мнѣнія экспертовъ — все это живо и наглядно рисуетъ намъ картину настоящаго, чисто романическаго по своему характеру, дѣла. Въ теченіе цѣлыхъ двухъ дней съ поразительнымъ вниманіемъ не только слѣдили вы, гг. присяжные, за ходомъ судебнаго слѣдствія, но и принимали въ немъ

дѣятельное участіе—вы предлагали рядъ серьезныхъ вопросовъ черезъ старшину своего почти всѣмъ свидѣтелямъ. Я съ своей стороны въ теченіе судебнаго слѣдствія тоже старался разспросами свидѣтелей и экспертовъ-врачей раскрыть передъ вами всѣ стороны этого дѣла. Въ настоящую минуту остается только сгруппировать данныя, добытыя судебнымъ слѣдствіемъ и освѣтить ихъ мыслію. Какая же главная мысль добыта и выяснена слѣдствіемъ? Я буду имѣть честь развивать и доказывать, что мысль эта заключается въ слѣдующемъ: подсудимый убилъ свою жену, но безъ намѣренія, безъ цѣли, а случайно; онъ имѣлъ намѣреніе убить самого себя вслѣдствіе того, что жена своимъ поведеніемъ оскорбила его пламенную любовь къ ней, оскорбила самое священное и дорогое для него чувство — чувство чести; поведеніе жены пагубно повліяло на его здоровье и способствовало тому, что душевная болѣзнь, которою страдалъ Высотскій и прежде, достигла высшей степени своего развитія, на которой душевная эта болѣзнь называется психіатрами *raptus melancholicus*. Въ припадкѣ-то этой болѣзни Высотскій и совершилъ убійство, слѣдовательно причиною преступнаго дѣянія была болѣзнь Высотскаго, а потому дѣяніе это и не можетъ быть вмѣнено ему въ преступленіе.

Г. товарищъ прокурора въ своей обвинительной рѣчи обѣщалъ познакомить васъ, гг. присяжные, съ личностью Высотскаго, но не сдержалъ слова и только ограничился тѣмъ, что слегка побранилъ Высотскаго. Поэтому и постараюсь исполнить то, что обѣщалъ вамъ г. товарищъ прокурора. Я буду кратокъ, впрочемъ не потому, чтобы біографія Высотскаго не представляла живаго интереса, но потому, чтобы никто не имѣлъ права упрекнуть меня въ голословности. Жизнь Высотскаго представляетъ намъ два главныхъ явленія: съ одной стороны— это развитіе его болѣзни, а съ другой — повѣсть о его страданіяхъ, ибо этотъ человѣкъ, прошедшій школу бѣдствій, испилъ до дна чашу страданій, прежде чѣмъ сѣлъ на скамью подсудимыхъ.

Высотскій, сынъ священника села Костырей, Рославльскаго уѣзда, Смоленской губерніи. Родился онъ ребенкомъ хилымъ, больнымъ, а потому сдѣлался предметомъ особыхъ заботъ и попеченій своей матери. Онъ былъ для матери не бременемъ, а предметомъ особыхъ заботъ и ласки. Отсюда развилось въ Высотскомъ чувство нравственной деликатности,—чувство столь рѣдко встрѣчаемое въ людяхъ и дѣлающее тѣхъ, кто имъ обладаетъ, столь симпатичными. Отсюда развилось въ немъ и уваженіе къ женщинѣ и безпредѣльная вѣра въ нее и потребность любви сильной и страстной. Въ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ случилось съ Высотскимъ несчастіе: однажды онъ упалъ съ лошади, уда-

Шкафъ
Полка
№

рился головою и ударъ этотъ не могъ не произвести гибельнаго вліянія на его душевное здоровье—отъ удара произошло сотрясеніе мозга. Въ актѣ медицинскаго осмотра отъ 11-го января 1871 года, который былъ прочитанъ здѣсь на судѣ, сказано: „на покровахъ головы видѣнъ рубецъ давняго происхожденія, образовавшійся вслѣдствіе потери кожи во всю ея толщу“ и т. д. Эксперты—врачи гг. Строгановъ и Севрюгъ, во время судебнаго слѣдствія, на мои вопросы отвѣчали, что этотъ случай могъ имѣть вредное вліяніе на здоровье подсудимаго. Между тѣмъ пришло время оставить родную семью,—Высотскій поступилъ въ школу. Онъ воспитывался сперва въ рославльскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ въ смоленской семинаріи. Тогдашняя школа гибельно подѣйствовала на здоровье этого мальчика. Школа того времени представляетъ намъ темное царство,—царство мрака, куда еще не проникалъ лучъ свѣта. Педагоги того времени дѣйствовали въ духѣ „Домостроя“, который говоритъ: не ослабляй, біяй младенца, но сокрушай ему ребра, и, поступивъ въ школу, Высотскій слышалъ въ ея стѣнахъ только вопли и стоны своихъ несчастныхъ товарищей. Безотрадное, угнетающее вліяніе имѣла эта школа на его характеръ, но и въ этомъ мірѣ скорби и печали онъ жилъ однако не безъ утѣшенія и радости. Когда однажды изъ семинаріи пріѣхалъ онъ лѣтомъ въ родное село, на вакацію, онъ встрѣтилъ здѣсь Антонину. На юнаго семинариста произвела эта дѣвушка сильное впечатлѣніе — она была въ это время молода и хороша собой. Юноша былъ ею очарованъ, она сдѣлалась предметомъ его любви,—первой любви, сильной и глубокой; она сдѣлалась предметомъ его мечты, его идеаломъ. Находясь еще въ юношескомъ возрастѣ, переживая этотъ періодъ мечтательности, идеализма, Высотскій любилъ Антонину идеальную, а не дѣйствительную. Съ этого времени началось ихъ знакомство. Между тѣмъ, по выходѣ изъ семинаріи, Высотскій поступилъ на службу въ губернское правленіе и вскорѣ сдѣлался помощникомъ становаго пристава г. Лебедева. Здѣсь, на судѣ г. Лебедевъ заявилъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ совмѣстной службы, онъ успѣлъ близко узнать Высотскаго и не можетъ не отдать полной справедливости его уму, трудолюбію и честности. Но въ то же самое время здоровье его становилось все хуже и хуже, по словамъ г. Лебедева. Всѣ свидѣтели (Лызловъ, Игнатьевъ, Доброродова и др.) утверждаютъ тоже самое. Экспертъ, врачъ Русановъ показалъ, что лѣчилъ Высотскаго около года и что Высотскій жаловался на сердцебіеніе и головокруженіе. Припомните разсказъ Русанова о томъ обморокѣ съ Высотскимъ, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, продолжавшагося съ полчаса, такъ что г. Русановъ опасался даже за жизнь Вы-

сотскаго. Высотскій страдалъ разстройствомъ всей нервной системы и чувствовалъ сильную боль подъ ложечкою; въ это же время нѣкоторые свидѣтели замѣчали, что Высотскій часто бывалъ грустенъ, что на него находила тоска, апатія, что онъ не спалъ иногда цѣлыя ночи, ходилъ по комнатѣ и плакалъ, тоскуя о чемъ-то неизвѣстномъ (показаніе свидѣтеля Лызлова). Что же это за болѣзнь? Врачъ Русановъ на мой вопросъ отвѣтилъ: „это душевная болѣзнь". Можно ли, спросилъ я, назвать эту болѣзнь, какъ называетъ подобную болѣзнь Крафтъ-Эббингъ, на основаніи вышеназванныхъ признаковъ изъ міра нравственнаго и физическаго, *психическою угнетенностію* (melancholia sine delirio)? Да, можно, отвѣтилъ экспертъ. Тоже подтвердили и другіе эксперты, гг. Строгановъ и Беккеръ. Итакъ, Высотскій въ этотъ періодъ своей жизни былъ уже душевно боленъ и болѣзнь эта можетъ быть названа *психическою угнетенностью*. Что же въ это время дѣлала Антонина Викентьевна? Она шла по пути порока и разврата. Она является здѣсь передъ нами подъ классическимъ названіемъ содержанки г. Щировскаго. Впрочемъ, я не стану представлять вамъ ея характеристики, слѣдуя старой латинской поговоркѣ: о мертвыхъ говорятъ или хорошо, или ничего. Но я прошу васъ припомнить показанія многихъ свидѣтелей объ Антонинѣ Викентьевнѣ и особенно обратить вниманіе на циническій разсказъ о ней г. Орлова, разсказы Добродовой, Покровскаго и др. и тогда образъ Антонины Викентьевны ясно предстанетъ передъ вашимъ воображеніемъ. Въ концѣ іюля 1868 года Высотскій женится на ней. Женится тайно отъ друзей и знакомыхъ своихъ,—женится, хотя и знаетъ объ ея поведеніи! Какъ же объяснить этотъ бракъ? По показанію свидѣтеля Орлова, Высотскій за нѣсколько дней до женитьбы говорилъ ему: „я люблю Антонину, вѣрю, что она пала вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, я вырву ее изъ этого омута и возведу ее, употребляя слова поэта, въ перлъ созданія". Такъ думалъ несчастный молодой человѣкъ, незнакомый еще съ практическою жизнью, такъ ошибался онъ и сдѣлался жертвою вѣры въ человѣческое достоинство. Онъ женился. Поступокъ этотъ былъ нелѣпый, но все таки искренній и честный. Антонина говорила ему, что она любитъ его искренно и страстно, что она исправится, что будетъ его достойна: она оплакивала свою горькую участь, говорила, что сдѣлалась жертвою обмана и т. п. И вѣрилъ безусловно ей этотъ влюбленный въ нее юноша! Да, это была роковая любовь! Антонину настоящую, дѣйствительную онъ не зналъ и сдѣлался жертвою обмана. Страшную картину семейной жизни Высотскихъ рисуютъ намъ показанія свидѣтелей-очевидцевъ.

Шкафъ
Полка
№

На основаніи этихъ показаній мы должны придти къ убѣжденію, что покойная Антонина Викентьевна не только продолжала свою любовную связь съ г. Щировскимъ, но грѣшила и съ другими. Припомните разсказы Чеплевскаго, Покровскаго и самого подсудимаго. Что же долженъ былъ чувствовать Высотскій? Изобразить его душевное состояніе, его страданіе, его отчаяніе — я не въ состояніи. Здѣсь нуженъ художникъ, который одинъ только способенъ изобразить нравственный міръ души этого страдальца. Высотскій созналъ, что его чести, его любви былъ нанесенъ жестокій ударъ, что онъ сдѣлался для однихъ предметомъ насмѣшки, для другихъ – предметомъ сожалѣнія. Но не любить жены онъ всетаки не могъ. Другой на мѣстѣ Высотскаго бросилъ бы эту женщину, но Высотскій сдѣлать этого былъ не въ силахъ, ибо онъ не такъ созданъ, не такимъ обладаетъ характеромъ. Между тѣмъ всѣ эти волненія и мученія трехъ-мѣсячной семейной жизни, все что онъ перестрадалъ и перечувствовалъ, за это время, разрушительно подѣйствовало на его и безъ того уже, какъ мы видѣли, разстроенное здоровье. Мы видѣли, что Высотскій былъ и прежде душевно боленъ, теперь же болѣзнь его достигла крайняго своего развитія, той степени, на которой Крафтъ-Эббингъ называетъ эту болѣзнь *raptus melancholicus*. Остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ и посмотримъ, что говорятъ объ этомъ свидѣтели и эксперты. Дня за 4 до преступленія видѣла Высотскаго Доброродова, когда онъ пріѣхалъ къ ней въ деревню по дѣламъ службы. Онъ такъ поразилъ ее, по ея словамъ, своимъ видомъ и поведеніемъ, что она подумала, что не сошелъ ли онъ съ ума, она до того была испугана, что позвала даже прислугу, быть на сторожѣ на всякій случай. Высотскій, молча, ходитъ по комнатамъ ея дома, мрачный, блѣдный; пріѣхалъ онъ за дѣломъ, но ничего не могъ ни дѣлать, ни писать. Когда она съ участіемъ обратилась къ нему, спрашивала, что съ нимъ такое, онъ отвѣчалъ ей, что думаетъ лишить себя жизни. Такимъ образомъ, въ этотъ періодъ развитія болѣзни явилась у него мысль о самоубійствѣ. Тоже самое подтвердили и другіе свидѣтели, которые въ одинъ голосъ показали, что въ эти три мѣсяца женитьбы Высотскаго узнать было нельзя. Прежде трудолюбивый, онъ сталъ тутъ апатиченъ, прежде общительный—теперь онъ ищетъ уединенія, нѣкогда веселый—теперь постоянно грустный и мрачный. Лызловъ показываетъ, что Высотскій сталъ часто проводить безъ сна цѣлыя ночи, часто плакалъ безъ причины, билъ посуду, напишетъ бумагу и изорветъ ее, сядетъ заниматься, затѣмъ броситъ дѣло и сидитъ задумчиво очень долго. Въ то же самое время физическій организмъ его становился все слабѣе и слабѣе, сердцебіеніе,

головокруженіе, разстройство нервовъ и боль подъ ложечкой усиливались и становились мучительными.

Обратимся теперь къ показаніямъ экспертовъ-врачей. Врачи-психіатры употребляютъ такой методъ для опредѣленія душевныхъ болѣзней. они изслѣдуютъ сначала физическій организмъ больнаго и наблюдаютъ его отклоненія отъ нормы, замѣчаютъ признаки болѣзни и вмѣстѣ съ тѣмъ они наблюдаютъ явленія нравственной его жизни. Сумма всѣхъ этихъ признаковъ болѣзни даетъ имъ основаніе придти къ извѣстному заключенію. Было спрошено пять экспертовъ и изъ нихъ г. Дашкевичъ заявилъ, что онъ не можетъ дать никакого заключенія, ибо по его мнѣнію для этого нужно въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени наблюдать больнаго, а онъ Высотскаго видитъ въ первый разъ только. Затѣмъ, г. Севрюгъ сознался публично, что онъ не психіатръ, что никогда не занимался этою отраслью медицины, а потому его мнѣніе о болѣзни Высотскаго не можетъ имѣть никакого значенія. Остальные три врача — гг. Русановъ, Строгановъ и Беккеръ положительно говорятъ, что Высотскій—душевно-больной. Изъ нихъ г. Русановъ согласился съ тѣмъ, что душевную болѣзнь Высотскаго можно назвать *психическою угнетенностью*; Строгановъ—что ее можно назвать *raptus melancholicus*, а ученый психіатръ г. Беккеръ объявилъ, что психіатрія отвергаетъ всякія названія душевныхъ болѣзней и просто-напросто сказалъ, что Высотскій душевно-больной, что по-этому при совершеніи преступленія онъ не имѣлъ „свободной самоизвольности". На основаніи этихъ мнѣній экспертовъ-врачей, я и полагаю, что болѣзнь Высотскаго фактъ вполнѣ доказанный, а потому, думаю, что нельзя вмѣнить ему въ преступленіе, совершенное имъ дѣяніе.

Затѣмъ я продолжаю свой разсказъ и перехожу къ самому убійству Антонины Викентьевны. Разсказъ этотъ покажетъ вамъ, что Высотскій дѣйствовалъ безъ намѣренія убить ее. Прошло три мѣсяца супружеской жизни Высотскихъ и эта жизнь сложилась такъ, что Высотскій принужденъ былъ бѣжать изъ своей собственной квартиры и переѣхать въ домъ г. Лебедева, своего начальника. Во время этого отъѣзда, онъ впопыхахъ взялъ вмѣстѣ съ своими вещами нѣкоторыя изъ вещей своей жены. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого переѣзда въ квартиру Лебедева является г-жа Высотская въ $10\frac{1}{2}$ часовъ вечера. Припомните здѣсь разсказъ объ этомъ г. Игнатьева, разсказъ исполненный юмора и справедливаго негодованія. Какъ разъяренная гіена, говорилъ г. Игнатьевъ, бросилась Высотская къ вещамъ и осыпала мужа укоризнами и бранью, какъ смѣлъ онъ захватить ея вещи. Высотскій отвѣчалъ на это: „бери все, что тебѣ

Шкафъ
Полка
№

надо." Антонина Викентьевна рылась въ узлахъ, брала все, что хотѣла безпрепятственно и такъ какъ было уже поздно, то наконецъ она удалилась домой. На другой день же подала объявленіе въ полицію, что будто бы ея мужъ самовольно взялъ ея вещи и просила ихъ истребовать отъ него черезъ полицію. Такой поступокъ жены не могъ глубоко не оскорбить Высотскаго, но мысль помириться съ женою, снова жить вмѣстѣ съ нею всетаки его не покидаетъ въ это время. Утромъ 9 ноября 1868 года онъ отсылаетъ часть вещей своей женѣ съ Лызловымъ и проситъ, чтобы за остальными она пришла сама. Это онъ дѣлаетъ для того, чтобы имѣть возможность еще разъ видѣться съ нею и переговорить въ послѣдній разъ. Что Высотскій возвратилъ своей женѣ всѣ вещи, доказано вполнѣ не только свидѣтельскими показаніями, но и вещами, которыя вы видите здѣсь, гг. присяжные, на столѣ вещественныхъ доказательствъ. Здѣсь лежатъ вещи, найденныя въ квартирѣ Высотской послѣ ея смерти и видите всѣ тѣ вещи, о которыхъ упоминаетъ она въ своемъ объявленіи въ полицію. Слѣдовательно, положительно доказано, что Высотскій возвратилъ своей женѣ всѣ вещи до единой. Между тѣмъ посланный Лызловъ возвращается и объявляетъ, что Антонина Викентьевна не придетъ за вещами. Все кончено! въ отчаяніи думалъ Высотскій. Послѣдняя надежда не сбылась! Настало время покончить съ собою! Голова его закружилась, въ глазахъ стало темно. Лызловъ показываетъ, что Высотскій какъ-то безсознательно положилъ въ портфель вещи своей жены и вышелъ изъ комнаты. На этажеркѣ Высотскій замѣтилъ револьверъ Лебедева и мысль убить себя въ присутствіи жены внезапно блеснула у него въ головѣ. Онъ хватаетъ револьверъ, быстро кладетъ его въ портфель и бѣжитъ на квартиру своей жены. Разстояніе между квартирою Лебедева въ домѣ Верховскаго и квартирою Высотской въ домѣ Грековой незначительно—нужно 7—8 минутъ, чтобы перейти этотъ путь. Высотскій бѣжитъ. Когда онъ явился къ женѣ, онъ испугалъ ее. Богданова показывала, что онъ пришелъ въ страшномъ волненіи, „съ дикимъ видомъ" и такъ испугалъ жену, что она послала Богданову звать постороннихъ людей, ибо Иванъ Ивановичъ, по ея словамъ, сошелъ съ ума. Затѣмъ Высотскій вручаетъ женѣ всѣ ея вещи, пишетъ росписку, что она ихъ получила и предлагаетъ ей подписать ее. Когда Высотская сѣла, чтобы подписаться, Высотскій вынимаетъ револьверъ, чтобы убить себя, но въ этотъ моментъ ему бросается въ глаза венгерка Шировскаго и вотъ онъ, не помня себя, стрѣляетъ въ жену. Высотская вскакиваетъ и бѣжитъ изъ комнаты. Въ это время Богданова слышитъ второй выстрѣлъ — вѣроятно Высотскій

стрѣлялъ по себѣ, но была осѣчка. Между тѣмъ Антонина падаетъ съ крикомъ: боже мой! Этотъ крикъ заставилъ Высотскаго очнуться,—крикъ жены приводитъ его въ сознаніе! Здѣсь напомню разсказъ г-жи Эсмонтовой, которая была свидѣтельницею трогательной сцены: Высотскій бросается къ тѣлу жены, осыпаетъ ее поцѣлуями и кричитъ: „Антонина! прости меня! скорѣе доктора!“ Затѣмъ вмѣстѣ съ Эсмонтовой онъ со слезами переноситъ тѣло жены на постель и бѣжитъ къ Лебедеву, гдѣ объявляетъ, что убилъ жену. Лебедевъ показалъ, что онъ испугался, увидѣвъ Высотскаго, потому что Высотскій былъ въ страшномъ волненіи и отчаяніи и неестественнымъ голосомъ кричалъ: я убилъ жену! Высотскій сейчасъ же былъ арестованъ и привезенъ въ домъ Грековой. Здѣсь видитъ его Орловъ и этотъ свидѣтель показываетъ, что Высотскому постоянно дѣлалось дурно, что онъ падалъ безъ чувствъ, что его „спасали водой!“ На допросѣ у слѣдователя Высотскій заявилъ, что онъ давать отвѣты не можетъ, ибо находится въ болѣзненномъ состояніи, что подтвердилось и освидѣтельствованіемъ Высотскаго врачемъ Тамаровымъ, какъ видно изъ свидѣтельскихъ показаній.

Какіе же выводы, гг. присяжные, можно сдѣлать изъ всего вышеозначеннаго? Высотскій убилъ свою жену безъ умысла, случайно. Причина этого—душевная болѣзнь его, слѣдовательно ему нельзя вмѣнить въ преступленіе этого дѣянія.

Вообще объ умыслѣ, объ обдуманномъ заранѣе намѣреніи здѣсь и рѣчи быть не можетъ. Даже г. товарищъ прокурора въ своей обвинительной рѣчи объ этомъ не сказалъ ни слова. Онъ даже заявилъ, что Высотскій не важный преступникъ. Весь вопросъ въ данномъ случаѣ заключается въ томъ: признать ли Высотскаго душевно-больнымъ или нѣтъ? Но этотъ вопросъ окончательно уже рѣшенъ экспертами—врачами, судьями вполнѣ компетентными въ этомъ дѣлѣ. Если они признали его душевно-больнымъ, если они пришли къ заключенію, что онъ не имѣлъ свободной самоизволѣности, то намъ ничего не остается болѣе, какъ считать его не виновнымъ въ томъ дѣяніи, которое онъ совершилъ. Не могу при этомъ не указать вамъ на знаменитую мысль, которую въ 1858 году на съѣздѣ естествоиспытателей высказалъ г. Роллеръ: ....есть помѣшанные, у которыхъ помѣшательство не такъ явно, у которыхъ его трудно распознать, хотя тѣмъ не менѣе оно у нихъ существуетъ и которыхъ однако подвергаютъ суду и наказанію.....“ По поводу наказанія такихъ преступниковъ Крафтъ-Эббингъ въ своемъ сочиненіи „Болѣзненныя настроенія души“ говоритъ слѣдующее:..... „но какъ не наказывается тотъ, кого другіе принудили къ преступному дѣйствію, такъ не можетъ быть рѣчи о наказаніи и тамъ,

Шкафъ
Полка
№

гдѣ мы видимъ самое неотразимое насиліе, какое только возможно—*насиліе внутреннее*, имѣющее органическую основу....“

Итакъ, гг. присяжные, принявъ во вниманіе всѣ обстоятельства этого дѣла и выводы науки, я убѣжденъ, что вы не осудите душевно-больнаго. Я не прошу у васъ снисхожденія подсудимому—оно въ этомъ дѣлѣ немыслимо, я убѣжденъ, что вы вынесете оправдательный приговоръ.

Защитникъ г. Кичеевъ. Послѣ такого подробнаго разъясненія бытовой стороны настоящаго дѣла, которое сейчасъ было сдѣлано моимъ сотоварищемъ по защитѣ, моя задача, гг. присяжные, становится чрезвычайно легкою и не сложной. Въ силу этого я не стану утомлять вашего вниманія и ограничусь только разсмотрѣніемъ результатовъ, добытыхъ судебнымъ слѣдствіемъ и значенія вашей задачи съ юридической точки зрѣнія.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что вамъ, быть можетъ болѣе, нежели кому-нибудь, понятно какія минуты придется переживать подсудимому въ тотъ моментъ, когда вы удалитесь въ свою совѣщательную комнату, съ предложенными вамъ вопросами о его виновности. Значеніе вашего отвѣта на этотъ роковой для подсудимаго вопросъ дѣйствительно и велико и страшно. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ вамъ отвѣтить на него „нѣтъ“ и тогда вы снова возвращаете ему все, что столько времени было у него отнято: счастіе, спокойствіе, жизнь. Отвѣтите вы „да“ и тогда онъ будетъ бѣднѣе послѣдняго бѣдняка, такъ какъ съ обвиненіемъ его, вы отнимете у него даже самое дорогое для каждаго человѣка благо—это право называться честнымъ человѣкомъ. Вы, отвѣчая на вопросъ о виновности подсудимаго, отвѣчаете не на одинъ только вопросъ о томъ совершено или нѣтъ подсудимымъ то дѣло, за которое онъ предсталъ предъ вашимъ судомъ. Не для разрѣшенія только этого вопроса призываютъ васъ сюда по волѣ законодателя. Нѣтъ, задавая вамъ вопросъ, васъ спрашиваютъ какъ о томъ—совершилось ли извѣстное преступленіе, было ли оно дѣяніемъ подсудимаго, но главное—должно ли оно быть вмѣнено ему въ вину, т.-е. другими словами: преступникъ ли предстоящій предъ вами человѣкъ или нѣтъ.

Преступленіемъ, по закону, точно также, какъ и на общечеловѣческомъ языкѣ, называютъ все то, что по понятіямъ справедливости, безнравственно, т.-е. все то, что невольно возмущаетъ нравственное чувство каждаго, кто видитъ или слышитъ содѣянное такого рода зло. Въ силу этого и преступникомъ можно назвать только того, кто завѣдомо для себя, совершаетъ такое дѣяніе, т.-е. кто, сознавая всю безнравственность подобнаго дѣянія, всетаки его совершаетъ. Это то вотъ *сознаніе*, эта то

завѣдомость и составляетъ собою *злой умыселъ*, самый существенный признакъ понятія о преступленіи. Гдѣ нѣтъ этого признака, гдѣ нѣтъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ сознанія безнравственности своего поступка, тамъ не можетъ быть и рѣчи о преступленіи, такъ какъ такого рода дѣяніе становится дѣяніемъ безнравственности.

Какъ въ разрѣшеніи гражданскаго процесса на истцѣ лежитъ обязанность прежде доказать свой искъ и затѣмъ уже требовать отъ суда его удовлетворенія, такъ равно и въ процессѣ уголовномъ на представителѣ обвиненія лежитъ обязанность доказать свое обвиненіе, т.-е. доказать вопервыхъ, что извѣстное закономъ предусмотрѣнное зло совершилось, вовторыхъ, что оно совершено тѣмъ кого онъ обвиняетъ и въ третьихъ то, что оно непремѣнно должно быть вмѣнено обвиняемому въ вину. Все это обвинитель необходимо обязанъ доказать и притомъ доказать юридически-достовѣрными доказательствами. Въ противномъ случаѣ, чтобы онъ ни говорилъ, въ чемъ бы васъ ни увѣрялъ не имѣетъ и не должно имѣть въ вашихъ глазахъ никакого значенія. Что же такое называется доказательствами юридически-достовѣрными? Этимъ именемъ называются такіе доводы, которые основаны на умозаключеніяхъ не только разумныхъ, т.-е. похожихъ на правду, но и на такихъ именно умозаключеніяхъ, которыя представляютъ собою единственно-возможный выводъ изъ всего того, что вы видѣли и слышали здѣсь на судѣ. Разъ только умозаключеніямъ обвинителя, хотя бы и разумнымъ, можно противопоставить другія столько же разумныя умозаключенія защиты, одинаково съ доводами обвинителя представляющія возможный выводъ изъ дѣла и тогда въ результатѣ получается сомнѣніе, а оно и въ силу самаго закона должно быть объяснено въ пользу подсудимаго. Самая клятва, которую вы принимали здѣсь передъ началомъ засѣданія, служитъ подтвержденіемъ моего вывода. Въ силу этой клятвы на просьбы обвинителя обвинить подсудимаго, вамъ необходимо отвѣчать ему такъ: мы обвинимъ его, только докажите намъ его виновность, въ противномъ случаѣ, мы должны будемъ его оправдать, такъ какъ цѣною нашей совѣсти, передъ лицомъ всѣхъ этихъ людей, которые будутъ свидѣтелями нашего приговора, именемъ Бога мы поклялись не осуждать невиннаго.

Посмотримъ, что же добыто судебнымъ слѣдствіемъ, которое два дня происходило здѣсь передъ вами? Подсудимый убилъ свою жену—это фактъ, противъ котораго здѣсь никто не споритъ. Затѣмъ, всѣ свидѣтели въ одинъ голосъ показали, что подсудимый страдалъ еще до женитьбы и послѣ нея сердцебіеніемъ, что съ нимъ даже дѣлались обмороки, что послѣ женитьбы бо-

Шкафъ
Полка
№

лѣзнь его усилилась, что послѣ совершенія имъ убійства видъ его былъ „дикій.“ На основаніи всѣхъ этихъ свидѣтельскихъ показаній врачи-эксперты пришли къ единственному убѣжденію, что преступленіе совершено подсудимымъ въ припадкѣ душевнаго разстройства, которое здѣсь назвали они *психическою угнетенностію.* Я говорю *къ единогласному убѣжденію* въ силу слѣдующихъ соображеній. Врачъ Русановъ сказалъ, что подсудимый по его мнѣнію, въ моментъ преступленія былъ боленъ тѣмъ, что называется психическою угнетенностью. Врачъ Строгановъ сказалъ въ сущности тоже самое. Врачъ Беккеръ, Ординаторъ Московскаго дома умалишенныхъ, человѣкъ спеціально занимающійся леченіемъ болѣзней такого рода, положительно сказалъ, что подсудимый совершилъ убійство подъ вліяніемъ той же психической угнетенности и что внѣ всякаго сомнѣнія, какъ въ этотъ моментъ, такъ и прежде еще этого, онъ боленъ именно тѣмъ, что на языкѣ юристовъ называется безуміемъ, сумасшествіемъ или припадками болѣзни доводящей до безпамятства. Инспекторъ мѣстной врачебной управы г. Дашкевичъ, какъ вы изволили слышать, гг. присяжные, говорилъ здѣсь очень долго, сказалъ обо всемъ очень многое, но въ сущности и въ концѣ концевъ какъ-то такъ легко съумѣлъ говорить, что ровно ничего не сказалъ. Помощникъ Инспектора мѣстной врачебной управы г. Севрюгъ сказалъ, что по его мнѣнію подсудимый здоровъ. Но затѣмъ на предложенный ему мною вопросъ: чтобы имѣть понятіе о душевныхъ болѣзняхъ, нужно ли быть психіатромъ? —отвѣчалъ: непремѣнно нужно. На вопросъ же мой: психіатръ ли онъ?—отвѣчалъ: нѣтъ. Предлагаю вамъ самимъ судить о достоинствѣ такого рода мнѣнія.

Вотъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ защита и утверждаетъ, что подсудимый совершилъ преступленіе въ припадкѣ умопомраченія. Данныя эти всѣ безъ исключенія добыты изъ того, что вы видѣли и слышали здѣсь на судѣ. Какія же данныя представлены обвинителемъ? По моему крайнему разумѣнію—ровно никакихъ. Вся рѣчь обвинителя заключалась, какъ вы, вѣроятно, помните, въ томъ, что онъ обѣщалъ воспроизвести передъ вами зачѣмъ-то три личности: подсудимаго, его жены и Щировскаго. Вмѣсто этого онъ отнесся только непріязненно къ Высотскому, расхвалилъ чуть не до небесъ его жену и затѣмъ ровно ничего не сказалъ о Щировскомъ. Послѣ этого сталъ было г. товарищъ прокурора разбирать экспертизы и ограничился вмѣсто разбора самымъ безпощаднымъ искаженіемъ ихъ. Эксперты, напримѣръ, показали, что подсудимый былъ боленъ въ моментъ совершенія имъ преступленія, а г. товарищъ прокурора увѣряетъ васъ, что они сказали, что онъ былъ здоровъ.

Можно даже подумать, что онъ просто какое-то друго дѣло слушалъ. Въ концѣ же концовъ г. товарищъ прокурора въ доказательство того, что подсудимый „не могъ быть сумасшедшимъ“ привелъ слѣдующіе доводы, которые я не могу оставить безъ вниманія, такъ какъ по нимъ однимъ можно уже судить объ основательности его доводовъ. Вопервыхъ, онъ сказалъ, что извѣстно, что когда сумасшедшій совершаетъ убійство, то онъ непремѣнно убиваетъ и самого себя. Откуда это ему извѣстно— г. товарищъ прокурора скрылъ и отъ васъ и отъ защиты. Если-бы дѣйствительно было такъ, то я смѣю думать, что не было бы тогда и больницъ для умалишенныхъ, а помѣщали бы ихъ на тѣ кладбища, гдѣ хоронятся самоубійцы. Вовторыхъ, г. товарищъ прокурора сказалъ: извѣстно, что никогда ни одинъ больной самъ не заявляетъ о томъ, что онъ боленъ и что для этого существуютъ *частныя общества.* Фраза эта записана мною цѣликомъ, во всей ея неприкосновенности. Но вопервыхъ, вы слышали, гг., что врачъ Беккеръ сказалъ, что онъ самъ знаетъ тьму случаевъ, когда больные приходили въ домъ умалишенныхъ и сами заявляли, что чувствуютъ, что они заболѣли. Вовторыхъ, я не знаю, гдѣ видѣлъ г. товарищъ прокурора такого рода общества, которыя бы занимались заявленіемъ о всѣхъ тѣхъ, кто сошелъ съ ума и отправленіемъ ихъ въ дома умалишенныхъ. Я проѣхалъ много городовъ Россійской Имперіи, но нигдѣ такихъ обществъ не встрѣчалъ и смѣю думать, что существованіе ихъ гдѣ—либо принадлежитъ лишь къ области фантазій г. товарища прокурора. Наконецъ, г. товарищъ прокурора заявилъ вамъ, что вы призваны сюда доказать передъ лицемъ всѣхъ, что нельзя убивать женъ, „да еще такихъ молодыхъ,“ какъ покойная Антонина Викентьевна. На этотъ доводъ обвинителя только и можно отвѣчать вопросомъ: ну, а старыхъ можно?

Полагаю, гг. присяжные засѣдатели, что всего сказаннаго мною достаточно, чтобы ожидать для подсудимаго приговора оправдательнаго, такъ какъ такой только приговоръ въ данномъ случаѣ и можетъ быть приговоромъ справедливымъ, приговоромъ людей, призванныхъ судить по совѣсти! Вы слышали показанія свидѣтелей, вы помните прочитанные вамъ акты осмотровъ о состояніи физическаго здоровья подсудимаго, вы слышали наконецъ мнѣнія врачей, давшихъ здѣсь заключеніе и я ни на минуту не сомнѣваюсь, что вы согласитесь съ ихъ мнѣніемъ, какъ съ мнѣніемъ людей, въ этомъ случаѣ единственно компетентныхъ, согласитесь съ тѣмъ, что подсудимый въ моментъ совершенія имъ преступленія былъ не преступникъ, а несчастный, больной человѣкъ и потому не рѣшитесь его обвинить,

Шкафъ
Полка
№

такъ какъ нельзя обвинять больнаго за то, что онъ смѣлъ заболѣть.

Послѣ преній для разрѣшенія гг. присяжныхъ постановлены были слѣдующіе вопросы:

I. Было ли 9 ноября 1866 года канцелярскимъ служителемъ Иваномъ Ивановымъ Высотскимъ совершено убійство своей жены Антонины Викентьевой посредствомъ выстрѣла изъ револьвера?

II. Если означенное убійство совершено Высотскимъ, то не исполнилъ ли онъ его такимъ образомъ, что, задумавъ совершить это преступленіе, утромъ 9 ноября 1869 года взялъ изъ квартиры Становаго Пристава г. Лебедева заряженный револьверъ, съ нимъ отправился въ квартиру жены своей Антонины Викентьевой съ цѣлію убить ее, гдѣ и исполнилъ свое намѣреніе, сдѣланнымъ по женѣ выстрѣломъ?

III. Если Высотскій убилъ свою жену, то не сдѣлалъ ли онъ это вслѣдствіе раздраженія, но одинаково не случайно, а зная, что посягаетъ на жизнь своей жены?

IV. Если Высотскій убилъ свою жену, то не находился ли онъ во время совершенія убійства въ припадкѣ болѣзни, доведшей его до умопзступленія или совершеннаго безпамятства?

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія присяжные вынесли свой вердиктъ, которымъ на первый вопросъ отвѣчали: *нѣтъ*, остальные были оставлены безъ отвѣтовъ. (Въ публикѣ раздались громкія рукоплесканія, Предсѣдатель предложилъ Судебному Приставу удалить публику изъ залы, но она всетаки осталась).

Въ силу рѣшенія Присяжныхъ Засѣдателей судъ оправдалъ подсудимаго.

Послѣ прочтенія постановленія суда снова раздались рукоплесканія.

С. Лазаревъ.

II.

Дѣло о крестьянинѣ Семенѣ Гульянѣ, сужденномъ за разорваніе своей долговой росписки.

Засѣданіе Тульскаго Окружнаго Суда отъ 7-го мая 1871 г. подъ предсѣдательствомъ Члена Суда И. А. Тѣспинскаго; въ составѣ Членовъ: П. Н. Шепелева и В. Д. Луткова. Обвинялъ Товарищъ Прокурора: В. А. Соколовъ; защищали подсудимаго совмѣстно: А. Д. Любавскій и П. П. Зуровъ.

Дѣло это возбудило любопытство публики: подсудимый высокаго роста, съ необыкновенно умнымъ, добрымъ и красивымъ лицомъ; одѣтъ прилично. Держитъ себя съ достоинствомъ и повидимому внимательно слѣдитъ за допросомъ свидѣтелей.

Обвинительный актъ состоялъ въ слѣдующемъ: „Епифанскій 2-й гильдіи купеческій сынъ Алексѣй Савельевъ заявилъ, 7-го апрѣля 1869 г., что крестьянинъ села Каркодинова Семенъ Терентьевъ Гульинъ, состоявшій ему должнымъ по простой роспискѣ 70 р. с. вырвалъ у него изъ рукъ эту росписку и разорвалъ ее, не заплативъ по ней должныхъ ему денегъ.

„Гульинъ, сознаваясь въ разорваніи росписки, объяснилъ, что росписка та безденежная, и выдана была Савельеву за ходатайство объ уничтоженіи составленнаго волостнымъ старшиной акта о безпатентной торговлѣ виномъ въ домѣ Гульина и что самъ Савельевъ состоитъ ему должнымъ 147 р. с. по двумъ роспискамъ, которыя впрочемъ были имъ, Савельевымъ, у него обманнымъ образомъ взяты и разорваны; поэтому, продолжаетъ Гульинъ, ему жаль было платить Савельеву деньги, и онъ вознамѣрился уничтожить росписку, вырвавъ оную у сего послѣдняго.

„Сознаніе въ разорваніи росписки находитъ себѣ подтвержденіе въ показаніи свидѣтеля крестьянина Кузьмы Астафьева Воронцова.

„Изложенныя обстоятельства найдены Московскою Судебною Палатою достаточными къ преслѣдованію крестьянина Гульина по обвиненію его въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1657 ст. Улож. о наказ. почему упомянутый Гульинъ преданъ суду Тульскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

На вопросъ Предсѣдателя: „признаетъ ли онъ себя виновнымъ“, Гульинъ отвѣчалъ: росписку я разорвалъ, но себя преступнымъ и виновнымъ я не могу признать. Вѣдь росписку эту съ меня Савельевъ взялъ обманомъ: подослали ко мнѣ въ гости двухъ мужиковъ, которымъ я поставилъ вина; пришли со старшиной и писаремъ и составили актъ, что я безъ патентовъ торгую виномъ; потомъ меня стали стращать уголовнымъ судомъ, и предложили разорвать актъ осмотра, если я выдамъ Савельеву на себя долговой документъ (между присяжными движеніе). Такъ я и выдалъ росписку въ 70 р. сер. и сверхъ того возвратилъ Савельеву обязательства его брата по долгу мнѣ 147 руб. сер. Росписку въ 70 р. с. я выдалъ за то, чтобы уничтожить актъ. По этой роспискѣ я уплатилъ Савельеву 20 р. с. Но когда онъ сталъ прижимать меня и требовать, безъ отсрочки, платежа остальныхъ 50 руб. сер., мнѣ стало обидно отдавать остальные 50 р. сер.; мнѣ всѣ сосѣди говорили: какъ ты согласился выдать на себя росписку, такъ всѣ грабители дѣлаютъ, какъ Савельевъ. Я рѣшился разорвать росписку и разорвалъ, ужь очень было обидно.

Затѣмъ было приступлено къ допросу свидѣтелей.

Шкафъ
Полка
№

„*Иванъ Савельевъ* (Братъ лица потерпѣвшаго). Въ прежнее время я часто бралъ деньги у Гульина, бывалъ долженъ рублей за 60, за 70. Я выдавалъ ему и росписки, но на какія суммы,—не помню. Я содержалъ питейное заведеніе въ селѣ Каркодиновѣ; это дѣйствительно я донесъ волостному старшинѣ, что Гульинъ безпатентно торгуетъ виномъ. При обыскѣ у Гульина меня не было. Гульинъ человѣкъ достаточный: онъ арендуетъ у князя Вяземскаго до 200 десятинъ земли. Гульинъ всегда разсчитывался со мной честно. Послѣ обыска у Гульина, всѣ лица, производившія обыскъ, зашли-ко мнѣ въ питейное заведеніе и братъ мой ихъ угощалъ. Былъ ли въ это время въ питейномъ заведеніи Гульинъ,—я не помню.

Гульинъ (возражая). Когда я пришелъ въ питейное заведеніе, Иванъ Савельевъ тамъ былъ, и при немъ братъ его началъ разговоръ о томъ, чтобы склонить меня къ миру.

Алексѣй Савельевъ. Гульинъ разорвалъ росписку на 70 р. с. при мнѣ. По этой роспискѣ я получилъ отъ него прежде 20 р. сер. Эту росписку онъ мнѣ выдалъ послѣ того, какъ я ему далъ взаймы 70 р. с. денегъ. Эти деньги я ему уплатилъ (останавливается) въ домѣ крестьянина Астафьева.... Росписку онъ разорвалъ въ сѣняхъ, куда мы вышли для переговоровъ; тогда я закричалъ „караулъ“, и ухватилъ одинъ клочокъ разорванной росписки. Обыскъ у Гульина о продажѣ вина сдѣланъ былъ по донесенію Ивана Савельева, моего брата. Я былъ при обыскѣ, и видѣлъ происходившее; у Гульина сидѣли въ гостяхъ два мужика; на столѣ передъ ними стояли: бутылка съ виномъ, двѣ рюмки, чай, самоваръ. Составленъ былъ актъ, писанный писаремъ. Потомъ мы пошли всѣ въ кабакъ моего брата, Ивана. Послѣ того, я написалъ записку (письмо) старшинѣ, въ которой я говорилъ, „что я ни во что не вхожу“, „что не моя надобность продолжать дѣло о торговлѣ виномъ Гульина....“ Помню, что при обыскѣ въ домѣ Гульина, вина у него не найдено. Это по нашему наученію были посланы два мужика къ Гульину, чтобы поймать его въ продажѣ вина (въ публикѣ сильное движеніе, и отчасти говоръ). Я знаю только то, что я просилъ старшину прекратить дѣло о винѣ, но за это я не взялъ съ Гульина ничего. (Отвѣчая на вопросъ старшины присяжныхъ): росписка въ 70 рубляхъ была писана мною и только подписана Гульинымъ.

Гульинъ (возражая). 70 р. с. денегъ у Алексѣя Савельева я не занималъ и ихъ отъ него не получалъ. Эту росписку отъ меня выманили за окончаніе дѣла миромъ и разорваніе акта о продажѣ вина...

Кузьма Астафьевъ. Въ моей избѣ находились Александръ Са-

вельевъ и Гульинъ. Они ушли въ сѣни. Вдругъ я слышу крикъ Алексѣя Савельева: „Астафьевъ! грабятъ“. Я вхожу и вижу, что Савельевъ собираетъ лоскутки разорванной росписки. Я не думаю, чтобы Гульинъ занималъ деньги у Савельева, онъ гораздо богаче послѣдняго. Гульинъ у насъ „церковный староста:“ онъ человѣкъ честный, онъ арендуетъ 250 десятинъ земли и раздаетъ оную по участкамъ мужикамъ, не требуя отъ послѣднихъ впередъ денегъ.

Товарищъ прокурора проситъ предъявить присяжнымъ засѣдателямъ разорванную росписку. Судъ исполняетъ это требованіе.

Гульинъ, по предъявленіи ему разорванной росписки, объясняетъ, что это его росписка, но денегъ онъ по ней никогда не получалъ.

Волостной старшина *Сажовъ*. Иванъ Савельевъ позвалъ меня дѣлать обыскъ у Гульина, который по его словамъ, торговалъ безъ патента. Я взялъ съ собою писаря. Мы у Гульина въ домѣ застали двухъ мужиковъ; на столѣ передъ ними стояли: самоваръ, чашки, чай, отъ 6—7 крендельковъ, бутылка вина и 2 рюмки. Въ домѣ мы вина не нашли, а отыскали бочку дегтю. Объ обыскѣ писарь *карандашемъ* написалъ актъ. Потомъ мы пошли въ кабакъ къ Ивану Савельеву пить чай и наливку. Отвѣчая на вопросы А. Д. Любавскаго: Гульинъ тутъ показывалъ намъ двѣ долговыя росписки, но какія это росписки, я по своему неграмотству не знаю. Потомъ мнѣ Савельевъ написалъ записку, что они помирились съ Гульинымъ.... тогда я разорвалъ актъ осмотра (въ публикѣ и между присяжными ропотъ). Я неграмотный. Для обыска я не бралъ съ собой добросовѣстныхъ.

Крестьянинъ Панкратъ Алексѣевъ. При мнѣ въ 1869 г. на второй недѣлѣ поста Иванъ Савельевъ просилъ взаймы 100 р. с. у Гульина. Послѣдній сказалъ ему: вѣдь ты мнѣ долженъ еще 47 р. с. Объ обыскѣ насчетъ вина у Гульина я знаю: всѣ въ деревнѣ дивились, что онъ сдѣлался жертвою такого обмана. Чтобы замять это дѣло, Гульина заставили дать росписку въ 70 р. Савельеву и разорвать свои росписки Савельевыхъ. Это знаетъ наша вся деревня. Гульинъ теперь уже 9-й годъ у насъ староста церковный; онъ человѣкъ хорошій.

Волостной писарь Салововъ (старикъ). Меня пригласили сдѣлать обыскъ у Гульина; вина въ домѣ и ничего незаконнаго мы не нашли. Я *карандашемъ* написалъ актъ осмотра. Потомъ мы пошли въ питейное заведеніе къ Ивану Савельеву. Тутъ Гульинъ, придя къ намъ, показывалъ двѣ долговыя росписки; я не помню, кѣмъ были подписаны эти росписки; черезъ нѣсколько дней Алексѣй Савельевъ написалъ старшинѣ письмо, въ ко-

Шкафъ
Полка
№

торомъ говорилъ, что помирился съ Гульинымъ, мы разорвали актъ осмотра.... Я слышалъ стороной, что за окончаніе дѣла миромъ Савельевъ получилъ отъ Гульина росписку.

Защитникъ А. Д. Любавскій: я усматриваю разнорѣчіе въ показаніи свидѣтеля Саловова. Судебному слѣдователю онъ объяснилъ, что *самъ* Алексѣй Савельевъ говорилъ ему, что за окончаніе дѣла миромъ онъ Савельевъ получилъ отъ Гульина росписку въ 70 р. Теперь же Салововъ говоритъ что слышалъ объ этомъ стороной, и не знаетъ цифры росписки. Я прошу прочесть прежнее показаніе Саловова.

Судъ постановилъ: прочесть прежнее показаніе свидѣтеля Саловова.

Показаніе это читается на судѣ, и состоитъ въ слѣдующемъ: я, Салововъ, самъ слышалъ отъ Алексѣя Савельева, что ему Гульинъ подписалъ росписку въ 70 р. с. за прекращеніе дѣла о незаконной продажѣ вина. За это я тогда же назвалъ Гульина дуракомъ (движеніе между присяжными).

Изъ справки о судимости оказалось, что Гульинъ прежде подъ судомъ не состоялъ.

Товарищъ Прокурора (В. А. Соколовъ) произнесъ слѣдующую обвинительную рѣчь: мм. гг., крестьянинъ Семенъ Гульинъ обвиняется въ изорваніи долговой росписки, выданной имъ Алексѣю Савельеву на 70 руб. сер. Для того, чтобы въ этомъ дѣяніи заключались признаки преступленія (ст. 1657 Улож. о наказ.), необходимо: 1) чтобы документъ былъ изорванъ, поврежденъ и 2) чтобы при этомъ лицо, уничтожающее документъ, руководствовалось корыстною цѣлью, желаніемъ доставить себѣ противозаконную выгоду. Разсматривая съ этой точки зрѣнія настоящее дѣло, оказывается, что Гульинъ долженъ быть обвиненъ ибо: 1) росписка на 70 руб. сер., выданная имъ Савельеву, и по которой онъ уже уплатилъ 20 руб. сер. была разорвана Гульинымъ, послѣдній въ этомъ сознался и вы на судѣ, мм. гг., видѣли клочки этой росписки; 2) разрывая эту росписку Гульинъ имѣлъ въ виду достиженіе своей выгоды: онъ этимъ освобождался отъ обязанности уплатить остальные должные имъ 50 р., слѣдовательно тутъ заключалось желаніе доставить себѣ противозаконную выгоду.—Затѣмъ, товарищъ прокурора пространно разъяснилъ, что всѣ оправданія Гульина не имѣютъ основанія и не уничтожаютъ содѣяннаго имъ проступка: не доказано, чтобы Алексѣй Савельевъ дѣйствительно разорвалъ двѣ росписки на 147 р. с., по которымъ будто бы братъ его Иванъ Савельевъ былъ долженъ Гульину; да и это обстоятельство не имѣетъ существеннаго значенія для дѣла. Показаніе свидѣтелей о разорваніи волостнымъ старшиной и писаремъ акта осмотра

объ обыскѣ въ домѣ Гульина можетъ служить основаніемъ лишь къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія противъ старшины и писаря и Савельева; еслибы даже росписка въ 70 руб. сер. и была безденежна, Гульинъ не имѣлъ права разрывать ее, а долженъ былъ дѣйствовать въ порядкѣ, указанномъ законами: онъ долженъ былъ просить судъ гражданскій о признаніи росписки безденежною. Такимъ образомъ, по мнѣнію товарища прокурора, при доказанности факта преступленія Гульина, послѣдній долженъ быть обвиненъ.

Защитникъ (А. Д. Любавскій) возразилъ: гг. присяжные засѣдатели! Настоящее дѣло принадлежитъ къ числу тѣхъ, разсмотрѣніе которыхъ можетъ быть предоставлено только вамъ, какъ представителямъ общественнаго мнѣнія. Одно лишь *формальное* разсмотрѣніе дѣянія Гульина, по тѣмъ правиламъ, которыми руководствовались наши прежніе суды, было бы осужденіемъ невиннаго! Наше правительство, желая искоренить недостатки прежняго судопроизводства, (именно лишеніе судей всякой самостоятельности, систему формальныхъ доказательствъ, устраненіе въ судьяхъ элемента личнаго убѣжденія), ввело въ Россіи учрежденіе присяжныхъ засѣдателей. Ваше назначеніе, мм. гг. (въ составѣ новыхъ судебныхъ учрежденій), и состоитъ именно въ томъ, чтобы формальному разсмотрѣнію дѣла судомъ, *предшествовалъ* всѣмъ безбоязненный безъапелляціонный приговоръ, основанный исключительно на внутреннемъ убѣжденіи, на томъ понятіи о справедливомъ и несправедливомъ, которое находится въ душѣ каждаго изъ насъ, и вслѣдствіе котораго вы никогда не пожертвуете судьбою вашего ближняго узкимъ юридическимъ соображеніямъ: вы прежде разсмотрите вопросъ: дѣйствительно ли *виновенъ* вашъ ближній, дѣйствительно ли нужно подвергнуть его наказанію? Подсудимый Гульинъ учинилъ сознаніе, что онъ разорвалъ долговую росписку въ 70 р. с., по которой уже уплатилъ 20 р. с. Но онъ прибавилъ, что эта росписка получена была отъ него черезъ вымогательство, почти въ видѣ лихоимства, при содѣйствіи должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, при самомъ явномъ нарушеніи законовъ, такъ какъ актъ осмотра по уголовному дѣлу былъ разорванъ за извѣстную денежную сумму, которую Гульинъ обязался уплатить Савельеву. Итакъ, въ этомъ дѣлѣ мы должны остановиться на томъ: есть ли Гульинъ человѣкъ преступный, или же напротивъ того, *пострадавшій* отъ преступленія другихъ лицъ? Гульинъ несомнѣнно есть жертва преступленія другихъ лицъ, и самъ г. товарищъ прокурора говоритъ, что можетъ возникнуть вопросъ о преданіи этихъ лицъ уголовному суду. По этому дѣлу—ясно какъ день, какъ свѣтъ, какъ истина — на судебномъ слѣдствіи разъ-

Шкафъ
Полка
№

ясилось, что Гульинъ никогда не получалъ по росписке 70 руб. с. отъ Савельева, что росписка эта была имъ выдана при вымогательствѣ другихъ лицъ, составившихъ для достиженія сей цѣли какъ бы незаконное сообщество. Писарь Салововъ судебному слѣдователю и вамъ, мм. гг., заявилъ, что самъ Алексѣй Савельевъ говорилъ ему, что росписка въ 70 р. с. получена имъ, Савельевымъ, отъ Гульина за окончаніе миромъ дѣла о продажѣ вина. Итакъ, мы имѣемъ въ семъ сознаніе обвинителя. Крестьянинъ Алексѣевъ объяснилъ вамъ, что вся деревня жалѣла Гульина, который выдалъ росписку въ 70 руб. сер. безденежно, и сдѣлался жертвою обмана. Писарь Салововъ даже назвалъ „дуракомъ“ Гульина за то, что онъ выдалъ росписку Савельеву. Обстоятельства, *предшествовавшія* выдачѣ Гульинымъ долговой росписки, могутъ возбудить негодованіе всякаго честнаго человѣка: Иванъ Савельевъ занимаетъ деньги у Гульина и дѣлаетъ на него доносъ, что онъ безпатентно торгуетъ виномъ. Какъ проговорился передъ вами Алексѣй Савельевъ, онъ самъ подослалъ къ Гульину двухъ мужиковъ, которые бы подъ видомъ гостей, содѣйствовали уличенію его! Но это коварство, эта хитрость,—удались не вполнѣ. По пятамъ подосланныхъ гостей, (ругающихся надъ добродѣтелью нашего народа — гостепріимствомъ), врываются въ домъ Гульина: старшина, писарь и Алексѣй Савельевъ. На столѣ у Гульина стояли: самоваръ, чай, крендели, бутылка вина. Очевидно, что тутъ не могло возникнуть и тѣни обвиненія въ продажѣ вина, ибо кто можетъ быть лишенъ права угостить виномъ и чаемъ своихъ гостей; въ домѣ Гульина вина не найдено, даже подосланные мужики — и тѣ ничего преступнаго не могли найти, тѣмъ не менѣе старшина и писарь составляютъ незаконный актъ, они угрожаютъ Гульину уголовнымъ судомъ, громаднымъ штрафомъ и вымогаютъ у него этимъ выдачу росписки, которую Гульинъ и разорвалъ, обуреваемый чувствомъ негодованія, столь свойственнымъ всякому человѣку,—сдѣлавшемуся жертвою обмана, подвергнутому незаконнымъ преслѣдованіямъ.

И какой примѣръ могъ по этому дѣлу почерпнуть Гульинъ изъ дѣйствій законныхъ властей?—Эти власти дѣлаютъ у него незаконный обыскъ, безъ понятыхъ составляютъ неправильный актъ, незаконно разрываютъ этотъ актъ... Эти лица даже не были преданы уголовному преслѣдованію.

Гульинъ не мошенникъ, онъ богатый землевладѣлецъ и имѣетъ въ арендѣ 250 десят. земли, онъ уже 9 лѣтъ состоитъ въ своемъ селѣ церковнымъ старостою, онъ никогда не былъ подъ судомъ, его односельцы, уже произнесли надъ этимъ дѣломъ свой приговоръ: „они жалѣли Гульина, который сдѣлался жертвою обма-

на.“ Вы оправдаете Гульина, мм. гг., и этимъ докажете, что вы признаете его не развращеннымъ и преступнымъ злодѣемъ, а человѣкомъ, пострадавшимъ отъ неправды другихъ лицъ.

Защитникъ П. П. Зуровъ произнесъ: гг. присяжные засѣдатели! Обстоятельства этого дѣла, сокрытыя причины дѣйствій Гульина, неправды и обманы лицъ, дѣлавшихъ у Гульина обыскъ, настолько разъяснились, что безъ сомнѣнія истина вполнѣ раскрылась передъ вами, а истина состоитъ въ томъ, что невозможно обвинить Гульина, не обвинивъ невиннаго! Гульинъ невиноватъ въ томъ, что относительно его нарушили законы, сдѣлавъ у него незаконный актъ, подослали къ нему коварныхъ гостей, запугали его (честнаго и малограмотнаго крестьянина) уголовнымъ судомъ, лихоимственно получили отъ него росписку въ 70 руб. серебр. и незаконно разорвали составленный актъ. Всѣ эти предшествовавшія неправды совершенно извиняютъ и разъясняютъ поступокъ Гульина. Я вполнѣ согласенъ съ моимъ товарищемъ по защитѣ, что можетъ быть на скамьѣ подсудимыхъ слѣдовало бы сидѣть не Гульину, а тѣмъ лицамъ, которыя были нравственные и умственные виновники его дѣянія, которыя составили противъ него нѣчто въ родѣ заговора—съ цѣлью подъ прикрытіемъ закона, поживиться отъ Гульина. Но я не прокуроръ, мм. гг.; обвиненіе другихъ лицъ не составляетъ моей обязанности, не можетъ быть для меня пріятно, я оставляю этотъ предметъ въ сторонѣ.

Я приведу вамъ одинъ доводъ, который говоритъ въ пользу оправданія Гульина: такъ какъ на судѣ доказано, что Гульинъ не получалъ въ дѣйствительности никакихъ денегъ по росписке отъ Савельева, то черезъ разорваніе росписки онъ не присвоивалъ себѣ *чужихъ* денегъ; росписка, основанная на лихоимственныхъ изворотахъ (ст. 1529 т. X, ч. I), какъ недѣйствительная и преступная по существу своему, въ силу закона въ глазахъ его не могла имѣть никакихъ юридическихъ послѣдствій. Итакъ, и по чувству правды, и по чувству совѣсти, и во вниманіе къ тому, что Гульинъ своими односельцами признается человѣкомъ достойнымъ и честнымъ и уже 9-й годъ церковный староста,—я прошу васъ произнесть оправдывающій приговоръ.

Послѣ того стороны, (въ особенности товарищъ прокурора и П. П. Зуровъ) еще разъ обмѣнялись возраженіями.

На предложенный гг. присяжнымъ засѣдателямъ для разрѣшенія вопросъ: „виновенъ ли крестьянинъ Семенъ Терентьевъ Гульинъ въ томъ, что разорвалъ росписку въ 70 рублей сер., выданную имъ купеческому сыну Алексѣю Савельеву,—съ цѣлью присвоенія должныхъ по ней 50 р. с. денегъ?“—Присяжные засѣдатели отвѣчали: „нѣтъ, не виновенъ.“

Шкафъ
Полка
№

Тульскій Окружный Судъ постановилъ: крестьянина Семена Терентьева сына Гульина считать по суду оправданнымъ.

III.

Выдача справки о несуществующихъ обстоятельствахъ съ цѣлію побудить кого-нибудь къ невыгодной для него по имуществу сдѣлкѣ не можетъ быть признана подлогомъ, предусмотрѣннымъ 1692 ст. Улож. о Нак.

1871 года апрѣля 14 дня Московская Судебная Палата, по Уголовному Департаменту въ распорядительномъ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Департамента П. Г. Извольскаго, при Товарищѣ Прокурора Палаты А. И. Постельниковѣ, слушала: докладъ Члена Палаты Д. П. Тихомирова по дѣлу о дворянинѣ Добровольскомъ съ обвинительнымъ актомъ Прокурора Окружнаго Суда Жукова, полагающаго предать его суду за подлогъ. Изъ дѣла видно: 1869 г. 15 декабря, въ контору нотаріуса Подковщикова явились: дворянинъ Василій Леонтьевъ Добровольскій и Могилевскій мѣщанинъ Лейба Исаевъ Вольпинъ для совершенія акта о продажѣ первымъ изъ нихъ второму за 575 руб. билета Государственнаго Банка въ 1000 руб. за № 643064, хранящагося въ конторѣ Банка, отъ котораго имѣется росписка; при этомъ Добровольскій написалъ собственноручно проэктъ этого акта. Вмѣстѣ съ Добровольскимъ и Вольпинымъ былъ еще Мицкевичъ. Между тѣмъ Вольпинъ подалъ заявленіе Подковщикову, что Добровольскій намѣренъ его обмануть, такъ какъ въ Банкѣ лежитъ не Государственный билетъ, а только сохранная на него росписка. Вслѣдствіе этого совершеніе акта было отложено и дано знать полиціи. При слѣдствіи Добровольскій показалъ, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1869 г. въ квартиру его пришелъ его товарищъ, дворянинъ В—ръ и предложилъ ему сдѣлать выгодную аферу, именно: написалъ на его имя отъ себя заднимъ числомъ сохранную росписку на взятый будто бы имъ на храненіе 5% банковый билетъ въ 1000 руб. за № 66722, съ тѣмъ, чтобы эту росписку положить на храненіе въ Московскую Контору Государственнаго Банка, а подъ росписку, которая будетъ выдана изъ Конторы, занять у кого нибудь денегъ. Согласившись на это, онъ, Добровольскій, принялъ отъ В—ра сохранную росписку, отдалъ ее на сохраненіе въ Контору Банка 11-го ноября и получилъ оттуда росписку. Чтобы заложить эту росписку, В—ръ отрекомендовалъ его знакомой своей, Башмаковой, которая занималась пріисканіемъ подъ залогъ денегъ. Башмакова отрекомендовала его въ свою очередь Домичъ, а эта послѣдняя Леонтьевой, которая и согласилась дать денегъ,

но предварительно хотѣла получить справку изъ Конторы Банка, дѣйствительно ли тамъ хранится банковый билетъ въ 1000 руб. Поэтому, чтобы ввести Леонтьеву въ обманъ, онъ съ В—мъ рѣшился употребить подставнаго чиновника, который бы выдалъ Леонтьевой справку, что въ Конторѣ Банка хранится билетъ въ 1000 руб., а не сохранная росписка. Для этого онъ отправился къ вольному штурману Черноморскаго флота К—и и предложилъ ему разыграть роль чиновника Банка, на что тотъ согласился за $^1/_3$ суммы, вырученной отъ залога, и поселился у него въ квартирѣ. Потомъ Добровольскій досталъ для К—и вицъ-мундиръ и К—и 4-го декабря въ Конторѣ Банка выдалъ Домичъ и Леонтьевой составленную на дому справку. Впрочемъ денегъ отъ Леонтьевой онъ, Добровольскій, не получилъ, такъ какъ она потребовала подъ залогъ подлинный билетъ. Послѣ этого они снова обратились къ Башмаковой, которая рекомендовала Саблукову, а эта Мицкевича; Мицкевичъ-же Вольпина. Послѣдніе двое также пожелали взять изъ конторы Банка справку, почему К. снова явился въ банкъ и выдалъ имъ приготовленную заранѣе справку. Но Мицкевичъ снова сдѣлалъ справку у дѣйствительнаго чиновника и узналъ, что въ Банкѣ хранится одна только сохранная росписка, о чемъ и сказалъ ему, Добровольскому. 15-го же декабря у Нотаріуса онъ написалъ проэктъ акта на продажу Вольпину билета въ 1000 р., а потомъ они съ Вольпинымъ и Мицкевичемъ отправились въ трактиръ, гдѣ онъ подумалъ отказаться отъ своего намѣренія и пошелъ обратно къ нотаріусу съ тѣмъ, чтобы взять назадъ свой проэктъ, но не успѣлъ, такъ какъ былъ уже заарестованъ. По всѣмъ вышеизложеннымъ обстоятельствамъ дворянинъ Добровольскій достаточно обвиняется въ приписываемомъ ему противозаконномъ дѣяніи. Опредѣляя характеръ и свойство сего дѣянія, оказывается: 1) что Добровольскій, предпринявши различныя приготовленія на подлогъ для сообщенія съ умысломъ Вольпину и другимъ лицамъ ложныхъ завѣдомо обстоятельствъ относительно отдачи имъ на сохраненіе въ Государственный Банкъ не банковаго билета въ 1000 руб., а только сохранной на эту сумму росписки, не имѣющей никакой цѣнности,—выразилъ тѣмъ самымъ покушеніе побудить Вольпина изъ корыстныхъ видовъ къ невыгодной для послѣдняго покупкѣ упоминаемаго банковаго билета, увѣривъ его при этомъ, что оный находится на сохраненіи въ Банкѣ и 2) что покушеніе это не совершилось только потому, что нотаріусъ, къ которому Добровольскій явился для совершенія акта, по составленному имъ самимъ для сего проэкту, узналъ о всѣхъ вышеизложенныхъ обманныхъ дѣйствіяхъ Добровольскаго и

Шкафъ
Полка
№

пригласилъ полицію для задержанія его. Такимъ образомъ, дѣяніе Добровольскаго по признакамъ своимъ должно быть отнесено къ преступленію, предусмотрѣнному 1 отд. 1688 ст. Улож. о наказ. Находя за тѣмъ слѣдствіе по сему дѣлу произведеннымъ безъ нарушенія существенныхъ формъ и обрядовъ, Судебная Палата опредѣляетъ: означеннаго Добровольскаго предать суду Московскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

IV.

При опредѣленіи въ проэктъ акта закладной на недвижимое имѣніе, что выпись его изъ актовой книги должна быть выдана кредитору, (ст. 92 Полож. о Нотар. час.) съ правомъ представленія о ней къ Старшему Нотаріусу для утвержденія (Ст. 159) и полученія ея отъ послѣдняго, нотаріальный актъ, и, при неутвержденіи его Старшимъ Нотаріусомъ, служитъ доказательствомъ полученія залогодателемъ отъ залогопринимателя показанной въ немъ суммы и даетъ право обратнаго требованія полученныхъ денегъ.

1871 года Марта 20 дня По указу Его Императорскаго Величества, Московскій Окружный Судъ по VI отдѣленію въ публичномъ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ Тов. Предс. Э. Н. Сумбула, въ составѣ Членовъ: М. И. Коваленскаго и А. В. Панина слушалъ дѣло о взысканіи женою поручика Марьею Ивановною Пантелѣевою съ капитана Гавріила Тимофѣевича Головина 20 т. руб. *Обстоятельства* дѣла: 23 Февраля 1871 г. Капитанъ Гавріилъ Тимофѣевичъ Головинъ и Марья Ивановна Пантелѣева составили нотаріальный договоръ у нотаріуса Кирьякова о займѣ первымъ у послѣдней 20000 руб. сер. за полученные впередъ указные проценты срокомъ на годъ подъ залогъ земли Козельскаго Уѣзда Калужской губерніи при селахъ Булатовѣ и Волосовѣ. Въ этомъ договорѣ сказано, что какъ выпись изъ актовой книги нотаріуса, такъ и крѣпостной актъ, по утвержденіи его старшимъ нотаріусомъ, должны быть выданы повѣренному Пантелѣевой. Кромѣ того 23 Февр. 1871 г. Головинъ выдалъ повѣренному Пантелѣевой, г. Волонецъ, росписку въ томъ, что получилъ сполна 20 т. руб. сер., которыя обязался внести Мосолову, у котораго было въ залогѣ имѣніе и оплоченную закладную послѣдняго передать не далѣе 7-ми дней повѣренному Пантелѣевой для представленія старшему нотаріусу Калужскаго Окружнаго Суда при утвержденіи нотаріальнаго акта; въ противномъ же случаѣ обязался немедленно возвратить 20 т. руб. сер. Согласно этой росписки, подпись подъ которой засвидѣтельствована но-

таріусомъ Кирьяковымъ, Головинъ 27 Февраля передалъ оплаченную закладную повѣренному Пантелѣевой, который нотаріальный актъ отъ 23 Февраля представилъ нотаріусу Калужскаго Окружнаго Суда, но послѣдній получивши заявленіе Головина о неутвержденіи того акта, по заключенію 3 Марта отказалъ повѣренному Пантелѣевой въ утвержденіи закладной.—На основаніи вышеизложенныхъ обстоятельствъ, повѣренный Пантелѣевой, присяжный повѣренный Соловьевъ 8 Марта 1871 г. предъявилъ къ Головину искъ въ 20 т. руб. и приложивши выпись изъ книги нотаріуса Кирьякова, содержащую нотаріальный договоръ, росписку Головина въ полученіи по оному 20 т. руб. сер. и копію съ журнальнаго постановленія старшаго нотаріуса Калужскаго Окружнаго Суда 3 марта 1871 г., просилъ взыскать съ Головина 20 т. руб. за невыполненіе тѣхъ условій, подъ которыми выданы были ему эти деньги, обезпечить искъ наложеніемъ запрещенія, какъ повсемѣстнаго, такъ и на имѣніе при селахъ Булатовѣ и Волосовѣ и рѣшеніе обратить къ предварительному исполненію. Въ засѣданіе, назначенное для разсмотрѣнія дѣла, явились повѣренные: истицы—присяжн. повѣр. Соловьевъ и отвѣтчика присяжн. пов. Снегиревъ, который объяснилъ, что росписка отъ 23 Февраля, на которой основанъ настоящій искъ, получена была г. Волонецъ отъ г. Головина, обманомъ, именно взята была лишь въ обезпеченіе занятыхъ 7000 руб. сер. съ тѣмъ чтобы по возвратѣ оной суммы какъ росписку, такъ и нотаріальный актъ уничтожить, а потому, въ виду этого обстоятельства, просилъ дѣло по 8 ст. Устав. Гр. Суд. передать въ уголовный судъ и самое заявленіе его обсудить по истребованіи заключенія прокурора согласно 5 п. 343 ст. Уст. Гр. Суд. На это Соловьевъ возразилъ, что дѣло передается на разсмотрѣніе суда уголовнаго въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда дѣйствительно обнаружится уголовное преступленіе, а не тогда, когда объ этомъ одна изъ сторонъ сдѣлаетъ голословное указаніе, а потому просилъ не отсрочивая засѣданія разсмотрѣть дѣло въ существѣ. Принимая во вниманіе: 1) что по 5 и 343 ст. Уст. Гр. Суд., на которую ссылается повѣренный отвѣтчика, при участіи прокурора разрѣшаются дѣла въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда въ гражданскомъ дѣлѣ обнаруживаются обстоятельства, подлежащія разсмотрѣнію суда уголовнаго; 2) что по 8 ст. Уст. Гр. Суд. разсмотрѣнію суда уголовнаго передаются тѣ лишь противозаконныя дѣйствія, требующія уголовнаго преслѣдованія, которыя откроются во время производства гражд. дѣла изъ обстоятельствъ онаго; 3) что одно заявленіе участвующей въ гражданскомъ дѣлѣ стороны о противозаконномъ дѣйствіи, обусловливающемъ право на гражданскій искъ, неподтверждаемое

Шкафъ
Полка
№

ни обстоятельствами дѣла, ни имѣющимися въ оном доказательствами, не можетъ считаться за обнаруженіе противозаконнаго дѣйствія, вслѣдствіе котораго должно быть пріостановлено производство суда гражданскаго; 4) что заявленіе г. Снегирева, не подтверждается ни имѣющимися въ дѣлѣ актами, ни другими обстоятельствами,—Окружный Судъ призналъ ходатайство Снегирева о разрѣшеніи его заявленія, по выслушаніи заключенія прокурора, и о пріостановленіи гражданскаго производства не подлежащимъ удовлетворенію. По объявленіи этой резолюціи предсѣдательствующій предоставилъ сторонамъ представить объясненіе по существу иска. Повѣренный истицы въ дополненіе къ изложенному въ исковомъ прошеніи добавилъ, что изъ содержанія нотаріальнаго акта видно, что Пантелѣева выдала Головину 20 т. руб. подъ залогъ имѣнія, а какъ отъ залога послѣдній отказался, то обязанъ возвратить и полученныя деньги. Повѣренный отвѣтчика на это возразилъ, что требованіе о взысканіи 20 т. руб. сер. основано исключительно на роспискѣ Головина отъ 23 Февраля 1871 г., ибо нотаріальный актъ остался проэктомъ и только въ роспискѣ находится удостовѣреніе о полученіи 20 т. руб. сер., но росписка, какъ показывалъ онъ при первомъ возраженіи и какъ утверждаетъ теперь, получена обманомъ, именно въ видѣ обезпеченія возврата 7000 руб. сер.; въ подтвержденіе послѣдняго обстоятельства онъ, г. Снегиревъ ссылается на свидѣтелей, при которыхъ совершался разсчетъ по роспискѣ, а какъ по 409 ст. Уст. Гр. Суд. допускаются свидѣтельскія показанія въ подтвержденіе обстоятельствъ, предшествовавшихъ совершенію домашнихъ актовъ, то онъ и проситъ допросить выставленныхъ имъ свидѣтелей; удостовѣреніе нотаріуса Кирьянова подлинности подписи не можетъ служить препятствіемъ къ спросу свидѣтелей, потому во 1-хъ, что о неправильныхъ дѣйствіяхъ нотаріуса по сему предмету подана уже жалоба предсѣдателю Суда для возбужденія преслѣдованія; во 2-хъ потому, что изъ подлинной росписки видно, что писана она одними чернилами, подписана другими, а надпись нотаріуса сдѣлана третьими, что объясняется тѣмъ, что подпись сдѣлана была на заготовленномъ проэктѣ, не въ конторѣ нотаріуса Кирьякова, а на квартирѣ Головина; засвидѣтельствована же подпись впослѣдствіи и тогда же проставлено число выдачи росписки. На это г. Соловьевъ возразилъ, что искъ свой онъ основываетъ на нотаріальномъ актѣ, въ которомъ сказано, что Головинъ не только получилъ деньги, но и уплатилъ уже впередъ за годъ проценты, росписка же представлена лишь въ дополненіе къ тому акту и не имѣетъ самостоятельнаго значенія, а потому и спросъ свидѣтелей не можетъ быть допущенъ. Г. Снегиревъ остался при вы-

сказанныхъ возраженіяхъ. Принимая во вниманіе: 1) что настоящій искъ имѣетъ предметомъ обратное истребованіе отъ Головина денегъ, отданныхъ ему подъ условіемъ залога имѣнія, чего онъ не выполнилъ; 2) что въ подтвержденіе обстоятельствъ, на коихъ основанъ искъ, повѣреннымъ истицы представлены: нотаріальный актъ о займѣ Головинымъ у Пантелѣевой 20 т. руб. сер. подъ залогъ имѣнія, домашняя росписка о полученіи Головинымъ у Пантелѣевой по закладной 20 т. руб. сер. и свидѣтельство нотаріуса о причинахъ неутвержденія закладной; 3) что при словесныхъ объясненіяхъ повѣренный истицы показалъ, что требованіе его основано на нотаріальномъ актѣ, роспискѣ же онъ не придаетъ существеннаго значенія; 4) что изъ содержанія нотаріальнаго акта видно, что Головинъ занялъ у Пантелѣевой 20 т. руб. сер. подъ залогъ имѣнія въ селахъ Булатовѣ и Волосовѣ, и что какъ нотаріальный, такъ и крѣпостной акты долженъ былъ получить повѣренный кредиторши Пантелѣевой; 5) что по долговымъ обязательствамъ выдача заемщику денегъ совершается одновременно съ полученіемъ отъ него кредиторомъ самаго обязательства, но непосредственная выдача обязательства отъ заемщика кредитору въ актахъ, совершенныхъ нотаріальнымъ или крѣпостнымъ порядкомъ можетъ быть замѣнена помѣщеніемъ согласно 92 ст. о нотар. части, въ актѣ условія о томъ, что по совершеніи или утвержденіи акта, послѣдній отъ нотаріуса непосредственно поступаетъ къ кредитору, и подобное условіе въ связи съ текстомъ обязательства о томъ, что заемъ уже состоялся, служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что заемщикъ уже получилъ по обязательству деньги прежде окончательнаго совершенія или утвержденія послѣдняго; 6) что по изложеннымъ основаніямъ представленный повѣреннымъ Пантелѣевой нотаріальный актъ по 457 ст. Устав. Гр. Суд. служитъ доказательствомъ того, что Головинъ получилъ отъ Пантелѣевой въ заемъ 20 т. руб. сер. и уплатилъ ей за пользованіе оными 1200 руб. сер.; 7) что представленная истцомъ домашняя росписка, которую оспариваетъ повѣренный отвѣтчика, не служитъ опроверженіемъ обстоятельствъ, доказываемыхъ нотаріальнымъ актомъ, и за отказомъ истца отъ оной, какъ отъ доказательства иска, повѣрка свидѣтельскими показаніями обстоятельствъ, при которыхъ она была выдана, представляется излишнею, такъ какъ эти обстоятельства, при безспорности нотаріальнаго акта, не могутъ имѣть вліянія на разрѣшеніе дѣла; 8) что получивши отъ Пантелѣевой 18000 руб. сер. подъ условіемъ залога ей имѣнія въ селахъ: Булатовѣ и Волосовѣ, Головинъ какъ видно изъ копіи постановленія старшаго нотаріуса Калужскаго Окружнаго Суда, отказался отъ залога, въ силу 569 и 574 ст. X т. ч. I. при

Шкафъ
Полка
№

требованіи Пантелѣевой, обязанъ возвратить ей незаконно удерживаемую сумму; 9) что съ признаніемъ исковаго требованія доказаннымъ, присужденное взысканіе по 591 ст. Уст. Гр. Суд. можетъ быть обезпечено наложеніемъ запрещенія на имѣніе Головина въ селахъ: Булатовѣ и Волосовѣ; 10) что ходатайство повѣреннаго истицы какъ о наложеніи повсемѣстнаго запрещенія, такъ и о предварительномъ исполненіи, за силою 605 ст. Уст. Гр. Суд., не подлежитъ удовлетворенію, такъ какъ настоящій искъ имѣетъ своимъ предметомъ взысканіе убытковъ отъ невыполненія обязательства,—Окружный Судъ *постановилъ*: спроса выставленнаго отвѣтчикомъ свидѣтеля не допускать за силою 409 ст. Устав. Гр. Суд. и на удовлетвореніе жены поручика Маріи Ивановны Пантелѣевой взыскать съ капитана Гавріила Тимофѣевича Головина, на основаніи нотаріальнаго акта 23 Февраля 1871 г., 457 ст. Устав. Гражд. Суд. и 574 ст. т. X. Ч. I. восемнадцать тысячъ восемсотъ руб. сер. Присужденное взысканіе на основаніи 591 ст. Уст. Гр. Суд. обезпечить наложеніемъ запрещенія на имѣніе Головина, Калужской губерніи Козельскаго Уѣзда при селахъ Булатовѣ и Волосовѣ. Рѣшеніе предварительному исполненію не подлежитъ. Судебныя по дѣлу издержки возложить на отвѣтчика.

V.

Права супруговъ на совмѣстное жительство не подлежатъ разрѣшенію Судебныхъ Установленій. (*Ст. I Устав. Гражд. Судопр.*)

1871 года мая 5-го дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московскій Окружный Судъ, по VI отдѣленію въ публичномъ засѣданіи, открытомъ подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя Э. Н. Сумбула, въ составѣ Членовъ: М. И. Коваленскаго, А. В. Панина и Н. Н. Загоскина, слушалъ дѣло по прошенію крестьянина Ивана Михайловича Еромейко о понужденіи жены его, Ольги Дмитріевны къ совмѣстному съ нимъ жительству. Обстоятельства дѣла: крестьянинъ Иванъ Михайловичъ Еромейко проситъ Окружный Судъ понудить жену его Ольгу Дмитріевну къ совмѣстному съ нимъ жительству, объясняя, что онъ 19-го іюня 1870 г. выдалъ ей паспортъ на отдѣльное жительство срокомъ на 6-ть мѣсяцевъ, по истеченіи которыхъ жена къ нему не возвращается, несмотря на всѣ увѣщанія. Крестьянка же Ольга Дмитріевна Еромейко проситъ Окружный Судъ выдать свидѣтельство для полученія изъ Московской Духовной Консисторіи свѣдѣнія о томъ, что ею начато бракоразводное дѣло. Принимая во вниманіе: 1) что предметъ настоящаго дѣла заключается въ требованіи крестьянина Ивана

Михайловича Еромейко о понужденіи его жены къ совмѣстному съ нимъ жительству; 2) что это требованіе основано на 103 ст. т. X, ч. I, опредѣляющей личныя права, вытекающія изъ супружества; 3) что такія права и обязанности, какъ наприм. обязанность мужа любить свою жену, жить съ ней въ согласіи, уважать, защищать ее, извинять ея недостатки, облегчать ея немощи, и обязанности жены повиноваться мужу, пребывать къ нему въ любви, почтеніи и неограниченномъ послушаніи,—хотя опредѣлены въ 106 и 107 ст. т. X, ч. I Зак. Гр., но по свойству своему относятся къ правамъ и обязанностямъ нравственнымъ, наблюденіе за исполненіемъ которыхъ не относится къ вѣдомству судебныхъ учрежденій, ибо на послѣднія по закону возложено разрѣшеніе споровъ о правахъ гражданскихъ и постановленіе въ разрѣшеніе оныхъ опредѣленій о возстановленіи нарушенныхъ гражданскихъ правъ; 4) что способы исполненія рѣшеній, а слѣдовательно и возстановленія нарушенныхъ гражданскихъ правъ, опредѣлены въ законахъ (ст. 933 и 934 Уст. Гр. Суд.) и состоятъ въ передачѣ имѣнія натурою, въ обращеніи взысканія на движимое или недвижимое имѣніе и въ исполненіи на счетъ отвѣтчика тѣхъ дѣйствій или работъ, которыя не будутъ совершены въ назначенный судомъ срокъ; 5) что судебныя установленія не имѣя по закону власти возстановлять нарушенныя гражданскія права иными способами и въ виду того, что ихъ рѣшенія по 924 ст. Уст. при требованіи сторонъ должны быть приведены въ исполненіе, не вправѣ входить въ обсужденіе такихъ спорныхъ правъ, которыя судебною властью не могутъ быть возстановлены, а слѣдовательно и личныхъ правъ, возникающихъ изъ супружества, въ томъ числѣ и правъ супруговъ на совмѣстное жительство,—Окружный Судъ, по выслушаніи заключенія Товарища Прокурора, постановляетъ: настоящее дѣло, какъ не заключающее въ себѣ ни исковаго требованія, ни ходатайства о признаніи правъ въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства, признать не подлежащимъ разрѣшенію Суда и прекратить производствомъ.

VI.

При обращеніи взысканія на движимое имущество должника (2 п. 933 ст. Уст. Гражд. Суд.) принадлежащія послѣднему долговыя обязательства не подлежатъ описи для продажи оныхъ съ публичнаго торга, а должно быть поступлено по 1078, 1079 и 1081 ст. того же Уст.

1871 года іюня 3-го дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московскій Окружный Судъ, по V отдѣленію въ пуб-

Шкафъ
Полка
№ 5

личномъ засѣданіи, открытомъ подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя В. Н. Лаврова, въ составѣ членовъ Суда И. Н. Голикова и А. А. Зилова слушалъ дѣло по жалобѣ повѣреннаго дворянина Петра Васильевича Невѣдомскаго, присяжнаго повѣреннаго Фальковскаго, отъ 21 апрѣля 1871 года, на дѣйствія судебнаго пристава Московскаго Окружнаго Суда Коврейна и донесеніе г. Коврейна отъ 18 мая, въ объясненіе этой жалобы. Обстоятельства дѣла: Титулярному Совѣтнику Григорію Наумовичу Новосельскому былъ выданъ изъ Московскаго Окружнаго Суда 24 февраля 1869 года за № 1836 исполнительный листъ на взысканіе съ дворянина Петра Васильевича Невѣдомскаго 4000 р. съ неустойкою и %; въ силу этого исполнительнаго листа Новосельскій обратилъ свое взысканіе на заемныя письма на сумму около 40,000 р., выданныя умершимъ Коллежскимъ Ассесоромъ Василіемъ Николаевичемъ Кожинымъ—Невѣдомскому, находившіяся въ Управѣ Благочинія и просилъ судебнаго пристава подвергнуть ихъ публичной продажѣ; судебный приставъ Коврейнъ, имѣя въ виду, что надъ имуществомъ Кожина учреждено Конкурсное Управленіе, предсѣдателемъ коего состоитъ Фальковскій, повѣренный Невѣдомскаго, и предполагая, что заемныя письма, на которыя обратилъ свое взысканіе Новосельскій, находятся въ Конкурсѣ, вручилъ повѣстку объ исполненіи 7 апрѣля 1871 года Фальковскому, но въ виду новаго заявленія Новосельскаго—обратился съ своимъ требованіемъ въ Управу Благочинія объ арестѣ означенныхъ заемныхъ писемъ, при чемъ предъявилъ Управѣ и исполнительный листъ. На эти дѣйствія судебнаго пристава Коврейна повѣренный Невѣдомскаго приноситъ частную жалобу; по мнѣнію Фальковскаго, въ виду учрежденнаго Конкурса по дѣламъ Кожина, отъ Конкурса зависитъ удовлетвореніе заимодавцевъ, посему и дѣйствія судебнаго пристава должны были ограничиться представленіемъ исполнительнаго листа въ Конкурсное Управленіе, откуда въ свое время, подлежать будетъ въ выдачу дивидендъ слѣдующій и Невѣдомскому по его претензіи, наложить арестъ на этотъ дивидендъ о чемъ и сообщить Невѣдомскому; и что подвергать заемныя письма публичной продажѣ нѣтъ законнаго основанія. Почему повѣренный Невѣдомскаго проситъ Окружный Судъ постановить: распоряженіе судебнаго пристава Коврейна объ истребованіи заемныхъ писемъ для продажи оныхъ съ аукціона отмѣнить.—Въ своемъ донесеніи отъ 18 мая судебный приставъ Коврейнъ, излагая обстоятельства дѣла, доноситъ, что по его мнѣнію не только дивидендъ, но все имущество Невѣдомскаго, гдѣ бы оное ни находилось, по ст. 624 Уст. арестуется, такъ какъ оно не состоитъ подъ Конкурсомъ. Въ судебное засѣ-

даніе 3-го іюня явились по вѣренный Невѣдомскаго, Фальковскій и Новосельскій, которые послѣ доклада обстоятельствъ дѣла членомъ Суда, А. А. Зиловымъ, представили свои объясненія, подробно записанныя въ протоколъ засѣданія. Принимая во вниманіе, что: 1) сущность жалобы, принесенной повѣреннымъ Невѣдомскаго на судебнаго пристава Коврейна, заключается въ томъ, что судебный приставъ Коврейнъ наложилъ арестъ на заемныя письма отъ Кожина Невѣдомскому, *для продажи оныхъ съ публичнаго торга*; 2) что хотя по смыслу 402 и 418 ст. т. X ч. I заемныя письма и отнесены закономъ къ разряду имуществъ движимыхъ и долговыхъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы при обращеніи взысканія на имущество должника, означенныя имущества подлежали публичной продажѣ наравнѣ съ движимостью, акціями, процентными бумагами и пр.; 3) что изъ соображенія ст. 631—640, 1078—1083 Уст. Гр. Суд. явствуетъ, что обязанность судебнаго пристава, при указаніи взыскателемъ Новосельскимъ на заемныя письма, хранившіяся въ Управѣ Благочинія, составлявшія собственность должника Невѣдомскаго, должна была ограничиться извѣщеніемъ Управы Благочинія объ обращеніи взысканія на тѣ заемныя письма и наложеніемъ на нихъ ареста; и затѣмъ уже къ обязанности Управы Благочинія относилось исполненіе правила, изложеннаго въ 633 ст. Уст. Гр. Суд. По симъ основаніямъ Московскій Окружный Судъ постановилъ: признавъ дѣйствія судебнаго пристава Коврейна неправильными, оныя отмѣнить.

VII.

Куплею у родственниковъ недвижимаго имущества свойство онаго не измѣняется, т.-е. если оно у продавца было родовое, то оно остается родовымъ и у купившаго и наоборотъ, если оно было у продавца благопріобрѣтеннымъ, то таковымъ же должно почитаться и у пріобрѣтшаго его по купчей. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 23 Іюля 1823 года по дѣлу Вердеревскаго распространяется только на имѣнія, купленныя до 1 Января 1835 года (5 п. 397 и 3 п. 399 ст. т. X. ч. I).

1871 года Февраля 24-го дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московская Судебная Палата, по 1-му Гражданскому Департаменту, въ публичномъ судебномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Старшаго изъ Членовъ С. Н. Раевскаго, въ составѣ Членовъ: С. М. Гулькевича и М. П. Березникова, при участіи Товарища Прокурора И. М. Остроглазова, разсматривала дѣло по апелляціонной жалобѣ повѣреннаго Высочайше учрежденной посреднической коммиссіи по дѣламъ

Шкафъ
Полка
№ 5

и имѣніямъ графовъ Николая и Юрія Толстыхъ, присяжнаго повѣреннаго Станислава Корсака, на рѣшеніе Тульскаго Окружнаго Суда о присужденіи гг. Романовымъ, Погорской и Андро $^{12}/_{14}$ частей изъ родовыхъ ихъ имѣній, состоящихъ Тульской губерніи Ефремовскаго уѣзда въ сельцѣ Юрьевкѣ и Ярославской губерніи и уѣзда въ дер. Мологиной, находящихся въ незаконномъ владѣніи графа Николая Толстаго. Обстоятельства дѣла: присяжный повѣренный Алексѣевъ по довѣренности отставнаго Капитана Михаила Ивановича Романова, жены Статскаго Совѣтника Софьи Ивановны Погорской, сына умершаго брата ихъ полковника Дмитрія Ивановича Романова,—несовершеннолѣтняго Дмитрія Романова, матери его, вдовы полковника Аграфены Сергѣевны Романовой, жены Коллежскаго Регистратора Татьяны Дмитріевны Андро и назначеннаго по Высочайшему повелѣнію опекуномъ бывшаго Надворнаго Совѣтника Сергѣя Ивановича Романова, Статскаго Совѣтника Безсонова, прошеніемъ поданнымъ 21 Марта 1869 г. въ Тульскій Окружный Судъ, предъявилъ къ отставному Гвардіи Поручику графу Николаю Константиновичу Толстому и къ Высочайше утвержденной по дѣламъ его посреднической коммиссіи искъ о присужденіи довѣрителямъ его изъ незаконнаго владѣнія отвѣтчика $^{12}/_{14}$ частей изъ полныхъ $^{3}/_{4}$ сельца Юрьевки Старогольскіе тожъ Ефремовскаго уѣзда. Основанія этого иска заключаются въ томъ, что отыскиваемыя имѣнія принадлежали Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Колычеву, который по завѣщанію оставилъ все свое имѣніе родовое и благопріобрѣтенное въ пользу насѣдниковъ одной изъ сестеръ его родной, бабки отвѣтчика, княгини Екатерины Оболенской.—Духовное завѣщаніе было признано Правительствующимъ Сенатомъ недѣйствительнымъ въ отношеніи родовыхъ имѣній завѣщателя. Наслѣдниками Колычева, скончавшагося бездѣтнымъ, остались: родная сестра его вдова Коллежскаго Совѣтника Анна Михайловна Романова и родные внуки умершей другой его сестры Екатерины Михайловны, по мужѣ княгини Оболенской, графы Николай и Юрій (нынѣ умершіе) Толстые. — Вслѣдствіе чего благопріобрѣтенное имѣніе по завѣщанію перешло въ собственность графовъ Толстыхъ; къ родовому же имѣнію утверждены единственными наслѣдниками, въ одной половинѣ, постановленіемъ 1-го Департ. С.-Петербургской Палаты Гражданскаго Суда 19 Іюня 1862 года внуки младшей сестры Колычева, княгини Екатерины Михайловны Оболенской, графы Толстые, представителемъ которыхъ въ настоящее время является графъ Николай Толстой, а въ другой половинѣ постановленіемъ того же Д-та 26 Февраля 1863 года, за смертію старшей сестры наслѣдодателя, вдовы Коллежскаго Совѣтника Анны Михайловны Романовой, наслѣдники ея: 1) довѣрители его и въ $^{2}/_{14}$ частяхъ жена Штабсъ-

Ротмистра Анастасія Ивановна Левенецъ и жена Статскаго Совѣтника Марія Ивановна Казначеева, которыя въ настоящее время въ дѣлѣ не участвуютъ. Часть родоваго имѣнія довѣрители его получили по раздѣльному акту, совершенному 1-го Іюля 1868 года съ графомъ Толстымъ, но въ раздѣльный актъ не помѣщены отыскиваемыя имъ въ настоящее время имѣнія, потому что они не желали останавливать раздѣла, между ними возникъ споръ; графъ Толстой и посредническая коммиссія признавали эти имѣнія благопріобрѣтенными, а довѣрители его родовыми.— Спорныя имѣнія: деревня Мологина Ярославскаго уѣзда пріобрѣтена наслѣдодателемъ Колычевымъ отъ роднаго брата его дѣда, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Степана Алексѣевича Колычева, по купчей крѣпости, совершенной во 2-мъ Департаментѣ Московской Палаты Гражданскаго Суда 1-го Іюля 1806 г., три четвертыя же доли сельца Юрьевки, Тульской губерніи Ефремовскаго уѣзда принадлежали также покойному Степану Колычеву, отъ него перешли къ покойному Александру Колычеву и двоюроднымъ его братьямъ, Маіору Сергѣю Васильевичу и Штабсъ-Капитану Петру Николаевичу Колычевымъ и двоюродной сестрѣ. женѣ Полковника баронессѣ Татьянѣ Ѳедоровнѣ Боде, урожденной Колычевой, части которыхъ Александръ Колычевъ пріобрѣлъ по купчимъ крѣпостямъ, совершеннымъ 20 Марта 1825 г. во 2-мъ Департаментѣ Московской Гражданской Палаты. При раздѣлѣ, какъ объясняетъ г. Алексѣевъ, графъ Николай Толстой и Высочайше учрежденная по дѣламъ его посредническая коммиссія, отказались отъ раздѣла сихъ имѣній потому, что они считаютъ ихъ благопріобрѣтенными, такъ какъ они были куплены наслѣдодателемъ у родственниковъ до 1835 г., а потому они будто бы, на основаніи дѣйствовавшихъ законоположеній, въ періодъ времени съ 1823 г. по 1834 годъ, изложеннаго въ примѣчаніи къ 399 ст. X т. Ч. I не должны подлежать раздѣлу; признавая таковый отказъ неимѣющимъ законнаго основанія, ибо примѣчаніе къ 399 ст. X т. ч. I къ настоящему дѣлу не можетъ быть примѣнимо, такъ какъ въ теченіи опредѣленнаго въ этомъ примѣчаніи періода времени не возникло никакихъ интересовъ, которые нуждались бы въ особомъ огражденіи имущества, помимо общихъ дѣйствующихъ законовъ и притомъ временныя правила не могутъ измѣнять безспорнаго, по существующимъ законамъ (399 ст. п. 3), свойства имѣнія. Кромѣ того свойство имѣнія сельца Юрьевки опредѣлено особымъ распоряженіемъ Высочайшей власти, такъ какъ имѣніе это досталось наслѣдодателю, двоюроднымъ братьямъ его Колычевымъ и баронессѣ Боде по смерти воспитанника Степана Колычева барона Гагена, владѣвшаго этимъ имѣніемъ пожизненно по духовному завѣщанію своего воспитателя, Высочайше утвержденному съ тѣмъ, чтобы имѣніе, по смерти его, Гагена,

Шкафъ
Полка
№ 5

возвратилось въ родъ Колычевыхъ.—Признавая вслѣдствіе этого имѣнія эти безспорно-родовыми, Алексѣевъ объяснилъ, что изъ половины этого имѣнія за вычетомъ $^{2}/_{14}$ частей, принадлежащихъ Левенецъ и Казначеевой, не предъявляющихъ въ настоящее время иска, его довѣрителямъ принадлежитъ $^{12}/_{14}$ частей, изъ коихъ $^{1}/_{14}$ слѣдуетъ Софьѣ Погорской и все остальное по ровной части: 1) въ одной трети вдовѣ Аграфенѣ Романовой, съ дѣтьми Дмитріемъ Романовымъ и дочерью Татьяною, по мужѣ Андро; 2) въ другой трети Капитану Михаилу Романову и 3) въ остальной трети бывшему Надворному Совѣтнику Сергѣю Романову, личность коего представляется опекуномъ Безсоновымъ. Вслѣдствіе чего онъ просилъ Судъ постановить рѣшеніе о присужденіи довѣрителямъ его слѣдующихъ имъ частей изъ родоваго имѣнія, состоящаго Тульской губерніи Ефремовскаго уѣзда въ трехъ четвертыхъ частяхъ сельца Юрьевки и Ярославскаго уѣзда въ деревнѣ Мологиной, находящихся во владѣніи отвѣтчика Поручика графа Николая Константиновича Толстаго, съ полученными съ нихъ доходами за все время незаконнаго владѣнія и судебными издержками.—При прошеніи этомъ представлена выпись раздѣльнаго акта, изъ котораго видно, что отыскиваемыя въ настоящее время имѣнія въ ономъ не помѣщены. Въ засѣданіе Суда явились повѣренный Высочайше учрежденной коммиссіи по дѣламъ Николая Толстаго Коллежскій Ассесоръ Корсакъ и повѣренный истцовъ Алексѣевъ.—Корсакъ объяснилъ, что наслѣдникамъ Романовымъ по раздѣльному акту (1 Іюня 1868 г.) на вчинаніе настоящаго иска не предоставлено, а потому они не имѣютъ права на ходатайство. Что вопросъ о свойствѣ имѣній разрѣшенъ уже Правительствующимъ Сенатомъ и опредѣленіе Палаты о томъ, какія имѣнія Колычева родовыя и какія благопріобрѣтенныя утверждено Сенатомъ. Когда С.-Петербургскій Опекунскій Совѣтъ препроводилъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1859 года завѣщаніе въ С.-Петербургскую Палату Гражданскаго Суда къ засвидѣтельствованію, родная сестра умершаго Колычева, Анна Михайловна Романова заявила споръ противъ духовнаго завѣщанія, 1-й Д—тъ С.-Петсрбургской Гражданской Палаты предварительно засвидѣтельствованія того завѣщанія сдѣлалъ запросъ Г-жѣ Романовой, какія она считаетъ имѣнія родовыми, вслѣдствіе чего она подала отзывъ, въ которомъ не показала родовыми отыскиваемыя въ настоящее время Алексѣевымъ имѣнія, въ удостовѣреніе чего г. Корсакъ представилъ копію съ означеннаго отзыва. Слѣдовательно Палата, постановляя опредѣленіе 31 Января 1861 года, коимъ все благопріобрѣтенное имѣніе Колычева утверждено за наслѣдниками Толстыми, а родовыя имѣнія предоставила имъ въ половинныхъ частяхъ съ Романо-

выми и прочими сонаслѣдниками, вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшила вопросъ о свойствѣ имѣній.—Означенное рѣшеніе было утверждено Правительствующимъ Сенатомъ въ 1863 году и вошло уже въ окончательную законную силу. Кромѣ того Палата опредѣлила какія именно родовыя имѣнія должны дѣлиться между всѣми сонаслѣдниками, въ виду поступившихъ претензій отъ разныхъ лицъ на соучастниковъ графовъ Толстыхъ, о чемъ увѣдомила Саратовскую Гражданскую Палату, гдѣ указала опредѣлительно родовыя имѣнія.—Что рѣшеніе Правительствующаго Сената въ силу 237 ст. I т. Св. Зак. Гр. должно быть обязательно и для новыхъ судебныхъ учрежденій. На семъ основаніи просилъ Судъ въ искѣ Алексѣеву отказать. При чемъ Корсакъ присовокупилъ, что еслибы вопросъ этотъ и не былъ разрѣшенъ, то на основаніи примѣч. къ 399 ст. I ч. X т. слѣдовало разрѣшить его по правиламъ 23 Августа 1823 года. Указаніе Алексѣева на то, будто свойство имѣнія Колычева опредѣлено Высочайшей властью, нельзя признать за фактъ, такъ какъ въ Высочайшемъ повелѣніи ничего не говорится о томъ, что имѣніе это родовое. Оно было завѣщано барону Гагену Степаномъ Колычевымъ только пожизненно, и по смерти Гагена должно было перейти опять въ родъ Колычевыхъ. Г. Алексѣевъ противъ означеннаго объясненія возразилъ, что въ Палатѣ и Сенатѣ не производился споръ о свойствѣ имѣнія, ибо такіе иски при старомъ порядкѣ должны были производиться вотчиннымъ порядкомъ, что свѣдѣнія, данныя Анною Романовой о томъ, какія имѣнія умершаго брата ея Александра Колычева она считаетъ родовыми, не имѣетъ никакого значенія и не можетъ лишить ея наслѣдниковъ права доказывать, что и другія имѣнія Колычева родовыя. Г. Корсакъ на это заявилъ, что представленныя имъ въ засѣданіе Суда бумаги должны имѣть значеніе какъ принятыя Палатою и введенныя въ рѣшеніе, а рѣшенія прежнихъ мѣстъ перевершаемы быть не могутъ. Затѣмъ Алексѣевъ объяснилъ, что положеніе 1823 г. не можетъ имѣть силы, въ настоящемъ случаѣ купленное родовое имѣніе у родственниковъ остается всетаки родовымъ. Въ 1823 году состоялось мнѣніе Государственнаго Совѣта, противорѣчащее указу 1807 года, послѣдовавшему по тому-же вопросу. При пересмотрѣ законовъ это было исправлено и 3 п. 399 ст. былъ изложенъ такъ, какъ и въ изданіи 1857 г.—Но такъ какъ на основаніи мнѣнія Государственнаго Совѣта 1823 г. состоялись переходы имѣній и сдѣлки, то во избѣжаніе нарушенія образовавшихся интересовъ было прибавлено примѣчаніе. Въ примѣчаніи этомъ 4 стороны: а) оно временное; б) оно ограничено срокомъ 1 Января 1835 г.; в) оно есть не больше какъ административное распоряженіе и г) снисхожденіе и умиротвореніе инте-

Шкафъ
Полка
№ 5

ресовъ народа. Первая часть этого правила не относится къ настоящему случаю потому, что имѣнія куплены у родственниковъ, для огражденія интересовъ Александра Колычева не требовалось этого новаго правила, право его основывалось на купчей и слѣдовательно отнять у него никто не могъ. При жизни Колычева споровъ на это не было, слѣдовательно и вторая часть того же положенія къ имѣнію Александра Колычева не относится, равнымъ образомъ въ періодъ времени съ 1823 г. до 1835 г. никакихъ сдѣлокъ заключено не было. Положеніе это могло быть примѣнено, еслибы завѣщаніе было составлено въ означенный періодъ времени, между тѣмъ оно было когда дѣйствовалъ уже 3 п. 399 ст. X т. ч.I.—Вслѣдствіе чего Алексѣевъ ходатайствовалъ признать спорныя имѣнія родовыми, присудить его довѣрителямъ изъ означенныхъ имѣній просимыя имъ части и предоставить ему право отыскивать въ исполнительномъ порядкѣ доходы за все время незаконнаго владѣнія Толстыми имѣніями. Изъ представленнаго повѣреннымъ Корсака отзыва Романовой видно, что она отозвалась, что изъ имѣній, оставшихся послѣ покойнаго Александра Колычева, считаетъ она по извѣстнымъ ей документамъ, родовыми слѣдующія: 1) Орловской губерніи Кромскаго уѣзда село Высокое и деревню Родогожи; 2) Ярославской губерніи и уѣзда деревни: Борисовку, Дьякову и Тоханку; 3) Рязанской губерніи Ряжскаго уѣзда село Спасское; 4) Костромской губерніи Галичскаго уѣзда деревни Мельникову и Ботемнскую и 5) Ефремовскаго уѣзда Тульской губерніи четвертую часть сельца Юрьевки. Разсмотрѣвъ въ такомъ видѣ дѣло, судъ нашелъ, что разрѣшенію его подлежитъ вопросъ объ опредѣленіи свойства имѣній Александра Колычева, заключающихся въ деревнѣ Мологиной Ярославскаго уѣзда, сельцѣ Юрьевкѣ Ефремовскаго уѣзда, въ виду примѣчанія къ 399 ст. X т. ч. I. Но прежде разрѣшенія сего вопроса, судъ нашелъ нужнымъ разсмотрѣть возраженіе истцовъ о правѣ ихъ на настоящій искъ, за состоявшимися рѣшеніями С.-Петербургской Палаты и Сената. Принимая во вниманіе, что въ разсмотрѣніи помянутыхъ судебныхъ мѣстъ былъ только споръ о силѣ духовнаго завѣщанія Александра Колычева, что поэтому только этотъ вопросъ и былъ разрѣшенъ какъ Палатою, такъ и Сенатомъ, что за симъ заявленіе одной изъ наслѣдницъ о томъ, какое изъ имѣній она признаетъ благопріобрѣтеннымъ, не имѣетъ никакого значенія въ виду вышесказаннаго, что хотя въ помянутыхъ рѣшеніяхъ и упомянуты имѣнія, но только въ изложеніи обстоятельствъ дѣла, что споръ о свойствѣ имѣній завѣщателя до сего времени не былъ разрѣшенъ какимъ-либо судебнымъ мѣстомъ, и что по раздѣльному акту также не лишили себя права на настоящій искъ,—Окружный Судъ нашелъ, возраженія отвѣтчика о томъ,

что истцы не сохранили за собою права на представленія настоящаго дѣла, незаслуживающимъ уваженія.—Приступая къ разрѣшенію существа настоящаго спора и обращаясь къ истолкованію примѣч. къ 3 п. 399 ст. X т. ч. I судъ нашелъ, что 23 Іюля 1823 г. состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, по коему купленныя имѣнія у родственниковъ почитались благопріобрѣтенными, и затѣмъ при изданіи Свода Законовъ 1832 года это временно-дѣйствовавшее правило было отмѣнено и таковыя имѣнія было постановлено признать родовыми, согласно 3 п. 399 ст. Въ виду этого временно дѣйствовавшаго закона 4 Іюня 1836 года состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, по коему въ огражденіе правъ тѣхъ лицъ, къ которымъ могли дойти имѣнія на основаніи положенія 23 Іюля 1823 г. дѣла о подобныхъ имѣніяхъ, возникшія въ періодъ времени до 1-го Января 1835 г. повелѣно рѣшать и впредь на точномъ основаніи положенія 1823 года. Ближайшій смыслъ этого мнѣнія Государственнаго Совѣта очевидно тотъ, чтобы оградить интересы тѣхъ лицъ, по подлинному выраженію означеннаго Высочайшаго повелѣнія, къ которымъ могли дойти имѣнія въ сказанный періодъ времени, только въ силу положенія 1823 года, т.-е. законодатель признавалъ и ограждалъ совершившійся фактъ перехода имѣнія къ такому лицу и по такому акту, коимъ первый владѣлецъ его могъ передать только въ силу положенія 1823 года. Слѣдовательно законъ имѣлъ въ виду оградить интересы лица, къ коему на этомъ основаніи имѣніе въ сказанный періодъ перешло уже, но отнюдь не на покупщика имѣнія у родственника, состоявшаго самимъ владѣльцемъ купленнаго имѣнія въ моментъ этого послѣдняго Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 4 Іюля 1823 г. Точнѣе сказать, законъ ограждалъ только совершившійся переходъ подобнаго имѣнія. Исходя изъ этого толкованія помянутаго примѣчанія, нельзя не признать, что положеніе 1823 г. могло быть примѣнено къ настоящему случаю только тогда, еслибы графъ Николай Толстой воспользовался наслѣдствомъ Александра Колычева въ періодъ времени съ 1823 г. по 1835 годъ. Но изъ дѣла видно, что не только отвѣтчикъ не могъ воспользоваться этимъ имѣніемъ въ означенный періодъ, но даже и самое завѣщаніе было писано только въ 1843 году, слѣдовательно чрезъ 8 лѣтъ послѣ того, какъ положеніе 1823 г. потеряло уже всякую силу. А потому и положеніе 1823 года не можетъ быть примѣнено къ настоящему случаю. Переходя за симъ къ опредѣленію свойства спорнаго имѣнія внѣ вышеизложеннаго изъятія и принимая во вниманіе, что и повѣренный отвѣтчика не отвергаетъ фактъ пріобрѣтенія этихъ имѣній, завѣ-

Шкафъ
Полка
№ 3

щателемъ у родственниковъ и что по 3 п. 399 ст. X т. ч. I подобныя имѣнія признаются родовыми, Окружный Судъ нашелъ, что какъ деревня Мологина, такъ и ¾ части сельца Юрьевки, Старые-Гольски тожъ, должны быть признаны родовыми у завѣщателя и принадлежащими истцамъ, въ отыскиваемыхъ ими частяхъ, посему руководствуясь 3 п. 399 ст. и 609 ст. X т. ч. I и 868 ст. Уст. Гр. Суд. опредѣлилъ: имѣнія, оставшіяся послѣ Александра Колычева Ярославской губерніи и уѣзда въ деревнѣ Мологиной и Ефремовскаго уѣзда въ трехъ четвертыхъ доляхъ сельца Юрьевки признать родовыми и вслѣдствіе сего принадлежащими въ $^{12}/_{14}$ частяхъ истцамъ Михаилу, Сергѣю, Дмитрію и Аграфенѣ Романовымъ, Татьянѣ Андро и Софьѣ Погорской, предоставивъ имъ право количество доходовъ за время незаконнаго владѣнія графомъ Толстымъ тѣми имѣніями доказывать въ порядкѣ исполнительнаго производства; рѣшеніе это предварительному исполненію не подвергать; судебныя издержки возложить на графа Толстаго. На это рѣшеніе повѣренный Высочайше учрежденной коммиссіи по дѣламъ графовъ Толстыхъ, Корсакъ, принесъ апелляціонную жалобу, въ коей объяснилъ, что онъ признаетъ его неправильнымъ потому: 1) что свойство имѣній разсматривалось въ С.-Петербургской Палатѣ и Правительствующемъ Сенатѣ и что вслѣдствіе этого означенный вопросъ не могъ подлежать разсмотрѣнію суда, что истцы добровольно раздѣлились съ графомъ Толстымъ, а потому не имѣютъ права на искъ, что спорныя имѣнія, на основаніи примѣчанія къ 399 ст. X т. ч. I, должны быть признаны благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, а потому просилъ въ искѣ истцамъ отказать, а рѣшеніе Окружнаго Суда отмѣнить. Въ возраженіе противъ этой жалобы, присяжный повѣренный Алексѣевъ объяснилъ тоже, что въ исковомъ прошеніи, при чемъ только добавилъ, что ссылка на примѣчаніе къ 399 ст. X т. ч. I по деревнѣ Мологиной не можетъ имѣть мѣста, потому еще, что она куплена Колычевымъ въ 1807 году, и просилъ рѣшеніе Суда утвердить, жалобу же присяжнаго повѣреннаго Корсака оставить безъ послѣдствій. Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Судебная Палата находитъ, что предметъ сего дѣла составляетъ предъявленный повѣреннымъ Алексѣевымъ къ графу Николаю Толстому искъ о правѣ собственности довѣрителей его, Алексѣева, на истребованіе изъ владѣнія сего послѣдняго $^{12}/_{14}$ частей половины ¾ сельца Юрьевки Тульской губерніи Ефремовскаго уѣзда и половины деревни Мологиной Ярославской губерніи и уѣзда и ходатайство о предоставленіи довѣрителямъ его права доказывать въ исполнительномъ порядкѣ количество доходовъ, слѣдующихъ имъ за время неправильнаго владѣнія графомъ Толстымъ означеннымъ имѣніемъ. Основаніемъ иска Алексѣевъ при-

водитъ, что послѣ умершаго въ 1859 г. Александра Колычева осталось духовное завѣщаніе составленное имъ въ 1843 г., по которому онъ все свое имѣніе оставилъ наслѣдникамъ родной сестры своей Екатерины Оболенской, представителемъ которой въ настоящее время является отвѣтчикъ графъ Толстой; духовное завѣщаніе относительно благопріобрѣтеннаго имущества было оставлено въ силѣ, относительно же родоваго имѣнія уничтожено, и вслѣдствіе этого родовыя имѣнія на основаніи указа Правительствующаго Сената подлежали раздѣлу пополамъ, одна половина слѣдовала наслѣдникамъ Екатерины Оболенской, а другая половина другой сестрѣ Александра Колычева — Аннѣ Романовой, представителями которой въ $^{12}/_{14}$ частяхъ являются утвержденные въ правахъ наслѣдства довѣрители его, Алексѣева, настоящіе истцы. Имѣнія, деревню Мологину и $^{3}/_{4}$ части сельца Юрьевки, Алексѣевъ считаетъ на основаніи 3 п. 399 ст. X т. ч. I. родовыми и потому находитъ, что они подлежатъ раздѣлу между наслѣдниками по закону. Повѣренный же Высочайше учрежденной коммиссіи по дѣламъ графа Толстаго, г. Корсакъ, отвергаетъ предъявленный Алексѣевымъ искъ на трехъ основаніяхъ: 1) что вопросъ о свойствѣ имѣній, оставшихся послѣ Александра Колычева, былъ уже согласно отзыву Анны Романовой, разрѣшенъ С.-Петербургской Палатой Гражданскаго Суда и Правительствующимъ Сенатомъ, а потому не можетъ быть пересмотрѣнъ новыми учрежденіями; 2) что истцы и графъ Толстой совершили раздѣлъ, и такъ какъ они раздѣльнымъ актомъ не предоставили себѣ право на отыскиваніе какихъ-либо другихъ имѣній Александра Колычева, то и не имѣютъ права на искъ и наконецъ 3) что спорныя имѣнія на основаніи примѣчанія къ 399 ст. X. т. ч. I. должны быть признаны благопріобрѣтенными, такъ какъ они пріобрѣтены наслѣдодателемъ до уничтоженія силы Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 23 іюля 1823 г., а потому согласно духовному завѣщанію Александра Колычева, должны подлежать вслѣдствіе этого раздѣлу между наслѣдниками по закону. При такомъ положеніи дѣла прежде всего подлежитъ разрѣшенію заявленіе отвѣтчика, послѣдовавшее уже по разрѣшеніи спорнаго вопроса С.-Петербургскою Гражданскою Палатою и Правительствующимъ Сенатомъ. Усматривая изъ представленныхъ къ дѣлу отвѣтчикомъ документовъ, что въ Правительствующемъ Сенатѣ и Гражданской Палатѣ разсматривался вопросъ о силѣ духовнаго завѣщанія и что только этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ Палатою и Сенатомъ и что хотя въ этихъ рѣшеніяхъ, а равно и въ рѣшеніяхъ Палаты, коими разрѣшался вопросъ о томъ, въ какомъ количествѣ слѣдуетъ взыскать съ Анны Романовой

Шкафъ
Полка
№

штрафъ за неправильное вчинаніе иска, и изъ увѣдомленія Палаты отъ 26 марта 1864 года за № 2839 видно, что въ изложеніи обстоятельствъ дѣла упомянуты имѣнія Александра Колычева съ подраздѣленіемъ ихъ на родовыя и благопріобрѣтенныя, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы Правительствующій Сенатъ и Палата тѣмъ самымъ опредѣлили свойства имѣній; таковаго опредѣленія и не могло состояться потому, что какъ изъ объясненій Корсака видно, во время производства дѣла въ Палатѣ и Правительствующемъ Сенатѣ спора о свойствѣ имѣнія между наслѣдниками не возникало, Судебная Палата признаетъ заявленіе по сему предмету повѣреннаго Корсака незаслуживающимъ уваженія. Равнымъ образомъ и заявленіе, данное Анною Романовою при производствѣ дѣла въ С.-Петербургской Гражданской Палатѣ о томъ, какія именно имѣнія Колычева она признаетъ родовыми, не можетъ служить доказательствомъ того, что Палата и Правительствующій Сенатъ разсматривали вопросъ о свойствѣ имѣній, притомъ отвѣтъ ея не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ онъ не заключаетъ въ себѣ положительнаго признанія свойства остальныхъ непоименованныхъ въ означенномъ отзывѣ имѣній Колычева благопріобрѣтеннымъ имуществомъ. Переходя за симъ къ разрѣшенію вопроса о правоспособности истцовъ къ начатію иска, оказывается, что повѣренный Корсакъ доказываетъ, что истцы раздѣлили добровольно съ Графомъ Толстымъ имѣнія Александра Колычева, а потому не имѣютъ уже за симъ право на искъ; между тѣмъ изъ имѣющагося при дѣлѣ раздѣльнаго акта, составленнаго 1 іюля 1868 г. не видно, чтобы спорныя имѣнія вошли въ раздѣлъ и въ раздѣлѣ не сказано, чтобы довѣрители Алексѣева лишили себя права требовать слѣдующія имъ части изъ имѣній Колычева, неупомянутыхъ въ раздѣльномъ актѣ, а потому и нѣтъ законнаго основанія отвергать ихъ права на настоящій искъ. Приступая вслѣдствіе сего къ разрѣшенію существа спора, оказывается, что на основаніи дѣйствующихъ законовъ, имѣнія, купленныя у родственниковъ, могутъ быть для покупателя благопріобрѣтенными и родовыми имуществами. На основаніи 5 п. 397 ст. X т. ч. I, имущество, купленное у родственника, у котораго оно было благопріобрѣтеннымъ, считается благопріобрѣтеннымъ; имущества же, доставшіяся по купчимъ крѣпостямъ отъ родственниковъ, къ коимъ дошли по наслѣдству изъ того же рода, *на основаніи 3 п. 399 ст.* того же тома и части, признаются родовыми. Смыслъ означенныхъ статей ясно доказываетъ, что законы наши признаютъ за основное начало, *что купленное у родственниковъ имѣній, свойство оныхъ не измѣняется, т.-е. если оно у продавца было родовое, то оно остается родовымъ и у покупателя и наоборотъ, если оно было*

у продавца благопріобрѣтеннымъ, то оно таковымъ же остается и у покупателя. Это основное начало, хотя и было временно нарушено правилами 23 іюля 1823 года, но за тѣмъ при изданіи Свода Законовъ 1832 г. правила эти были исключены изъ Свода и вслѣдствіе этого основное начало, изображенное въ 397 и 399 ст. X т. ч. I возымѣло вновь законную силу. Примѣчаніе къ означенной статьѣ также не измѣняетъ вышеозначеннаго основнаго начала; изъ точнаго смысла сего примѣчанія видно, что въ виду того, что существовали временно правила 23 іюля 1823 г., на основаніи которыхъ купленныя у родственниковъ имѣнія, безъ различія признавались благопріобрѣтенными имуществами, и что вслѣдствіе этого могли состояться сдѣлки на основаніи сихъ правилъ, законодательная власть въ огражденіе правъ тѣхъ лицъ, къ которымъ могли дойти имѣнія на основаніи положенія 1823 г. до 1834 года постановила, чтобы дѣла о подобныхъ имѣніяхъ въ теченіи сего періода возникшія, разрѣшались и впредь на точномъ основаніи положенія 1823 г., равнымъ образомъ признала сдѣлки, совершенныя въ продолженіи того періода на основаніи сего положенія законными. Буквальный смыслъ означенной статьи ясно доказываетъ, что законодательная власть не имѣла цѣлью опредѣлять, что родовыя имѣнія, купленныя у родственниковъ въ періодъ времени съ 1823 г. по 1834 г. признавались на вѣчныя времена благопріобрѣтенными имуществами, она желала утвердить только сдѣлки, совершенныя на основаніи сихъ правилъ и тѣмъ оградить спокойствіе и интересы лицъ, участвовавшихъ въ означенныхъ сдѣлкахъ. Настоящее дѣло не подходитъ ни подъ одинъ изъ указанныхъ въ означенномъ примѣчаніи случаевъ: съ одной стороны дѣло сіе началось не въ періодъ времени съ 1823 г. до 1835 года, а въ 1869 году, а съ другой стороны самая сдѣлка, которой оно касается—духовное завѣщаніе Александра Колычева объ имѣніяхъ, купленныхъ имъ отъ родственниковъ, коимъ таковыя достались по наслѣдству изъ того же рода—совершено было также не въ указанный періодъ времени, а въ 1843 году. Примѣняя означенныя соображенія къ настоящему дѣлу и усматривая, что спорныя имѣнія: деревня Мологина была куплено наслѣдодателемъ Александромъ Колычевымъ отъ роднаго брата его дѣда, Степана Колычева, по купчей, совершенной въ 2-й Московской Гражданской Палатѣ 1 іюня 1806 г. и повѣренный отвѣтчика не оспариваетъ, что означенное имѣніе у сего послѣдняго было родовымъ, три же четвертыя части сельца Юрьевки 20 марта 1825 года куплены покойнымъ Александромъ Колычевымъ у двоюродныхъ его братьевъ Сергѣя и Петра Колычевыхъ и двоюродной сестры, баронесы Боде, урожденной Колычевой, которымъ достались по

Шкафъ
Полка
№ 5

наслѣдству отъ того же Степана Колычева, Судебная Палата признаетъ, что означенныя имѣнія, на основаніи 3 п. 399 ст. X т. ч. 1 должны быть признаны для Александра Колычева родовыми и затѣмъ по праву законнаго наслѣдованія принадлежатъ, въ одной половинной части наслѣдникамъ сестры его, Оболенской, а въ другой половинной части наслѣдникамъ его сестры, Романовой, изъ коей на долю настоящихъ истцовъ, утвержденныхъ установленнымъ порядкомъ въ правахъ наслѣдства послѣ Александра Колычева, принадлежатъ отыскиваемыя ими $^{12}/_{14}$ части. Вслѣдствіе чего и имѣя въ виду, что за признаніемъ права истцовъ на спорное имѣніе, находившееся во владѣніи графа Николая Толстаго, представляется правильнымъ и заключеніе Суда по предмету полученныхъ съ его имѣнія доходовъ,—Судебная Палата опредѣляетъ: рѣшеніе Окружнаго Суда утвердить, а апелляціонную жалобу присяжнаго повѣреннаго Корсака оставить безъ уваженія, возложивъ на графа Толстаго согласно 868 ст. Уст. Граж. Судопр. отвѣтственность въ судебныхъ издержкахъ. Копію сего рѣшенія препроводить, при указѣ въ Тульскій Окружный Судъ, съ возвращеніемъ подлиннаго производства.

VIII.

Не допускается принесеніе одной, отъ общаго повѣреннаго, апелляціонной жалобы на разныя, хотя и въ одинъ и тотъ же день, состоявшіяся рѣшенія Окружнаго Суда (ст. 743 Уст. Гражд. Судопр.)

1871 года, апрѣля 6 дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московская Судебная Палата, по 2-му Гражданскому Департаменту, въ публичномъ судебномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Департамента Е. Е. Люминарскаго, въ составѣ членовъ: Б. А. Миллера, Ф. В. Вишнякова, Д. С. Охлябинина и М. М. Лопатина, разсматривала апелляціонное дѣло о признаніи за почетнымъ гражданиномъ Чикинымъ и священникомъ Соколовымъ права собственности на движимость, купленную у Австрійскаго подданнаго Іосифа Гольдбаха. Въ Московскомъ Окружномъ Судѣ разсматривалось два отдѣльныхъ дѣла: одно—по прошенію священника Соколова, о признаніи за нимъ права собственности на движимость въ 790 руб. сер., арестованную у австрійскаго подданнаго Гольдбаха, и другое—по прошенію почетнаго гражданина Чикина, о признаніи за нимъ права собственности на движимость въ 860 р. с., арестованную у Гольдбаха. Каждое изъ этихъ требованій основано было на отдѣльныхъ роспискахъ, подписанныхъ Гольдбахомъ

и выданныхъ имъ Чикину и Соколову. По каждому изъ требованій составлены въ Окружномъ Судѣ отдѣльныя производства и состоялись, хотя въ одно и то же число, по два отдѣльныхъ рѣшенія. На оба эти рѣшенія поступила одна общая апелляціонная жалоба, чрезъ одного общаго повѣреннаго истцовъ, Дѣйствительнаго Студента Розонова. Принимая во вниманіе во 1-хъ, что, на основаніи 15 ст. Уст. Граж. Судоп., нѣсколько истцовъ, участвующихъ въ производствѣ *одного дѣла*, хотя и могутъ предоставить право искать *одному общему повѣренному*, но, въ настоящемъ случаѣ, Розоновъ, въ качествѣ *общаго повѣреннаго* Чикина и Соколова, принесъ отъ *обоихъ довѣрителей одну* апелляціонную жалобу *по двумъ особымъ дѣламъ*, на что онъ, въ силу вышеприведенной статьи, не имѣлъ права, и во 2-хъ, что, на основаніи 743 ст. Уст. Гражд. Суд., можетъ быть принесена апелляціонная жалоба не иначе какъ отдѣльная на всякое изъ рѣшеній Окружнаго Суда,—Московская Судебная Палата постановляетъ: апелляціонную жалобу повѣреннаго Чикина и Соколова, Дѣйствительнаго Студента Розонова, какъ поданную на два рѣшенія по двумъ отдѣльнымъ искамъ, оставить безъ разсмотрѣнія. Копію сего опредѣленія, съ возвращеніемъ двухъ производствъ Окружнаго Суда, препроводить въ Московскій Окружной Судъ.

Шкафъ
Полка
№ 3

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

СМЫСЛЪ ПОСЛОВИЦЫ:

ВДОВА—МІРСКОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Въ „Юридическомъ Вѣстникѣ" давно заявлена потребность изучать русскіе юридическіе обычаи, и при этомъ предложены извѣстные пріемы, облегчающіе открытіе такихъ обычаевъ и наблюденіе надъ ними. Прибавимъ, что къ числу несомнѣнныхъ способовъ или пріемовъ къ открытію юридическихъ обычаевъ должно отнести знакомство съ юридическими пословицами и поговорками народа,—пословицами и поговорками, въ которыхъ ясно и опредѣленно выражается убѣжденіе народа въ извѣстномъ юридическомъ правилѣ, или принципѣ, служащемъ часто основаніемъ для господствующаго въ странѣ юридическаго обычая. Примѣръ подобной связи между пословицей и обычаемъ, или между словомъ народа и его дѣломъ можетъ служить приведенное выраженіе: вдова—мірской человѣкъ.

Современные писатели повѣстей и романовъ, комедій и драмъ изъ народнаго быта вѣрно подслушали эту русскую народную поговорку, или пословицу, но поняли ее не порусски, не по народному, и изъ юридической, выражающей законъ и право, обратили ее въ бытовую, характеризующую случайныя явленія жизни. Пришлось изъ случайности или исключенія построять родъ правила или начала, въ противность и духу народа и положенію лицъ, относимыхъ къ разряду несчастныхъ, вызывающихъ состраданіе, и никогда презрѣніе, подобно сиротамъ, малолѣтнимъ, престарѣлымъ, напр. хоть по выраженію нашихъ

старинныхъ актовъ, гдѣ *постоянно вмѣстѣ* говорится о *сирыхъ* и *о вдовицахъ*. Это постоянное сопоставленіе сирыхъ и вдовицъ при чемъ акты *никогда не называютъ сиротъ мірскими людьми*, рѣшаетъ отрицательно вопросъ: не называются ли вдовы мірскими людьми въ смыслѣ призрѣваемыхъ міромъ? Конечно, нѣтъ, тѣмъ болѣе, что не всѣ же вдовы требуютъ призрѣнія. Какой же смыслъ пословицы?

Какъ всѣмъ извѣстно, міромъ называется собраніе, или единство и совокупность членовъ извѣстной общины, являющихся на мірской сходкѣ, разсуждающихъ о мірскихъ, или общественныхъ дѣлахъ, и полагающихъ по этимъ дѣламъ мірскіе приговоры, или обязательныя для всѣхъ членовъ правила дѣйствія. Общерусскій старинный способъ самоуправленія, являвшійся даже въ сферѣ государственной, въ формѣ боярскихъ приговоровъ, сопровождавшихъ царскіе указы. На этихъ сходахъ теперь, какъ извѣстно, да и въ древнее время, не являлась и не имѣла голоса женщина, пока она оставалась незамужнею дочерью, или пока находилась замужемъ, т.-е. за мужемъ, которымъ, такъ сказать, заслонялась отъ общества, и пребывала въ области семьи. Но, когда та же женщина теряла своего мужа, она уже не возвращалась къ своей прежней семьѣ, не подчинялась власти отца, и сама становилась человѣкомъ самостоятельнымъ, или порусски, мірскимъ. Уже Св. Ольга подаетъ примѣръ своей вдовьей самостоятельности, - со смерти Игоря, своего мужа. „Русская Правда“ въ извѣстной статьѣ о вдовѣ—матери, „яже сидѣти начнетъ съ дѣтьми,“ узаконяетъ право вдовьей самостоятельности. Появленіе Марѳы Посадницы, т.-е. вдовы Посадника Борецкаго на вѣчѣ, и значительная роль, которую играла въ Новгородѣ эта женщина, несомнѣнно убѣждаютъ, что древнее общественное управленіе и устройство допускали женщинъ—вдовъ въ свою сферу. Въ наше время, и мірскіе сходы, у крестьянъ, и разныя собранія городскихъ учителей, по новымъ законамъ о городскомъ общественномъ управленіи, напр. въ Москвѣ, и составленіе земскихъ учрежденій, всѣ эти органы русской общественности явно допускаютъ право участія женщинъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Тѣмъ несомнѣннѣе это право должно принадлежать женщинамъ самостоятельнымъ, вдовамъ, а потому теперь вдову должно назвать мірскимъ человѣкомъ, или самостоятельнымъ, полноправнымъ членомъ разумно организованнаго общества. Но, разумѣется, какъ встарину, женщина не была обязана являться всякій разъ на сходъ, а напротивъ имѣла право высылать туда своего представителя, или уполномоченнаго, такъ и теперь, но это составляетъ ея право, а не лишеніе. Встарину

Шкафъ
Полка
№

даже судебные акты иногда совершались на дому у женщинъ не желавшихъ являться для того предъ публикою.

Итакъ: *вдова—мірской человѣкъ*, эта пословица юридическая, выражающая права, обычаемъ народнымъ усвоенные самостоятельнымъ женщинамъ, а не пословица бытовая, какъ ее приняла и поняла наша пишущая братія; въ этой пословицѣ выражается почетъ и уваженіе ко вдовамъ, а не покоръ или подозрѣніе.

В. Лешковъ.

«ТРИ ВОПРОСА»

ИЗЪ ПРАКТИКИ МОСКОВСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ.

I

Предметъ дѣла составляетъ обвиненіе рядоваго Я—ва въ томъ, что, онъ будучи нанятъ сторожить лѣсъ, похитилъ изъ онаго нѣкоторое количество при содѣйствіи крестьянина И—ва. Московская Судебная Палата признала поступокъ сторожа рядоваго Я растратою и дѣло, на основаніи 177 ст. Уст. о Нак. нал. мир. суд. передала подлежащему мировому судьѣ (33 ст. Уст. Угол. Суд.). Но съ этимъ опредѣленіемъ едвали можно согласиться.

Существенный признакъ предусмотрѣннаго 177 ст. Уст. о нак. дѣянія есть присвоеніе или растрата чужаго движимаго имущества, отданнаго для одной изъ цѣлей, въ той статьѣ исчисленныхъ. Если отъ домашней прислуги, къ которой, безъ сомнѣнія, относится и сторожъ, получающій отъ хозяина жалованье (Рѣш. Кас. деп. 1869 г.), требуется вообще особенное попеченіе о сохраненіи имущества хозяина, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы эту обязанность можно было приравнивать къ той, которая истекаетъ изъ принятія на сохраненіе или для извѣстнаго употребленія вещей. Между тѣмъ обязанность слуги носитъ другія характеристическія черты: обязанность эта общая, распространяющаяся на все имущество хозяина и истекающая изъ существа отношеній прислуги къ хозяину, основанныхъ на довѣріи. Нарушеніе этого довѣрія, выразившееся въ умышленной растратѣ хозяйскаго имущества законъ нашъ признаетъ воровствомъ-кражею (Т. X ч. I Зак. Гражд. ст. 2233 и 2234). Поэтому-то для правильнаго примѣненія къ дѣлу закона необходимо выяснить то обстоятельство, находились-ли утраченныя вещи на сохраненіи у слуги вслѣдствіе особаго условія и соглашенія между нимъ и хозяиномъ, или же обязанность храненія

Шкафъ
Полка
№ 3

вытекала изъ общихъ отношеній сихъ лицъ. Очевидно, что опредѣленіе Палаты могло бы быть признано правильнымъ лишь въ первомъ случаѣ.

II.

Крестьянинъ К—въ, сознавшійся въ кражѣ вещей съ воза, обвинялся по 1652 и 1660 ст. Улож. о нак., потому что за десять лѣтъ передъ тѣмъ судился еще за простую кражу. Законодательство наше признаетъ два рода давности: давность происшествія и давность обнаруженія виновнаго. Первая имѣетъ примѣненіе тогда, когда преступленіе не сдѣлалось гласнымъ въ продолженіи опредѣленнаго закономъ времени, а вторая въ случаѣ необнаруженія въ продолженіи того же времени виновнаго (158 ст. Улож. о нак.). Изъ сего слѣдуетъ, что давность не можетъ простираться на случаи, подобные вышеизложенному. Прежняя судимость дѣлается, такимъ образомъ, вѣчнымъ позоромъ для подсудимаго, которому нѣтъ даже возможности хорошимъ поведеніемъ изгладить ее: она всегда будетъ приниматься въ разсчетъ при совершеніи новаго преступленія или на основаніи 132 ст., или 1655 и 1660 ст. Улож. о нак. Но едвали будетъ противно духу закона, если признать (151 ст. Улож. о нак.) возможнымъ примѣненіе давности къ судимости, долженствующей утрачивать свое значеніе съ теченіемъ времени, положеннаго для бытія уголовной давности вообще. Это представлялось бы еще болѣе сообразнымъ потому, что подсудимый часто несетъ значительную долю наказанія за преступленія, совершенныя имъ еще во время его несовершеннолѣтія, когда онъ не имѣлъ еще должнаго пониманія объ учиненномъ дѣяніи.

III.

Могилевскій мѣщанинъ А. уличался въ томъ, что проѣзжая по Николаевской желѣзной дорогѣ, похитилъ у ѣхавшаго съ нимъ въ одномъ вагонѣ запертый сакъ-вояжъ и скрылся при остановкѣ поѣзда на Крюковской станціи. Обвиненіе направлено было по 1652 ст. Улож. о нак. Но съ этимъ согласиться нельзя. По приведенной статьѣ закона преслѣдуется кража съ почтовыхъ повозокъ, дилижансовъ и другихъ учрежденныхъ правительствомъ, обществами или частными людьми транспортовъ, къ которымъ слѣдуетъ отнести и желѣзныя дороги (Рѣш. Кас. деп. 1868 г. № 504). По точному смыслу этой статьи и связи ея съ послѣдующею 1652 ст. Улож. о нак., видно, что оная преслѣдуетъ не кражу, учиненную лицами, въ транспортѣ находящими-

ся, а лицами посторонними, отъ которыхъ безопасность сообщеній въ пути или на станціяхъ требуетъ особенныхъ огражденій (Рѣш. Кас. деп. 1868 г. № 542). Очевидно, что къ такимъ постороннимъ лицамъ не могутъ быть отнесены пассажиры, находящіеся въ вагонѣ одного поѣзда и на нѣкоторое время всѣ одинаково заинтересованные въ охраненіи своего имущества. Пассажиры въ этомъ случаѣ могутъ быть сравнены до нѣкоторой степени съ лицами, находящимися на кораблѣ во время его плаванія. Если это сравненіе можетъ быть допущено, то на основаніи 151 ст. Улож. о нак. не представится уже препятствія къ преслѣдованію кражи, между пассажирами учиненной, какъ за кражу, совѣршенную лицемъ, находящимся на кораблѣ. Посему подобный приведенному случай кражи, на основаніи 151 и 1264 ст. Улож. о нак., по моему мнѣнію, долженъ быть отнесенъ къ преступленію, предусмотрѣнному 2 отд. 1649 ст. того же Уложенія (Высочайше утвержд. Мнѣніе Госуд. Совѣта 26-го іюня 1849 г. по дѣлу Маркевича).

Членъ Палаты Д. Тихомировъ.

Шкафъ
Полка
№ 3

НОВѢЙШАЯ АДВОКАТУРА

(LE BARREAU MODERNE)

СОЧИНЕНІЕ ЖЮЛЯ ЛЕ-БЕРКЬЕ,

АДВОКАТА ПРИ ВЕРХОВНОМЪ СУДѢ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

В. И. Кохнова.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°)
на Страстномъ бульварѣ.
1871.

Шкафъ
Полка
№ 5

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нѣсколько времени тому назадъ, въ торжественномъ собраніи парижской и лондонской адвокатуры, генералъ-аторней высказалъ между прочимъ слѣдующую мысль: „Мы „пользуемся въ нашей странѣ тремя великими, тремя нео„цѣненными благами и для насъ было-бы счастіемъ ви„дѣть, что эти блага распространяются во всемъ остальномъ „мірѣ. Тамъ гдѣ они существуютъ, я рѣшаюсь высказать „это прямо, свобода не можетъ быть подавлена. Блага эти „—свобода печати, свободный парламентъ и свобода адво„катуры.“ Въ самомъ дѣлѣ, въ судебномъ сословіи, которое составляютъ коронный судъ и адвокатура, лежитъ первая гарантія свободы. Страна, гдѣ судьи лишены независимости и твердости, а адвокатурѣ недостаетъ мужества и таланта, такая страна на вѣрномъ пути къ паденію. Подобное замѣчалось нѣкогда въ римскомъ обществѣ. Во времена имперіи историкъ, бывшій въ то же время ораторомъ, оплакивалъ сильный упадокъ краснорѣчія, и дѣйствительно, правосудіе въ то время весьма замѣтно мельчало. Что было причиной этого явленія въ ораторскомъ искусствѣ, которое шло въ тѣ времена впереди всѣхъ остальныхъ? Рѣшеніе этого вопроса ораторъ представилъ въ одномъ діалогѣ, который рисуетъ намъ картину нравовъ полную красокъ и жизни, гдѣ каждая личность отражаетъ цѣлое настроеніе, чуть не эпоху. Одинъ изъ собесѣдниковъ, поборникъ древней свободы, Мессала, сурово порицалъ современное положеніе дѣлъ. Онъ говорилъ, что паденіе ораторскаго искус-

Шкафъ
Полка
№ 3

ства, равно какъ и всѣхъ искусствъ вообще, происходитъ отъ развращенія нравовъ, необузданной страсти къ роскоши и легкомысленнымъ удовольствіямъ, отъ того наконецъ, что забыта добродѣтель и чувство свободы. Пороки, порожденные Римомъ, распространились по провинціямъ и завладѣли наконецъ всѣмъ государствомъ. Отцы, измѣнившіе своему прошедшему, научаютъ дѣтей низости и распущенности, откуда презрѣніе къ самому себѣ и къ другимъ! Но современный человѣкъ,—Матернъ держался совершено противоположнаго взгляда. Что необходимо для краснорѣчія? спрашивалъ онъ. Броженіе умовъ, горячія страсти, подозрительность народа, ревниво оберегающаго свои прерогативы. У насъ же напротивъ царитъ полное спокойствіе, ничто не тревожитъ молчанія, повсюду необыкновенное затишье. „Къ чему долгія пренія въ сенатѣ, когда благонамѣренные умы такъ быстро приходятъ къ соглашенію? Для чего эта болтовня съ народомъ, когда управленіе государствомъ не принадлежитъ болѣе всѣмъ, а ввѣрено мудрости одного? Какая польза въ обвиненіяхъ лихоимства, когда преступленіе это встрѣчается такъ рѣдко и въ такихъ ничтожныхъ размѣрахъ? Итакъ, друзья мои, вы обладаете всѣмъ краснорѣчіемъ, какое могутъ допустить современные нравы.“ При этихъ словахъ бесѣда рѣзко прерывается.

Слѣдуетъ ли намъ возвращаться за двѣ тысячи лѣтъ назадъ къ этому діалогу, гдѣ Тацитъ указывалъ на пропасть, къ которой уже въ его время стремилась адвокатура и правосудіе? Замѣчается ли въ настоящее время присутствіе того же зла и слѣдуетъ ли объяснять это зло тѣми же причинами? Нѣкоторые писатели утверждали, что адвокатура роковымъ образомъ обречена на уничтоженіе. Они готовы думать, что современные адвокаты будутъ въ то же время и послѣдними адвокатами. По мнѣнію ихъ, мѣсто адвокатуры вскорѣ займетъ сборище людей, лишенныхъ традицій и дисциплины, связанныхъ между собою единственно лишь общностью занятій. Люди эти станутъ заботиться только о томъ, что составляетъ предметъ заботъ каждаго человѣка: они сдѣлаютъ общественныя дѣла средствомъ для достиженія личнаго благостоянія. „Они, говорятъ намъ, сами не подозрѣваютъ того, что въ ихъ рукахъ кончается искусство и начинается промышленность. Это не ихъ вина; тутъ вино-

„вата устарѣвшая профессія, которая могла процвѣтать лишь „при нравахъ и обычаяхъ, сдѣлавшихся достояніемъ исто„ріи: она не носитъ уже въ себѣ удовлетвореній въ замѣнъ „требуемыхъ ею жертвъ, которыя вслѣдствіе потребностей „и наклонностей вѣка дѣлаются съ каждымъ днемъ все тяже„ле и тяжеле. *)“ Приговоръ строгъ, но основателенъ ли онъ? Въ самомъ дѣлѣ, должна ли адвокатура согласиться, что конецъ ея близокъ, или, что тоже, стать покорнымъ и безпрекословнымъ рабомъ общества? Справедливы ли эти упреки въ настоящее время, или лучше сказать, въ самомъ ли дѣлѣ адвокатура позволила себѣ увлечься опасною страстью къ обогащенію? Дѣйствительно ли состарѣлось то учрежденіе, которое, несмотря ни на что, всегда и вездѣ домогалось торжества права и справедливости?

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что на глазахъ настоящаго поколѣнія нравственный уровень дѣйствительно во многомъ понизился. Дурные примѣры оказали свое обычное дѣйствіе: быстро и безнаказанно пріобрѣтенныя богатства, неожиданныя и скандалезныя возвышенія нанесли серьезный ударъ общественной совѣсти и смутили нравственное чувство почти во всѣхъ слояхъ общества. Надо признаться, что въ виду зловредной доктрины свершившагося факта, законъ мало размышлялъ, право относилось ко всему снисходительно, самая справедливость казалась чѣмъ-то старомоднымъ и обветшалымъ. Возмущенная совѣсть однихъ съ горечью поникла въ ожиданіи лучшихъ дней, въ другихъ она исказилась и унизилась. У насъ была своя эпикурейская секта, благодаря которой грубый и чувственный матеріализмъ руководилъ вкусами Франціи. Искусство ослабѣло и извратилось, лучшіе умы подтверждаютъ этотъ фактъ. Мы слышали, какъ подъ вліяніемъ того же изсушающаго и мертвящаго дыханія провозглашалось презрѣніе ко всему, въ чемъ выражается зрѣлость общества, презрѣніе къ краснорѣчію, трибунѣ и адвокатурѣ, презрѣніе къ прессѣ. Да, современное поколѣніе имѣло печальную привиллегію присутствовать при этомъ зрѣлищѣ, и слишкомъ долго тѣ, чье сердце сжималось при видѣ всего этого, должны были ограничиваться лишь стономъ.

---

*) M. le conseiller Pinard „Le Barreau au XIX siècle“ p. 26.

Шкафъ
Полка
№

Слѣдуетъ ли отчаяваться однако въ будущемъ? Все ли безвозвратно потеряно? Мы думаемъ, что авторы самыхъ мрачныхъ пророчествъ могутъ наконецъ успокоиться. Пробужденіе страны началось, хотя еще не вполнѣ. Замѣчается глубокій разрывъ между тѣмъ поколѣніемъ, которое родилось и жило во время сильнѣйшаго владычества зла, и тѣмъ, которое слѣдуетъ за нимъ. Своими глубоко прочувствованными стремленіями это послѣднее ясно показало намъ, какъ то, что оно намѣрено воззвать къ жизни, такъ и то, насколько оно съумѣетъ заботливо охранить пріобрѣтенное. Воспитанное въ мужественномъ созерцаніи, поставленное на вершины, гдѣ вѣетъ здоровое дыханіе великой интеллектуальной жизни и свободы, поколѣніе это оставило уже далеко за собою фалангу отдавшихся суетнымъ удовольствіямъ и „нечистымъ радостямъ жизни. „ Чего бы я желалъ всѣми „силами души моей для тѣхъ, кто затерялся на этомъ по„рочномъ пути, гдѣ впереди ждетъ ихъ вѣрная гибель, го„ворилъ еще такъ недавно Жюль Фавръ, такъ это того, что„бы примѣръ другихъ послужилъ для нихъ суровымъ уро„комъ, чтобы успѣхъ ихъ молодыхъ соперниковъ сталъ для „нихъ наказаніемъ, — соперниковъ, которые зная цѣну не„ослабнаго труда, самоотверженно отдаются ему и рано или „поздно встрѣтятъ на этой узкой и скользкой стезѣ вни„маніе и уваженіе своихъ согражданъ, нерѣдко и блага „матеріальныя, которыми никогда не слѣдуетъ пренебрегать „въ жизни, такъ какъ они помогаютъ намъ дѣлать добро. „Въ виду этого успѣха, завоеваннаго трудомъ и талантомъ, „будьте увѣрены, что усилія, сдѣланныя для торжества „правды, будутъ громадны, и вы увидите, какъ мало-по-ма„лу просвѣтлѣютъ ряды этой безполезной молодежи, этихъ „легкомысленныхъ юношей, какъ ихъ справедливо называли. „Позади останутся только запоздавшіе, которые, не имѣя „болѣе силъ измѣнить свой образъ мыслей, должны будутъ „искать призрака жизни въ тѣхъ развлеченіяхъ, которыя, „унижая равнымъ образомъ душу и тѣло, оставляютъ послѣ „себя только безплодныя и безсильныя сожалѣнія.“ *) И это-то пробужденіе страны, этотъ поворотъ общественнаго

*) „De l'influence des moeurs sur la littérature, conférence a la salle Valentino 10, janvier 1869.

мнѣнія, это наконецъ распространеніе просвѣщенія,—пусть призадумаются надъ этимъ,—произведено вліяніемъ слова! Трибуна возстановлена и, чтобы тамъ ни говорили, она возродилась сама собой, единственно благодаря могущественному вліянію того, что называютъ силою вещей. Но, благодаря бога, ораторы прежнихъ временъ пережили этотъ временный упадокъ трибуны, и парламентское краснорѣчіе возродилось съ новымъ блескомъ. Правда, оно возродилось посреди неразумнаго и отсталаго законодательства, которое было установлено безъ участія парламента, но будучи на своемъ мѣстѣ, теперь оно готово съ мужествомъ и твердостью отразить зло и съ каждымъ днемъ полагаетъ предѣлы его распространенію.

Каково-же было положеніе адвокатуры въ продолженіи этого печальнаго періода? Дала ли она своими дѣйствіями право предсказывать для нея упадокъ и окончательное разрушеніе? Можно утверждать безъ преувеличенія, что адвокатура, благодаря необходимой роли, какую играетъ она въ жизни и той мощной автономіи, изъ которой истекаетъ ея независимость, унижена быть можетъ менѣе, чѣмъ какое-либо другое учрежденіе. Жизнь адвокатурѣ даетъ не власть, и въ этомъ ея сила, въ этомъ объясненіе того, что она можетъ служить въ равной мѣрѣ всякому—богатому и бѣдному, могущественному и слабому. Тщетно старались смирить ее и поставить въ рядъ корпорацій, истекающихъ изъ закона, для того чтобы имѣть возможность управлять ею. Напрасно также хотѣли придать ей значеніе монополіи или привиллегіи. Какъ будто возможно придавать названіе монополіи тому сословію, доступъ въ которое открытъ всѣмъ талантамъ и заслугамъ подъ единственнымъ условіемъ честности; какъ будто можетъ быть рѣчь о привиллегіи тамъ, гдѣ все предназначено къ охраненію самой высшей свободы,—свободы защиты. Современныя доктрины и сарказмы не повредили адвокатурѣ. Этимъ разрушительнымъ тенденціямъ она противопоставила могущественную узду дисциплины и затѣмъ удвоила свою преданность свободѣ, по мѣрѣ того какъ возрастала опасность угрожавшая ей. Не забывайте, что адвокаты древности были самыми пламенными защитниками отчизны и нужны были вѣка варварства, чтобы отклонить адвокатуру отъ исполненія этой благородной миссіи.

Шкафъ
Полка
№ 5

Революція снова призвала ее на почву общественной свободы, и адвокатура отстояла эту свободу въ новомъ законодательствѣ, которое, большею частію ею же, и было внушено учредительному собранію. „Еслибы, какъ справедливо говоритъ Огюстенъ Тьерри, условія, при которыхъ родилась революція, были благопріятны, то мы увидали бы, какъ духъ принциповъ свободы, порожденныхъ человѣческимъ разумомъ и оттуда перешедшихъ въ писанныя конституціи, воплотился бы, такъ сказать, въ новомъ классѣ людей закона. Судебное сословіе поднялось бы тогда до своего высшаго назначенія—неуклонно ограждать личность гражданина отъ несправедливыхъ притязаній частныхъ и правительственныхъ. Но это великое учрежденіе не сформировалось; тѣ, которые были достойны положить основаніе его, погибли среди междоусобныхъ волненій. Когда спокойствіе возстановилось, въ умахъ царило утомленіе и пустота и единственной опорой судебныхъ учрежденій явились старые члены парламентовъ и совѣтники Шателе (Châtelet). Призванные къ отправленію судебныхъ обязанностей, они въ дѣйствіяхъ своихъ не могли конечно отрѣшиться отъ духа своего воспитанія и прежнихъ привычекъ. Хотя въ отношеніяхъ исключительно частныхъ прежнія доктрины имѣли мало вліянія, такъ какъ гражданскіе законы были построены на основаніяхъ, данныхъ учредительнымъ собраніемъ, зато уголовный кодексъ, повидимому, былъ составленъ тѣми, кого называли „мясниками уголовнаго суда“ (les bouchers de la Tournell); законы судопроизводства были разсчитаны на то, чтобы по каждому преступленію былъ непремѣнно кто-либо обвиненъ; политическія преступленія были предоставлены вѣдѣнію коммиссій. Но въ 1814 году французская революція внезапно пробудилась. Возставъ изъ болота имперіи, либеральная Франція, молодая и блестящая, вновь явилась міру, подобно тѣмъ городамъ, которые мы находимъ неповрежденными, разрывая слой лавы, покрывавшій ихъ въ теченіи столѣтій. Духъ этой возрожденной Франціи перешелъ во французскую адвокатуру и въ школы права, такъ долго остававшіяся безцвѣтными и безжизненными.“ *) Задача адвокатуры съ этихъ поръ измѣнилась и расширилась; правда, адвокаты не произно-

*) Dix ans d'études historiques p. 280.

сили рѣчей предъ мятежной толпой, какъ это было въ древнія времена Рима, но зато кліентомъ ихъ сдѣлалась цѣлая страна. Адвокатура, отправляясь отъ законодательства, 1789 г., продиктованнаго ею же самою, и отъ тѣхъ возвышенныхъ принциповъ, на основаніи которыхъ зиждется современное общество, перешла отъ охраненія частныхъ интересовъ къ защитѣ гражданской свободы, настойчиво проводя въ жизнь эти принципы и законодательство 89 года. Исполняя такимъ образомъ свое истинное общественное назначеніе, адвокатъ нашихъ временъ приблизился къ адвокату древности. Беря высшую и вмѣстѣ съ тѣмъ самую истинную точку зрѣнія, мы видимъ, что адвокатъ прежде всего и главнѣе всего представитель права, т.-е. свободы. Разъ согласившись съ этимъ положеніемъ, можно смѣло утверждать, что адвокатура во многомъ способствовала возстановленію общественнаго мнѣнія; она всегда мужественно отстаивала право и снова все привела къ правосудію. Не изъ ея ли среды, въ виду дерзкаго посягательства, раздались слова „forum et jus“,—слова, проникшія тогда въ сознаніе каждаго гражданина и въ настоящее время сдѣлавшіяся лозунгомъ Франціи противъ всякаго нарушенія права и закона. Каждый разъ, когда правосудіе твердо шло по прямому пути оно видѣло возлѣ себя адвокатуру, готовую мужественно поддерживать его.

Почему же магистратура (да позволено намъ будетъ это сказать, при всемъ уваженіи, какое мы къ ней питаемъ), отчего же она такъ недовѣрчиво относится къ своей силѣ? Старые парламенты имѣли о своей совершенно иное понятіе. Хотя личный составъ ихъ зависѣлъ отъ нихъ же самихъ, и это было однимъ изъ главныхъ ручательствъ ихъ власти, тѣмъ не менѣе однако они боролись противъ режима, проникшаго тогда въ общественное право, который, провозглашая, что правосудіе истекаетъ отъ верховной власти, непрестанно возставалъ противъ нихъ и призывалъ ихъ къ повиновенію. Почему же магистратура, съ тѣхъ поръ какъ учредительное собраніе провозгласило, что правосудіе есть истинная власть и, также какъ и всякая другая, исходитъ изъ воли народа,—какимъ образомъ, говоримъ мы, судебное сословіе Франціи не нашло средствъ для болѣе энергичной

Шкафъ
Полка
№ 5

защиты этого завоеванія революціи, поставившаго ее такъ высоко въ общественномъ мнѣніи? Не затерялся ли самый слѣдъ этого воззрѣнія среди различныхъ конституцій, одна другую изгонявшихъ въ теченіи трехъ четвертей столѣтія? Правда, невозможно отрицать, какъ замѣтилъ Огюстенъ Тьерри, что въ нашихъ юридическихъ учрежденіяхъ, вслѣдствіе вліянія людей стараго вѣка, которые были призваны примѣнить эти учрежденія къ жизни, произошли нѣкоторыя уклоненія отъ истиннаго пути. Но переставало ли хотя на мгновеніе быть истиной то положеніе, что правосудіе есть одно изъ главнѣйшихъ отправленій общественной власти въ государствѣ? Пусть конституція VIII года совсѣмъ не упоминаетъ объ этомъ предметѣ; пусть въ конституціи XII года говорится о „судебномъ сословіи“; пусть хартіи 1814 и 1830 годовъ утверждаютъ, ошибаясь числомъ, что „всякое правосудіе исходитъ отъ короля;“ пусть конституція 1848 г. опять возвращается къ „судебной власти“ и наконецъ въ 1852 по примѣру VIII г. на этотъ счетъ опять хранится молчаніе—все это не имѣетъ никакого значенія. Несмотря на притязанія, указы или совершенное молчаніе хартій относительно этого предмета, судъ сохранилъ среди нашихъ учрежденій принадлежащее ему достоинство и власть. Это потому, что выше всѣхъ преходящихъ формъ законодательства поднимается, господствуя надъ ними, тотъ великій принципъ, что въ концѣ концовъ судебная власть стоитъ въ наши дни на ряду съ законодательной и исполнительной и, также какъ послѣднія, требуетъ себѣ полной независимости, что подобно имъ она исходитъ изъ воли народа и дѣйствуетъ, какъ сказало учредительное собраніе, исключительно вслѣдствіе полномочія даннаго націей. Какимъ бы образомъ ни назначались судьи—по выборамъ или по назначенію верховной власти, которая у насъ въ свою очередь есть не болѣе какъ избранная,—это не затрогиваетъ основнаго начала. Туре (Thouret), говоря о власти обвинительной, объяснилъ это очень хорошо въ учредительномъ собраніи: „Во время преній, говорилъ онъ, было ясно установлено, что обвиненіе составляетъ личное право гражданъ, вытекающее изъ соціальнаго договора; что если они, ради собственнаго же интереса, должны уступить это право, то не иначе какъ

передавъ его избранному ими, пользующемуся ихъ довѣремъ представителю, что наконецъ это право находилось въ рукахъ королей не какъ необходимая принадлежность ихъ власти, но какъ ввѣренное имъ отправленіе жизни народа, имѣющее одинаковое происхожденіе съ правомъ суда, отъ котораго по этой причинѣ они вынуждены были отказаться, признавъ судей несмѣняемыми. Вопросъ этотъ былъ окончательно рѣшенъ". *) Да, это было ясно въ 1790 г. Учредительное собраніе извлекло этотъ принципъ, который служитъ теперь предметомъ нашего обсужденія, изъ мрака, какимъ окружила его абсолютная монархія, и поставило его въ основаніе судебной организаціи. Этотъ-то именно фактъ наша магистратура и упускаетъ изъ виду, скажемъ болѣе, —какъ ни странно это можетъ показаться,—у нея не достаетъ даже рѣшимости признать его. Съ тѣхъ поръ какъ конституція VIII года возвратила главѣ государства право назначенія судей, магистратура считаетъ себя, такъ-сказать, состоящею подъ опекой верховной власти. Вѣдь было же сказано на одномъ изъ тѣхъ торжественныхъ собраній въ соединенномъ засѣданіи высшаго суда, которыя, будучи установлены для того, чтобы живѣе напоминать судьямъ ихъ права и обязанности, превращаются все болѣе и болѣе однако въ собранія для произнесенія панегириковъ главѣ государства,—было, говоримъ, сказано, что правосудіе исходитъ отъ власти исполнительной. *) Такимъ образомъ, первая и наиболѣе желанная, быть можетъ, изъ предположенныхъ реформъ была бы та, которая бы дала судьѣ болѣе ясное понятіе о его обязанности и о всемъ объемѣ правъ связанныхъ съ нею.

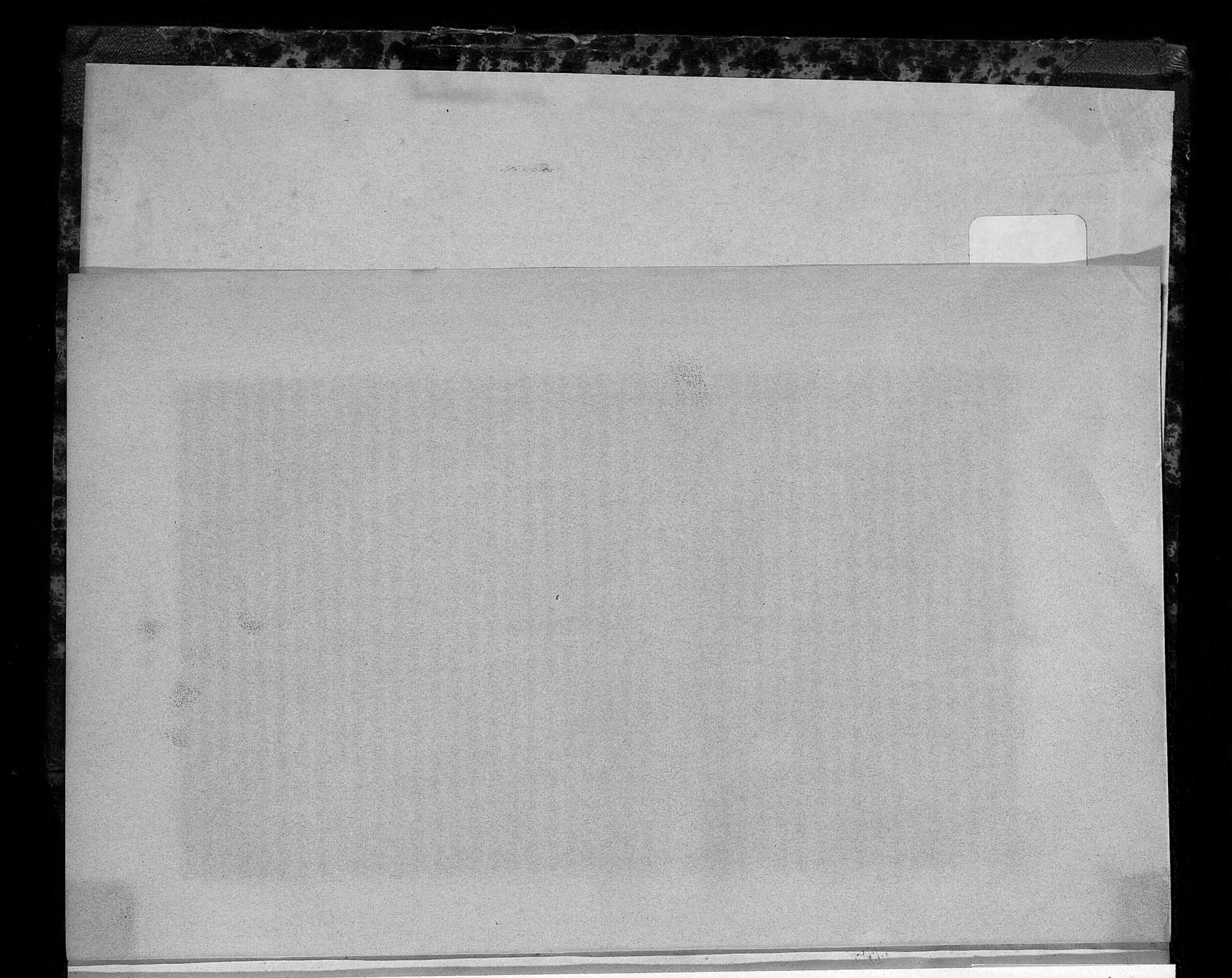
Въ предлагаемомъ нами сочиненіи не легко было отдѣсить адвокатуру отъ другаго, тѣсно связаннаго съ нею учрежденія—суда. Разсматривая ихъ вмѣстѣ, какъ два необходимыхъ отдѣла судебнаго порядка, мы попытались взглянуть на нихъ съ той возвышенной точки зрѣнія, которая вполнѣ имъ свойственна и обозначить движеніе происшед-

*) Шестая рѣчь Туре о судебной организаціи въ учредительномъ собраніи.

*) „Судебная власть есть вѣтвь власти исполнительной, а отсюда прямое заключеніе, что послѣдней принадлежитъ право назначать судей."—Рѣчь генералъ-прокурора Савари въ кассаціонномъ судѣ 3 ноября 1862 г.

Шкафъ
Полка
№ 5

шее въ этомъ направленіи, особенно въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ, въ большей части государствъ Европы. Этотъ предметъ, по нашему мнѣнію, наиболѣе достоинъ вниманія тѣхъ, кто убѣжденъ, что безъ правосудія нѣтъ свободы, а безъ свободы страна не имѣетъ будущности и недостойна самой себя.



00083629
ЮФ СПбГУ